

С. И. ШИШКОВ

ПЕТЕРБУРГ ЭКСКУРСИОННЫЙ

Экскурсии:

Вдоль палат и дворцов высших адмиралтейцев
По Невскому проспекту — к Адмиралтейству

Рекомендации по их проведению

Санкт-Петербург
ПЕНОМЕ 2008

УДК 937.084.2:908

ББК 63.3(2)46л8+63.3(2-2Санкт-Петербург)

Ш65

Шишков С. И.

Ш65 Петербург экскурсионный. Экскурсии. Рекомендации по их проведению / С. И. Шишков. — СПб. : Реноме, 2008. — 256 с. : ил.

ISBN 978-5-98947-096-9

Эта книга для тех петербуржцев, которые любят свой город, с интересом хотят рассказать о нём и показать его своим родным, близким, друзьям и гостям северной столицы.

УДК 937.084.2:908

ББК 63.3(2)46л8+63.3(2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-98947-096-9

© С. И. Шишков, 2008

ОТ АВТОРА

Санкт-Петербург и образ плывущего корабля под парусами со шкипером на мостике воспринимаются петербуржцами и гостями города как символ праздника.

Главную роль в этом сыграло возведение на невских берегах крепости, верфи и прекрасного здания Адмиралтейства с его золотым корабликом.

Санкт-Петербург — город морских традиций, где арабское понятие «адмирал — владыка моря» нашло своё естественное предназначение и с которым в нём соотносятся многие объекты, такие как проспект, канал, набережная, верфь и даже целый современный административный район с населением около 200 000 человек.

Две экскурсии, предлагаемые в данной книге, рассказывают об Адмиралтейском острове.

В современных справочниках по Санкт-Петербургу такого официального названия острова не встречается.

Дело в том, что в то далёкое время начала XVIII века, о котором в основном рассказывается в экскурсиях, название местностей упоминалось в устных и в основном финских и шведских изложениях.

Новые названия на русский лад тогда только начали появляться.

Естественно, что местность вокруг строящейся новой адмиралтейской верфи определялась её предназначением. Тем более что здесь на берегу Невы рядом с верфью стали возводить дома для высших адмиралтейских начальников. Тогда же были разработаны и планы регулярного строительства, в которых закреплялись новые названия.

Так, в 1712 году архитектор Доменико Трезини создал план урегулирования кварталов между Адмиралтейством и Почтовым двором, а в 1716–1717 годах архитектор Г.И. Матарнови составил план направления улиц и дальнейшей застройки Адмиралтейского острова.

Новый план направления улиц на Адмиралтейском острове начертил и архитектор Н.Гербель в 1719 году.

В 1738 году проекты разных частей города начали разрабатывать уже на более точной геодезической основе, где была закреплена определяющая роль Адмиралтейской части в композиционном решении центра города.

Башня Адмиралтейства превращалась в новую главную вертикальную доминанту, от которой веером расходились улицы.

Тогда же официально были закреплены и пять частей города, первой среди которых была Адмиралтейская часть.

В 1765–1766 годах эта территория была разделена на две, а с 1782 года — на три адмиралтейские части.

Сегодня о границах Адмиралтейского острова можно говорить условно, ограничиваясь реками Невой, Фонтанкой и Мойкой.

Одной из самых эффективных форм восприятия и осмысления истории и культуры Санкт-Петербурга является экскурсия, предполагающая показ исторических памятников и рассказ о них, исходя из разработанного маршрута и подтем его содержания.

Предлагаются две темы пешеходных экскурсий:

- Мимо палат и дворцов высших адмиралтейцев,
- По Невскому проспекту — к Адмиралтейству.

На первом маршруте экскурсии последовательно осмысляются некоторые ныне существующие и утраченные памятники петровского времени.

У истоков Мойки и Фонтанки ныне возвышается конный монумент русскому царю, первому русскому императору, полководцу и флотоводцу Петру Великому, с именем которого начиналась адмиралтейская слава русского флота и начнётся наша экскурсия.

В экскурсии раскрываются истории о царских конюшнях на Конюшенной площади, главной аптеке на Миллионной улице, дворце Кантемиров на Дворцовой набережной, многих домов петровских сподвижников на Миллионной улице, имеющих элементы петровской архитектуры.

Кроме того, рассказывается о ныне несуществующих памятниках петровского времени, таких как «Золотые хоромы» Екатерины I на Мойке, дворец царевны Елизаветы на Красном канале, Почтовый двор на месте Мраморного дворца, а также о невских дворцах вышших адмиралтейцев и зимних дворцах Петра Первого.

Повествуется также об исторических событиях, запечатлённых в памятниках, в том числе о Полтавском и Гангутском сражениях, о Прутском походе Петра, о политической борьбе за власть Екатерины I.

Отдельные объекты напоминают о деятельности царя и императора Петра Великого, о его жизни в Зимних дворцах, о болезни, смерти, о трогательном с ним прощании и пути его торжественных похорон из третьего Зимнего дворца через замёрзшую Неву к Петропавловской крепости.

На втором маршруте экскурсии последовательно осмысляются первоосновы мест на Невском проспекте, где начиналась в первой четверти XVIII века грандиозное строительство Адмиралтейства.

Экскурсия рассказывает о ныне несуществующих объектах петровского времени, таких как Рождественская церковь на нынешней Казанской площади, дома

французского архитектора Жана Леблона и адмирала Корнелия Крюйса, Строгановского дома и деревянного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны, Адмиралтейского подворья Александро-Невской лавры, первых строений Адмиралтейства, а также Исаакиевской церкви, где венчались Пётр Первый и Екатерина Алексеевна.

Рассказывается и о ныне существующих величественных памятниках, таких как Казанский и Исаакиевский соборы, являющиеся своеобразными памятниками Петру Первому и символами Северной столицы России.

Повествуется в ней и о дерзновенных усилиях царя и императора Петра Великого по созданию на невских берегах военно-морского флота России.

Материалы экскурсии позволяют самостоятельно подготовиться к её проведению в семейных или школьных условиях.

Надо только поставить цель и воспринять рекомендации по подготовке и проведению будущей экскурсии для членов семьи, гостей или группы учеников.

В этом могут помочь рекомендации «Сам себе экскурсовод», изложенные в книге.

Экскурсии являются одной из самых эффективных форм восприятия и осмысления истории и культуры Санкт-Петербурга.

Самостоятельно проведённые пешеходные экскурсии для членов семьи, гостей, групп студентов или учеников раскрывают необыкновенный мир истории, городской красоты и становятся настоящим праздником души.

**ВДОЛЬ ПАЛАТ И ДВОРЦОВ
ВЫСШИХ АДМИРАЛТЕЙЦЕВ**

Время Петра I

Темы рассказов

1. *Символ имперской славы царя Петра Первого.*
2. *«Золотые хоромы» на реке Мойке.*
3. *Царские конюшни — знак скоростного движения в XVIII веке.*
4. *От Большого Луга до Марсова поля.*
5. *Почтовый двор — новый тип сооружений в России.*
6. *Греческая слобода на Мойке.*
7. *Главная аптека Петербурга.*
8. *Дворец Кантемиров. Память о Прутском походе Петра I.*
9. *Усадьба Балков. Трагедия семьи.*
10. *Дом Фельтенов.*
11. *Время Петра на Миллионной. Историческая память о сподвижниках Петра I.*
12. *Зимние маленькие хоромы царя.*
13. *Свадебные палаты.*
14. *Третий Зимний императорский дворец.*
15. *Дом корабельного мастера.*
16. *Дворцы высших адмиралтейцев.*
17. *Зимние дворцы императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.*

Символ имперской славы царя Петра Первого

Наименование объекта. Конный монумент Петра I на площади Коннетабль.

Маршрут следования. Встреча у станции метро «Гостиный двор» и далее пройти к Михайловскому замку.

Остановка у объекта. Сделать остановку перед памятником Петру I.

Элементы показа. Показать общий вид конного монумента, его восточный и западный барельефы.

Из «Портфеля экскурсовода» показать скульптурный портрет всадника на монументе, созданный К.В. Растрелли, барельефы «Полтавская баталия» работы И.И.Теребнёва и И.Е.Моисеева, «Сражение при Гангуте» работы скульптора В.И.Демут-Малиновского.

Город Санкт-Петербург является символом царствования Петра I, гордостью и любимым его детищем, выражением эпохи преобразований в России начала XVIII века.

И хотя новая столица тогда не олицетворяла собой всю Россию, но это был луч нового света, который постепенно стал проникать во все уголки необъятной русской земли.

Петербург был единственным местом, где по воле Петра строился целый город, с его проспектами, улицами, набережными и линиями, а также садами и парками.

Памятник Петру перед Михайловским замком

Сам Пётр считал создание новой столицы важнейшим итогом своего царствования.

Одним из значимых новшеств в Петербурге того времени было выдвижение идеи создания конного монумента Петру Первому.

Эта идея возникла у итальянского скульптора Бартоломео Карла Растрелли, которого в 1716 году Пётр I пригласил в Россию в качестве одного из первых архитекторов Петербурга.

Там, в далёкой Италии, уже не одно столетие стояла величественная конная статуя полководца, императора Марка Аврелия, правившего римской империей с 161 по 180 годы.

Созданная в XVI веке великим итальянцем скульптором Микеланжелом, она украшала площадь Капитолия в Риме.

Эта статуя, по всей видимости, и послужила прекрасным образцом для создания монумента в Петербурге.

Пять лет Бартоломео Карло работал над моделью.

Однако при жизни Петра I памятник был создан только в виде бронзовой модели.

Полностью он был отлит только в 1746 году при императрице Елизавете Петровне усилиями итальянского бронзолитейщика А. Мартелли и русского пушечного мастера Литейного двора С. Копьева.

В памятнике не сразу узнаешь Петра I.

Фигура Петра ничем не напоминала московских царей, она властная и гордая, увенчанная лавровым венком — символом славы.

В правой руке у всадника — жезл полководца.

На меч ниспадает мантия из горностая. На рукояти меча изображен лев — символ власти.

Конь здесь изображен тяжёлым, но величавым, богато украшенный кистями и другими деталями.

Таким образом, сила, власть и слава императора являются основной мыслью, исходящей от памятника.

Только по лицу можно понять, что перед нами русский царь Пётр I.

Ведь автор памятника передает точную копию лица по гипсовой маске, которую Пётр I разрешил ему снять с себя. Как на маске Петра, так и здесь запечатлены высокий крутой лоб, широкий разлет бровей, немного выпуклые глаза, небольшой сжатый рот и волевой подбородок.

От облика Петра исходит всеобъемлющий ум, необыкновенная энергия и сила воли.

Таким и остался в памяти народа этот необыкновенный человек, ставший с 1721 года российским императором и легендой.

Величественная осанка победителя и торжественная поступь коня возвышаются на массивном одиннадцатиметровом четырехгранном постаменте.

Памятник прославляет победы России в Северной войне 1700–1721 годов. Об этом напоминают бронзовые барельефы, расположенные на восточной и западной сторонах постамента.

С восточной стороны барельеф, исполненный скульпторами И. И. Тербнёвым и И. Е. Моисеевым, создан как память о Полтавской битве. На нем изображена одна из сцен полтавского сражения.

Известно, что эта сухопутная баталия произошла в 1709 году и была одной из самых главных побед армии Петра I над Швецией. Карл XII, шведский король, был в этом сражении ранен в ногу и чуть было не попал в плен к русским солдатам.

Полтавское сражение

На барельефе изображен самый острый момент сражения, где русское воинство во главе с Петром I наносит сокрушительное поражение шведам.

Пётр I изображён на первом плане, он шпагой указывает в сторону бегущих шведских солдат.

Рядом же на коне находится бравый сподвижник царя Александр Меншиков. Он — предводитель конницы.

Скульпторы изобразили здесь и шведского короля Карла XII, его, раненого, солдаты на носилках уносят с поля боя.

В это время в небе парят гении Победы, трубящие славу победителю. В облаках изображен знак Зодиака — Рак, который соответствует июню. Ведь это событие произошло 27 июня.

Какой символический обобщающий момент истины: Пётр I — на коне, а Карл XII — навсегда покидает поле боя.

Гангутское морское сражение

Второй барельеф называется «Морской бой при Гангуте», где изображено морское сражение, произошедшее у полуострова Гангут в Финском заливе Балтийского моря. Здесь русские моряки захватывают шведские суда.

Слева, на переднем плане, виден русский флагманский корабль, на котором хорошо видна фигура Петра I. Над ним так же плывет гений Победы.

Попробуем представить себе это событие далёкого 1714 года.

Гангутское сражение само по себе очень любопытно и напоминает острое окончание шахматной партии.

В нем атакующая сторона удерживает инициативу за счет опережения противника лишь на один ход, что не дает противнику возможности использовать для защиты свои сильные фигуры.

Русский галерный флот шел из г. Гельсингфорса в г. Або. У полуострова Гангут шведская эскадра ад-

мирала Ватранга перекрыла путь русским галерам. 16 шведских линейных кораблей и 5 фрегатов с сотнями орудий встали у мыса Гангут, где они контролировали фарватер и подходы к берегу.

Пётр и его штаб осмотрели полуостров Гангут, который тянулся на многие километры в море, и заметили, что у своего основания он имеет довольно узкий перешеек. Было решено построить на нем настил и перетащить галеры на другую сторону полуострова, миновав, таким образом, встречу у мыса с кораблями шведов.

Но адмирал Ватранг не дремал. Он быстро разгадал план Петра и решил дать русским бой при переправе. Для этого он разделил эскадру на 3 части. Первую часть под командованием вице-адмирала Лилье с 12 кораблями он отправил к тому месту, где русские предполагали вытаскивать суда на берег. Вторую часть, под командованием контр-адмирала Эреншильда, с одним фрегатом, шестью галерами и тремя швертботами он отправил туда, где русские намеревались спускать галеры с волока в воду. Третью часть под своим командованием с шестью кораблями и тремя фрегатами адмирал Ватранг оставил на месте у оконечности полуострова — мыса Гангут.

Пётр внимательно наблюдал за действиями шведов и тотчас решил воспользоваться тем, что предоставили ему природа и шведский адмирал Ватранг.

А природа в этот день, 25 июля, преподнесла Петру I подарок — полный штиль на море. Это значило, что без ветра корабли шведов просто не могли сдвинуться с места.

И тогда вечером 25 июля первый отряд русских галер у мыса Гангут спокойно обошел неподвижно сто-

явшие шведские корабли подальше от берега, вне досягаемости их орудий. За ним спокойно прошел и второй отряд русских галер. Лишь ночью подул спасительный для шведов ветер. Тогда шведский адмирал передвинул свои корабли подальше от берега.

Но утром 26 июля на море опять установился полный штиль. И тогда третий отряд русских галер прошел по той воде, где ещё вчера стояли шведские корабли. Русские галеры обогнули шведскую эскадру теперь уже под самым берегом.

Ватрангу пришлось срочно спускать шлюпки и буксировать тяжелые корабли обратно к берегу. Но было уже поздно.

Русские галеры заперли во фьорде отряд Эреншильда, который должен был контролировать место спуска русских судов на воду.

Предложение русских о сдаче шведы отвергли.

Тогда 30 галер, построившись полумесяцем, двинулись на неподвижно стоявшие шведские корабли. Это было грандиозное зрелище. Яростный огонь со шведских кораблей был мимо цели. Дважды шведы отбивали атаки галер, но с третьего раза галеры сблизились, и русская пехота пошла на абордаж (штурм). После трехчасового боя шведы спустили сине-жёлтые флаги. Вероятно, вода тихого фьорда покраснела от крови, так как почти 1000 солдат и моряков были убиты и ранены в эти часы. Смотреть на торжество русских адмирал Ватранг уже не имел сил. Как только подул ветер, он ушел в открытое море.

Исход боя решила рукопашная схватка. Это и отражено на барельефе постамента.

Гангутский морской бой показал смелость и отличную морскую выучку русских моряков.

Скульптор В. И. Демут-Малиновский иносказательно отметил месяц, в который произошло это сражение. В небесах под облаками он изобразил летящего льва. Это знак Зодиака, соответствующий по восточному календарю летнему месяцу июлю.

Сам памятник отобразил историческую значимость деятельности Петра I, его полководческий дар и государственную мудрость. Изображение Петра повторяется трижды: в наряде римских императоров, в виде сухопутного полководца и флотоводца. Здесь соединились в одном человеке политическая мудрость, полководческое сухопутное и морское искусство, укрепившее российское государство и заставившее весь мир уважать Россию.

Постамент и барельефы были установлены в 1801 году, после отливки всего монумента.

Об этом указывает высеченная золотыми цифрами дата на северной стороне памятника.

Всеми работами по изготовлению и установке постамента руководил известный тогда скульптор М. И. Козловский. Создали постамент из сердобольского гранита скульпторы И. И. Теребенев, И. Е. Моисеев, В. И. Демут-Малиновский. Они облицевали его в олонекский мрамор розово-белых и зелёно-серых оттенков.

В установке памятника Петру I принимали участие архитекторы Ф. И. Волков и А. А. Михайлов.

Конный монумент расположили перед только что построенным Михайловским замком, который с 1 февраля 1801 года стал императорской резиденцией Павла I. Вокруг памятника была создана площадь. Это был обширный плац, предназначенный для парадов, названный на французский манер Коннетаблем.

По приказу Павла I на постаменте с северной стороны была сделана надпись: «Прадеду — правнук». Она напоминает о кровном родстве с Петром I очередного русского императора.

Памятник поставили перед прекрасным замком, названный Михайловским по имени святого покровителя императора Павла архангела Михаила.

Когда-то при Петре на месте замка в окружении сада стоял маленький деревянный домик. Императрица Елизавета Петровна вместо маленького дома приказала возвести большой деревянный, но очень представительный дворец, в котором родился будущий император Павел.

Михайловский замок, построенный на месте дворца Елизаветы, затмил своей красотой два предыдущих и стал крупнейшим архитектурным памятником, завершившим собой историю петербургского зодчества XVIII века.

Его проектирование заняло целых 12 лет, в нём принимали участие как сам император, так и архитекторы А. Ф. Виолье и В. И. Баженов.

Само строительство велось около четырёх лет под руководством Винченцо Бренны, который переработал первоначальный проект и создал художественное оформление интерьеров.

8 ноября 1800 года в день святого Архангела Михаила, покровителя семьи Романовых, здание было торжественно освящено.

В облике сооружения воплотились художественные вкусы самого императора Павла.

Замок возвышался на острове, омываемом реками Фонтанкой и Мойкой с юго-восточной стороны, и специально прорытыми каналами с юго-западной.

Здесь создана целая система замковых фортификационных сооружений, включавшая в себя каналы, полубастионы, подъёмные мосты и пушки.

В общий первоначальный ансамбль замка входили и павильоны, расположенные перед площадью по сторонам главного въезда на площадь.

Территория замка была изолирована от города. Само здание представляло собой квадрат с центральным внутренним восьмигранным двором. Главный вход находился с юга, куда вели три расположенных под углом моста.

Центральная часть южного фасада, перед которой мы находимся, контрастно выделена поднятым на высокий цокольный этаж портиком из четырёх сдвоенных ионических колонн красного мрамора с богато украшенным скульптурным фронтоном и аттиком над ним.

Михайловский замок воспринимается как самый выразительный символ павловской эпохи.

«Золотые хоромы» на реке Мойке

Наименование объекта. Михайловский сад. Павильон архитектора К. И. Росси.

Маршрут следования. От Михайловского замка перейти ул. Садовую и пройти в Михайловский сад и далее на берег реки Мойки к павильону Росси.

Остановка у объекта. Остановиться на террасе павильона.

Элементы показа. Показать современный вид павильона и пространства вокруг.

На месте, где находится сейчас павильон Росси в Михайловском саду на берегу реки Мойки, в допетровское время располагалось шведское поместье с названием «Перузиана».

Место это было заболоченное, но с возвышенными участками, вокруг которых открывался большой мокрый луг, откуда вытекали небольшие ручейки Мья и Лебединка.

С основанием Петербурга одной из важнейших задач здесь стало осушение заболоченных территорий.

Для осушения луга в начале 10-х годов XVIII века прорыли канал, соединивший реку Мья с протекавшей с востока большой рекой под названием Ерик, которую позже назвали Фонтанкой.

На западной стороне от большого луга из болота вытекала ещё одна речка — Кривуша, которая ограничивала значительную территорию к западу.

Заболоченное пространство, замыкаемое сегодня реками Мойкой, Фонтанкой и Невским проспектом, Пётр I подарил своей жене Екатерине Алексеевне.

Здесь, на южном берегу Мойки, начали строить небольшой дворец, который после постройки выглядел довольно богатым. Дата строительства дворца остается неизвестной, но по косвенным архивным данным его строили в 1710–1711 годах.

На крыле небольшого деревянного здания возвышался позолоченный фонарик в восемь окон, откуда можно было обозревать панораму этой местности.

Фонарик завершался высоким шпилем со своеобразной эмблемой, домиком и деревом.

Шпиль просматривался издалека, ведь в первые годы строительства Петербурга другой такой высоты в этом месте ещё не было.

Внутри самого дворца стены главного зала украшали золоченые кожи, а потолок был затянут живописным холстом.

В каждой комнате стояли изразцовые печи на железных ножках, одетые в медные балясины «для пригожества».

Окна в свинцовых переплетах были одинарными, двери — двухстворчатыми, столярной работы.

Роскошная отделка интерьеров этого маленького дворца и позолоченный фонарик над ним снискали ему имя Золотых хором, или Золотого зала, который показывали гостям как чрезвычайно богатую и интересную постройку.

С юга от дворца располагался Третий императорский Летний сад.

По воспоминаниям одного из современников, в начале 20-х годов XVIII века в саду у «Золотых хором»

Михайловский сад

ещё ничего не было, кроме фруктовых деревьев да пяти прудов, где разводили живую рыбу для царских трапез.

Зато в оранжереях и парниках зрели редкие для северных широт плоды — бананы, ананасы.

Позже здесь были возведены всевозможные хозяйственные постройки, конюшни, амбары.

Вдоль берегов Мойки и Фонтанки отвели место и для прогулок, для чего построили наплавной мост через Мойку, который вел из Третьего во Второй Летний сад.

Конечно, берега рек были не такими благоустроенными, как теперь, да и сами реки были узкими, но они ограничивали доступ посторонних лиц на территорию Третьего сада.

Современное название бывшего Третьего Летнего сада Михайловский сад происходит от имени вла-

Павильон Росси

дельца дворца, построенного архитектором Карлом Ивановичем Росси в 1819–1825 годах для великого князя Михаила Павловича, сына Павла I.

К. И. Росси примерно на месте, где стояли «Золотые хоромы», в 1825 году построил и павильон, который к саду обращён сквозной полуротондой-аркадой, где полукруглый выступ прорезан пятью арками.

Раскрытый к зелени сада и воде центральный скрытый его зал фланкируется по бокам небольшими закрытыми помещениями, украшенными снаружи дорическими колоннами. Плафоны внутри них были покрыты росписью.

Перед павильоном со стороны реки построили террасу с ажурной чугунной оградой и двумя симметричными гранитными лестницами — спусками к воде.

В южной части сада К. И. Росси построил величественный дворец с окружавшими его территориями.

От дворца до реки Мойки он вместе с архитекторами И. А. Ивановым и А. А. Менеласом спланировал и пейзажный сад.

Живописность саду придают извилистые дорожки, пруд неправильной формы, зелёный луг, открытый перед дворцом, свободно стоящие группы деревьев и кустов.

При этом были искусно использованы и существовавшие ранее пруды, но геометрически четкие их очертания изменены на естественные. Частично сохранены и прямые аллеи.

Из павильона Росси открывается прекрасный вид на Михайловский сад, который на рубеже XVIII–XIX веков был включён в охраняемую территорию при замке Павла I.

Здесь гуляли члены царской семьи, а сам император объезжал аллеи и площадки верхом на коне.

В 20-е годы XIX века в саду при Михайловском дворце часто устраивались гулянья, всевозможные увеселения, иллюминации, выставки цветов.

Многие десятилетия он продолжал оставаться садом дворцового типа.

В 90-е годы XIX века, когда дворец был передан для устройства музея русского искусства, сад передал в ведение городской думы и музея.

Погуляем по саду и мы. После прогулки выйдем на противоположную сторону его территории к церкви Вознесения Христова (Спас на крови).

Царские конюшни — знак скоростного движения в XVIII веке

Наименование объекта. Здание придворного Конюшенного ведомства, набережная реки Мойки, дом 4.

Маршрут следования. От Михайловского сада пройти мимо церкви Спаса на Крови и выйти на Конюшенную площадь.

Остановка у объекта. Сделать остановку на трехарочном мосту через Мойку и Екатерининский канал.

Элементы показа. Показать общий вид здания бывшего Конюшенного ведомства.

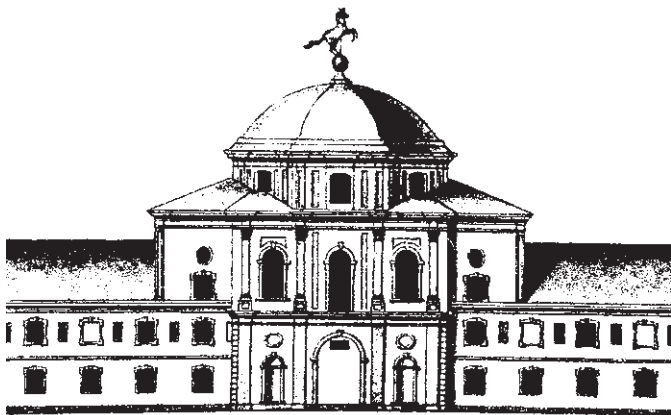
Из «Портфеля экскурсовода» показать чертёж Николауса Гербеля «Главный корпус Конюшенного ведомства (1720–1723)».

На левом берегу реки Мойки в 1723 году по проекту архитектора Н.Гербеля были построены придворные конюшни. Они состояли из нескольких корпусов, очертания которых в плане составляли продолговатый неправильной формы с изломом прямоугольник, соответствовавший изгибу реки Мойки.

Главный фасад трёхэтажного корпуса с барабаном наверху и фигурой скачущего коня был обращён к реке.

Порывистое движение коня стало знаком скоростного движения в петровское время.

К центральному корпусу примыкали два длинных двухэтажных крыла.

*Главный корпус старого Конюшенного двора
(1720–1723)*

Помещения для лошадей императорской семьи были просторными и расположили их недалеко от царских дворцов.

В 1817–1823 годах архитектор Василий Петрович Стасов перестроил старое здание, при этом он сохранил прежние фундаменты, части стен, а также общую планировку.

По углам здания были возведены опорные точки — кубические павильоны с лоджиями.

В центре южного фасада перед созданной площадью была размещена церковь Спаса Нерукотворного образа.

Самое значимое событие, произошедшее в этой церкви, связано с отпеванием 1 февраля 1837 года тела А. С. Пушкина, великого русского поэта, убитого во время дуэли.

О смерти поэта тогда сразу узнал весь Петербург и люди хотели прийти к Адмиралтейской церкви, где первоначально был установлен гроб с его телом.

Но всё вдруг изменилось, так как ночью тело поэта без согласования с его родными было перевезено в церковь конюшенного ведомства.

Усопшего поэта в присутствии только близких друзей отпевал священник Пётр, участник Отечественной войны 1812 года.

После процедуры отпевания гроб, обитый темно-красным бархатом, вынесли из церкви. Впереди шли поэт В. Жуковский и баснописец И. Крылов, плакал поэт Вяземский.

Хоронить Пушкина в Петербурге император Николай I не разрешил, поэтому в ночь на 3 февраля Александр Тургенев, друг А. С. Пушкина, отвез гроб в Святогорский монастырь, где до сих пор находится могила поэта.

Конюшенная церковь и сегодня продолжает служить памяти Пушкина. Ежегодно в день смерти поэта здесь проводятся заупокойные службы в его память.

Пушкин любил Россию, её историческое прошлое, а петровская эпоха нашла своё отражение в таких его произведениях, как «Полтава», «Медный всадник», «Арап Петра Великого», «Стансы», «Пир Петра Великого». Он высоко оценивал деятельность Петра.

«Пётр Великий... — один есть целая всемирная история», — писал он.

А. С. Пушкин в своих произведениях отразил события Северной войны, в частности Полтавской битвы, строительства Петербурга, петровские преобразования в быту и культуре.

Память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине хранит и дом № 12 по набережной реки Мойки, расположенный недалеко от императорских конюшен.

В этом доме жил и первый архитектор Петербурга Доменико Трезини, прославивший свое имя возведением первых царских дворцов и величественной колокольни Петропавловского собора.

Так в одном доме сошлись судьбы первого архитектора и первого поэта Петербурга.

Продолжим нашу экскурсию на Марсовом поле.

От Большого луга до Марсова поля

Наименование объекта. Марсово Поле.

Маршрут следования. От Конюшенной площади перейти реку Мойку и выйти на юго-западную аллею Марсова поля.

Остановка у объекта. Остановиться напротив дома № 3.

Элементы показа. Показать общий вид Марсова поля и западную линию зданий.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукцию гравюры И.Иванова «Вид Царицына луга от Верхнего сада. 1814 год».

В петровское время перед «Золотыми хоромами» Екатерины, между реками Мойкой и Невой простирался Большой заболоченный луг, примыкавший к первому Летнему саду.

Чтобы его осушить, решили прокопать от Мойки к Неве два канала — Красный и Лебяжий, образовав два острова.

Первый остров стал наиболее парадным, где построили Летние дворцы, установили мраморные скульптуры и возвели фонтаны.

На нем Пётр стал устраивать знаменитые ассамблеи, учрежденные Указом от 26 ноября 1718 года, сыгравшие заметную роль в ломке старого быта. Тогда в царский Летний сад съезжались гости к пяти часам пополудни и оставались там до позднего вечера.

Чтобы приглашённые вельможи не скучали, рядом на другом острове, на Большом лугу, где мы сейчас находимся, играли оркестры, потешавшие народ музыкой. Как вспоминает очевидец, оркестры состояли «из нескольких труб, фаготов, валторн, гобоев и литавр. Капельмейстер из солдат... бил там в огромный турецкий барабан...»

В другие дни на лугу обычно выстраивались Преображенский и Семёновский полки, проводились учения петровских солдат.

Это было красивое зрелище. Все здесь было ново, необычно от имевшегося у петровских солдат и офицеров оружия, одежд, до самого действия учения.

Военная форма, регламентированная с 1720 года по чину и родам войск, была особенно красива.

Солдат одевали в красные короткие штаны, чулки и низкие башмаки, они маршировали в кафтанах тёмно-зелёного цвета, под которым виднелся красный камзол (длинный жилет).

Во время холодов поверх кафтанов надевалась епанча, плащ синего цвета, на шею повязывался чёрный, а при параде красный галстук, а на голову надевались шляпы чёрного цвета.

Офицеры носили на шейные металлические знаки и шарфы, повязанные через плечо. Обшлага офицерских кафтанов были отделаны галунами.

Какое разнообразие цветов мелькало на парадах и учениях петербургских войск!

Сам царь угощал солдат, поднося собственноручно из деревянных чашек вино и пиво. Да и простой народ толпился поблизости, чтобы получить из рук царя горячие пироги, печёный хлеб, жареное мясо и другое.

Большой луг вскоре от этого и стали называть Потешным.

Как же выглядел Царицын луг в то время?

Отзывы путешественников того времени описывали его как пустой, без деревьев. После его осушения все чахлые деревья и кусты были вырублены. Лишь на части луга и вдоль Невы оставили еловые деревья.

Большая часть Потешного поля довольно долгое время после смерти Петра I оставалась незастроенной. Здесь по-прежнему проходили смотры и учения войск. При императрице Анне Иоанновне такие «экзерциции» продолжались каждой осенью по десять-пятнадцать дней, после чего офицеров обычно приглашали на прием в деревянный Летний дворец. Солдат же по-прежнему угощали прямо здесь, на Потешном поле.

Продолжались на лугу в праздничные дни и гулянья с играми, фейерверками и другими потехами.

В феврале 1740 года был издан Указ: «На Большом лугу, который против Летнего сада, для променаду (месту для прогулок) учинить ограду».

С этого момента стали меняться очертания Потешного луга.

От Мойки к Неве проложили три параллельные аллеи, а в центре средней, более широкой, разбили просторную площадку.

Эти три линии аллей пересеклись перпендикулярными аллеями, завершенными маленькими площадками — тупиками, на которых соорудили 23 беседки (лустгаузы) для певчих птиц.

Вдоль аллей высадили деревья, а на берегу Невы оставили большую парадную площадь. Ее обрамили шестью рядами елей.

С этого времени покрытый сетью аллей луг получил ещё одно название — Променад.

Общий замысел планировки принадлежал архитектору Франческо Растрелли, а беседки и другие сооружения спроектировал М. Г. Земцов.

Устройство «огорода» производилось под руководством и наблюдением опытного мастера И. А. Сурмина.

Устройство «Променада», было не случайным, ведь на Большом лугу на берегу Красного канала жила будущая царица, а тогда цесаревна Елизавета Петровна, отчего луг стали называть Цесаревнин.

Примечателен перечень построек, возведённых рядом с дворцом дочери Петра Первого.

Перед ныне стоящим зданием бывших Павловских казарм от реки Мойки к Неве тянулся вырытый в 1718 году Красный канал.

А на берегу канала в начале 1720 г. на месте казарм стояли три дома: царицы Екатерины Алексеевны, петровского генерала Вейде и Лестока.

Какими были эти дома, мы не знаем.

Можно предположить, что самым красивым дворцом здесь был Царицын дом, в котором пребывали дочери Петра Анна и Елизавета.

В 1721 году дворец предоставили жениху Анны герцогу Голштинскому Карлу Фридриху.

История породнения русского царского дома и рода голштинских принцев восходит ещё ко времени Ивана IV, то есть к XVI веку.

Отец Карла, герцог Ливонский Фридрих, сын датско-норвежского короля был женат на родственнице Ивана Грозного княгине Марии Владимировне Старицкой.

Герцог Ливонский Фридрих тогда владел Голштетт-Готторпским герцогством, но в 1702 году был убит в бою. Наследником герцогства стал его сын Карл, родившийся в 1700 году.

В 1721 году Пётр I призвал герцога Карла Фридриха в Петербург, надеясь укрепить династические связи России и герцогства.

В этом дворце вплоть до свадьбы и жил Карл Фридрих. Здесь он, стоя на балконе, ожидал появления «императорских принцесс» Анны и Елизаветы, чтобы раскланяться с ними и обменяться нежными взглядами со своей невестой Анной. Отсюда на роскошной барке, отделанной золотом и бархатом, он по Красному каналу попадал в Неву и присоединялся к «Невской флотилии».

Здесь, во дворце, жил и камер-юнкер герцога Фридрих Берхгольц, который многое нам рассказал о петровском времени в своем «Дневнике».

Как вспоминал Берхгольц, напротив резиденции герцога Голштинского находился Готторпский глобус, одна из достопримечательностей Петербурга.

Он был изготовлен в 1654–64 гг. под руководством известного немецкого путешественника и географа Адама Олеария по рисунку знаменитого датского астронома Тихо Браге мастером А. Бушем. С тех пор он находился в Готторпском замке-крепости Тенинген, который русские войска отбили у шведов.

В конце 1713 года глобус был подарен Петру I опекуном Карла Фридриха герцогом Гольштейн-Готторпским.

Глобус разместили тогда в Зверовом дворе, в котором изначально содержались «большой слон, львы и тигры, присланные от Персидского шаха». Слон

проделал огромный путь от Астрахани до Петербурга пешком в специально сшитых из кожи «сапогах». Но северный климат оказался губительным для экзотического животного.

В пустующем помещении и разместили уникальный глобус.

Это сооружение, каркас которого был обит листами меди, был диаметром около 3,5 метра.

Снаружи на бумаге красками и пером была изображена земная поверхность, а внутри шара воспроизведено небо со звездами.

Земля и небо вращались вокруг с помощью водяного механизма, удивляя зрителей.

Позже Готторпский глобус был перевезён на Васильевский остров, в Кунсткамеру.

Второй дом принадлежал боевому генералу Адаму Вейде.

Сведений о доме сохранилось мало, но известно, что Пётр I торжественно проводил своего боевого сподвижника-генерала в последний путь именно из этого дома, похоронив его в Александро-Невском монастыре.

Адам Адамович Вейде всю свою жизнь провел рядом с Петром I, участвовал в путешествии с Великим посольством за границу в 1696–97 годах.

В 1700 году под Нарвой попал в плен к шведам и вернулся к Петру только через 11 лет, в 1711 году. Потом участвовал в ряде военных походов, в том числе в Прутском и Гангутском.

Он стал вице-президентом Военной коллегии.

Известно, что в 1718 он жил в своём доме, хотя жить ему в нём оставалось недолго. В 1720 году, в возрасте 51 года, его не стало.

Третий дом принадлежал французу — лейб-хирургу Екатерины I Иоганну Лестоку, который прибыл в Петербург в 1713 году. Он был дружен с дочерьми Петра I Анной и Елизаветой, поэтому ничего удивительного не было в том, что его усадьба находилась рядом с домом цесаревен. Позже, в 1741 году, он сыграл важную роль в дворцовом перевороте, при котором Елизавета Петровна стала императрицей.

Дома Вейде и Лестока перешли со временем к другим хозяевам. Известны фамилии именитых вельмож князей Грузинских, владевших домами. Царский дом Елизаветой Петровной был подарен Алексею Разумовскому, её фавориту.

Здесь же по проекту архитектора Ю.Фельтена было построено здание с аркадами для городского ломбарда.

Все эти дома имели внутренние дворы и занимали большой трапециевидный участок между нынешними Марсовым полем, Миллионной улицей и Аптекарским переулком.

На гравюре И.Иванова «Вид Царицына луга от Верхнего (Михайловского) сада» за 1814 год показан ряд зданий на западной стороне Царицына поля.

Трудно представить нам этот вид сегодня, потому что все они вошли в состав величественного здания Павловских казарм.

Павловские казармы — одно из лучших творений русского архитектора Василия Петровича Стасова, который образно, полно и многогранно, сумел архитектурными средствами воплотить в здании военную патриотическую тему.

Стасов оживил огромный по протяженности фасад в 155 метров тремя портиками, применив суровый

*Вид Царицына луга от Верхнего сада.
Гравюра И.Иванова. 1814*

дорический ордер и подчеркнув этим значение сооружения как символа надежной силы и классической красоты.

Боковые шестиколонные портики, завершённые фронтонами, указывают на главную, доминирующую роль центрального портика, где двенадцать колонн поддерживают аттик, украшенный рельефами.

Рельефы изображают в основном воинские доспехи: щиты, знамена, шлемы. Они выявляют центр как важнейший смысловой элемент.

Архитектор сохранил детали и тех строений, которые стояли здесь ранее.

Так, здание Ломбарда имело аркады по нижнему этажу, что соответствовало петровской архитектуре, сохранённые в здании Павловских казарм.

Главный фасад казарм господствует над всеми зданиями западной линии Марсова поля.

Здание Павловских казарм — выдающееся произведение архитектуры, отразившее героический дух эпохи XVIII века.

Полк, размещённый в нём и названный Павловским по Указу императора Павла I от 23 ноября 1796 года, прославил себя в боях против армий Наполеона.

По представлению М. И. Кутузова он в 1813 году удостоился наименования «Лейб-гвардии Павловский» и был единственным, который получил почётное право сохранить при себе высокие гренадерские даже простреленные пулями шапки, он также был награждён Георгиевскими знамёнами.

Есть высокий смысл в том, что жилище воинов-павловцев заняло столь важное положение на Марсовом поле.

Не так много найдется примеров в мировой архитектуре, когда специально для солдат было построено полное торжественности здание на одной из главных площадей столичного города.

Но вернемся к площади перед Павловскими казармами.

По-прежнему на Царицыном лугу проводились парады и массовые гулянья во время праздников, но в обычные дни здесь было пустынно.

Чтобы дополнительно привлечь внимание к этому месту, в 1799 году вблизи реки Мойки, в южной части луга воздвигли обелиск, выполненный архитектором В. Ф. Бренной.

Он был посвящён фельдмаршалу Петру Александровичу Румянцеву, герою сражений 1770 года при Ларге и Кагуле, получившему почётное добавление к своей фамилии — Задунайский.

5 мая 1801 года, в первую годовщину смерти Александра Васильевича Суворова, рядом с обелиском П. А. Румянцеву, был установлен памятник и этому великому русскому полководцу, выполненный по модели русского скульптора Михаила Ивановича Козловского.

Работу над памятником Суворову скульптор начал в 1799 году почти сразу после завершения итальянского похода полководца, поразившего мир своим бесстрашием, воинской выучкой и умением русских солдат.

Художественные особенности памятника были по достоинству оценены современниками, а вот место его расположения было выбрано крайне неудачно.

На огромной площади он просто потерялся.

Нужное место для памятника было найдено тогда, когда архитектор К. И. Росси при перепланировке всего района создал небольшую предместную площадь у набережной Невы.

Сюда и перенесли монумент в 1818 году. С этого же года ушли в прошлое и названия Большой луг, Потешное поле, «Променад».

Весь луг в честь римского бога войны Марса, в виде которого предстал перед жителями города памятник А. В. Суворову, стали именовать Марсовым полем.

Название оказалось очень созвучным роли и значению площади в то время, когда Отечественная война 1812 года дала мощное развитие национальному самосознанию. Не было в искусстве России первой четверти XIX века темы более волнующей, чем слава Родины.

Марсово поле в сравнении с другими площадями Петербурга до 1917 года было неухоженным, может

быть поэтому его сделали местом захоронения погибших в февральские дни первой русской революции 1917 года.

Тогда же стали возводить памятник на месте захоронения, открытие которого послужило началом преобразовательных работ на всем поле. Они проводились по замыслу и под руководством архитектора И. А. Фомина. Он разработал проект реконструкции Марсова поля, работы по которому начались 1 мая 1920 года.

Эта предельно чёткая планировка сохранилась до настоящего времени.

Две главные пересекающиеся аллеи делят площадь-сад на четыре участка. Каждый из участков пересечен аллеями: двумя по диагонали, одной — поперек.

Так, на Марсовом поле создан партерный сад, являющийся одним из самых просторных мест во всем Санкт-Петербурге.

Пройдем вдоль когда-то существовавшего здесь Красного канала.

Почтовый двор — новый тип сооружений в России

Наименование объекта. Почтовый двор.

Маршрут следования. Пройти вдоль здания Павловских казарм.

Остановка у объекта. Остановиться в сквере парадного входа в Мраморный дворец.

Элементы показа. Показать вначале пространство площади сквера с выходом на Неву, затем западный фасад Служебного корпуса с видом рельефа «Служение лошади человеку». Закончить — показом Мраморного дворца.

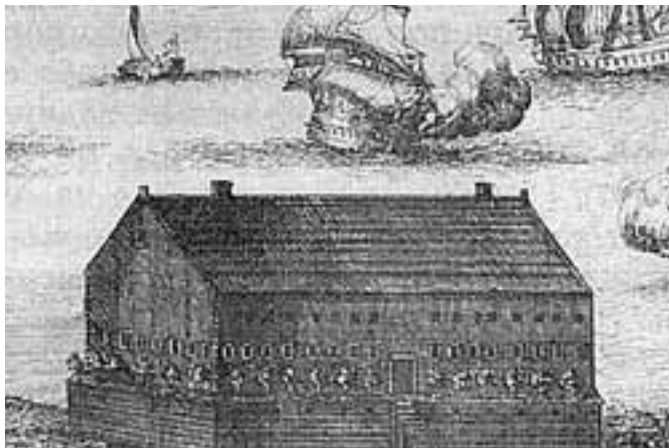
Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукции с гравюры П. Пикарта «Питейный дом» за 1704 год, рисунок И. Кирсанова «Почтовый двор», выполненный в середине XVIII века, портрет П. П. Шафирова.

Линия засыпанного в 80-е годы XVIII века Красного канала вела к месту, где ковшом когда-то разливался канал у реки Невы, где и находится наша остановка.

На берегу канала был выстроен Питейный дом на месте, где ныне находится возведённый в 1787 году по проекту архитектора П. Е. Егорова служебный корпус Мраморного дворца.

Питейные дома назывались по-немецки аустерии, как сочетание трактира и гостиницы.

Представление об этом дает нам гравюра П. Пикарта, выполненная в 1704 году. Вероятно, и сама постройка, отображенная на гравюре, появилась на берегу Невы тогда же.

Путейный дом.

Гравюра П.Пикарта. 1704

Это одна из первых построек на левом берегу Невы, поэтому вид её нам особенно интересен.

Один из современников в 1712 году писал, что этот дом, «выстроенный из дерева в два этажа и окруженный двумя галереями, идущими кругом всего здания, — сооружение, производящее издали очень нарядное впечатление... Его царское величество держали здесь иногда ассамблеи или пировали, как это было летом 1710 года, когда они справляли тут свои именины и устроили торжественное празднество по случаю Полтавской баталии».

13 июля 1710 года здесь состоялись празднования по случаю взятия у шведов Выборга.

По Неве в этот день плыли тысячи горящих площадок. Петропавловская крепость и дома были украше-

ны сотнями фонариков, из бочек со смолой с треском вырывались языки пламени. С кораблей и бастионов палили пушки. Небо белой петербургской ночи озарялось огнями фейерверков.

Датский посланник Юст-Юль писал об этом празднике: «...при взятии... крепостей было меньше расстреляно пороху, чем в ознаменование радости по случаю этих побед».

Около 1711 года Доменико Трезини на этом месте проектирует по указанию Петра I строительство Почтового двора.

Это был новый тип сооружений в России. Появление этого здания связано с развитием почтовых пересылок и с расширением связей между Петербургом и миром.

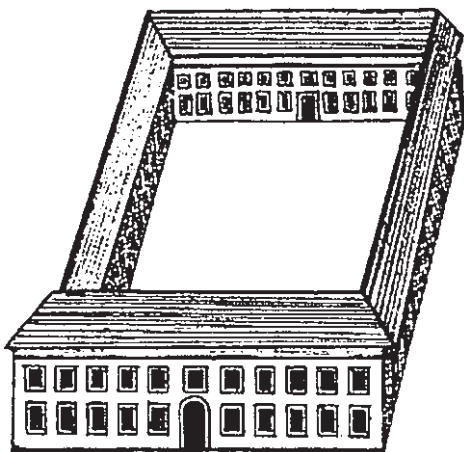
Как свидетельствуют графические источники, это было квадратное в плане строение с внутренним двором, с въездами с восточной и западной стороны. Во дворе территория была предназначена для стоянок лошадей и подвод.

Построили Почтовый двор в 1714 году, хотя оформительские работы продолжались и после этого времени.

Первый Почтовый двор был мазанковым.

Здесь были первые почтамт и гостиница, а также трактир. На втором этаже Почтамта размещался обширный и нарядно обставленный зал, откуда ежедневно на галерею выходили 12 музыкантов, которые звуками труб и рожков извещали жителей о наступлении полдня.

Уже в 1716 года в реестре Д. Трезини называет эту постройку «Почт-гаус» и указывает, что «...ныне последние печи в задней линии доделывают».

Почтовый двор.

Рисунок И. Кирсанова. Середина XVIII века

Представление об этой постройке даёт рисунок И. Кирсанова «Почтовый двор», выполненный в середине XVIII века.

Некоторые черты и характер этого дома легли в основу проектирования почтовых и постоянных дворов более позднего времени.

По свидетельству камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, в 1721 году здесь уже отмечали торжества.

Он писал: «В Почтовом доме празднества. В большой зале и боковых комнатах стояли узкие, длинные столы, за которыми сидели все гражданские, придворные и военные чины».

Это был праздник в честь Ништадтского мира.

Помещения Почтового двора использовались и как своеобразные художественные и прочие мастерские.

Там работали архитектурные ученики, резчики, живописцы. Во дворе по царскому указу в специальном амбаре хранились краски, за которые отвечал Д. Трезини и капитан Канцелярии Д. Ягнеев.

Трезини писал: «На Почтовом дворе, где работали резчики у резьбы херувимов и орнаментов на колокольню церкви Св. Петра и Павла... надобно работать и в ночное время».

22 июля 1714 года Пётр I издает Указ: «Из Санкт-Петербурга до Москвы, из Москвы до Санкт-Петербурга учинить обыкновенную почту в неделю два дня, а именно в понедельник и в пятницу для того, что без установленной почты нужнейшие государевы указы и письма посылкой медлятся».

В том же году Пётр I учредил в Петербурге и Москве Почтамты, а в больших городах — почтовые конторы с почтмейстерами во главе.

Впервые почту стали перевозить морским путём.

К пристани перед Почтовым двором швартовались два фрегата, переименованные Петром в почтовые яхты. С 1722 года они совершали рейсы между Санкт-Петербургом и северогерманским городом Любеком.

Людям XXI века, в жизнь которых прочно вошли и стали привычными железные дороги и воздушный транспорт, нелегко представить себе времена, когда средствами передвижения были лишь лошади и водный транспорт. Но именно с ними тесно связаны первые почтовые отправления.

Писать письма было тогда модно, хотя грамотными были в основном богатые люди.

Почта в России была и до Петра I. Ещё в 1667 году она была учреждена в России по инициативе русского дипломата и государственного деятеля А. Л. Ор-

дин-Нащокина. Одновременно была налажена и почтовая связь.

При Петре I в 1696 году появилась так называемая «чрезвычайная почта», с которой доставлялись документы особо важного содержания. Чрезвычайные посыльные тогда ездили вне расписания, а служители почты обязаны были оказывать им всяческое содействие и предоставлять лучших лошадей. Государева корреспонденция перевозилась бесплатно, частная же почта и корреспонденция различных учреждений оплачивалась в установленном порядке.

Эмблемой почтовой связи были скрещенные рожки, а на почтовых лошадях под дугой вешали колокольчик.

Ямщикам была введена форма — зелёный кафтан с красным орлом на левом рукаве и почтовым рожком на правом.

Не было только Почтовых дворов с просторными апартаментами для приема гостей — таких, которые Пётр видел, бывая за границей, в крупных городах.

Поэтому он уже через год, в 1715 году, приказал начать строительство второго по счету Санкт-Петербургского Почтамта.

Немецкий дипломат Гюйгенс писал, что второй Почтовый двор был построен в камне.

На карте 1716 года в начале Большой Немецкой улицы видны два почтовых дома под номерами 13 и 14.

Под № 13 значится гостиница, а под № 14 — Почтамт, который расположился на месте нынешнего Мраморного дворца.

В новом Почтамте останавливались и первое время жили именитые люди, прибывавшие по личному приглашению Петра I.

В этом доме часто бывал и сам царь, где он торжественно справлял свадьбы своих приближенных С. А. Головина и А. И. Румянцева.

Здесь проходили знаменитые петровские ассамблеи, была устроена первая архитектурная школа, которую возглавил в марте 1716 года архитектор Леблон. Первое время архитектор жил в Почтовом дворе, пока ему не было подобрано место на Невском проспекте.

В 1722 году в Петербурге было создано почтовое правление с генерал-почт-директором во главе.

Первым директором этого учреждения стал барон Павел Петрович Шафиров, с которым в 1723 году судьба сыграет роковую шутку.

П. П. Шафиров

Он был обвинен в казнокрадстве и приговорен к смертной казни, которую Пётр I заменил пожизненной каторгой. Неизвестно, что бы с ним стало, если бы не смерть Петра I в 1725 году.

Новая императрица Екатерина Алексеевна освободила Шафирова из ссылки и возвратила его в Петербург, сделав президентом Коммерц-коллегии.

Первая партия почтовых отправлений из Петербурга в Москву была организована Шафировым по тракту на лошадях, которых меняли на созданных почтовых станциях — ямах.

Ведь дорога была долгая, в более чем 600 верст и ямщики пребывали в пути не одни сутки.

Почтовый двор и новый почтамт играли в то время большую роль в жизни города. Их упоминает едва

ли не каждый иностранец, приехавший в Петербург в петровское время.

От Летнего сада вдоль Невы через Большой луг к Почтамту шла широкая еловая аллея.

Со стороны Невы перед Почтамтом была устроена пристань, от которой отходила набережная, имевшая название Почтовой.

У Почтамта, в котором можно было купить провизию, послушать музыку оркестра роговых инструментов, всегда стояли кареты и экипажи.

Сам царь заезжал на Почтамт и там обедал.

В здании второго Почтамта в канцелярии числился штат в 20 человек во главе с почтмейстером немцем Генрихом Краусе. Все делопроизводство велось на немецком языке, и порядок его ведения был строг.

Вся почтовая корреспонденция оформлялась в особый сопроводительный документ — «реестр», вместе с которым упаковывалась в почтовую сумку — кожаный чемодан, называемый «баулом».

Санкт-Петербургский Почтамт имел свою печать. Оттиск печати представлял собой двуглавого орла с вырезанной вокруг него надписью на немецком языке «Санкт-Петербургская почтовая контора».

При пересылке почты соблюдалась секретность. Письма печатались сургучом, а привезенные для вручения письма сверялись с реестром и потом выдавались корреспондентам.

За нарушение инструкций почтовые чиновники подвергались суровым наказаниям, вплоть до ареста и даже казни.

Ни одна улица тогда ещё в Петербурге не имела официального названия, поэтому адреса писали приблизительно.

По свидетельству А. Богданова, первого историка Санкт-Петербурга, второй Петербургский Почтамт в 1755 году сгорел и был построен третий по счету Почтамт, но уже в другом месте на Зимней канавке.

Старый обветшавший Почтовый двор и Почтамт разрушили, а территорию выровняли и устроили плац «для собрания солдат при доме её царского величества».

Маленькую пристань у Почтового двора в начале 30-х годов передали партикулярной верфи, где бесплатно выдавали населению лодки и шлюпки.

Так быстро менял свои очертания петровский Петербург.

Ныне на месте, где находились первые почтовые дворы Санкт-Петербурга и творилась русская история, стоят два прекрасных каменных здания.

Мраморный дворец, как величественный памятник северной столицы и России, своей архитектурой не просто украшает Дворцовую набережную, но является неразрывным целым этого архитектурного ансамбля.

Дворец был построен в 1768–1785 годах архитектором Антонио Ринальди, который для отделки внешних фасадов и внутреннего убранства дворца впервые в России широко использовал природный камень — гранит и около 30 разновидностей мрамора, за что и получил свое название.

Первоначально он предназначался Екатериной II в дар её фавориту Григорию Орлову, однако, граф умер до окончания строительства.

После его смерти дворец стал служить резиденцией великих князей. Одним из последних его владельцев был великий князь Константин Константинович

Романов, известный поэт, писавший под псевдонимом «К. Р.». В левом крыле дворца, в бывших покоях великого князя в подлинных интерьерах того времени открыта мемориальная экспозиция «Константин Романов — поэт Серебряного века».

Украшением набережной Невы стал и возведённый с западной стороны служебный корпус дворца, строительство которого было поручено тогда молодому архитектору П. Е. Егорову. Здание для хозяйственных целей и размещения слуг было построено в два этажа и простояло более полувека. В 1844 году поступило распоряжение перестроить его под конюшни и манеж по проекту архитектора А. П. Брюллова.

В связи с предназначением здания известным скульптором П. К. Клодтом был создан семидесятиметровый барельеф «Лошадь на службе человека».

По графическому эскизу архитектора скульптор создал четыре блока, объединённых общим сюжетом и идеей.

В барельефе представлены «Боевые схватки всадников», «Конные процессии», «Поездки верхом и на колесницах», «Сюжеты охоты».

Искусствоведы считают, что этот рельеф был выполнен Клодтом по образу и подобию изображения коней на фризе Парфенона.

Здесь действительно много коней и людей, изображённых в римских одеяниях.

Следующая наша экскурсионная остановка будет у дома № 1 по Аптекарскому переулку, где в петровское время родилось аптечное дело бывшей российской столицы.

Будьте внимательны при переходе улицы.

Греческая слобода на Мойке

Наименование объекта. Дома на Миллионной улице и Аптекарском переулке.

Маршрут следования. У Мраморного дворца перейти улицу и подойти к дому № 1 по Аптекарскому переулку.

Остановка у объекта. Площадка у северного фасада Павловских казарм.

Элементы показа. Общий вид Аптекарского переуллка и Миллионной улицы.

Представим себе, что перед нами не засыпанный в 1765 году Красный канал, а существующий, да ещё с построенным через него мостом.

Устройство мостов, связывающих слободы города, изрезанного реками и каналами, было делом очень важным. Без них жизнь в городе была бы невозможной. Только на Адмиралтейском острове в 1723 году их построили 23.

Поэтому через воображаемый мост Красного канала войдем на адмиралтейскую островную территорию Греческой слободы. Она располагалась, как свидетельствует план Петербурга 1716 года, на участке, ограниченном современной набережной реки Мойки, Миллионной улицей, Аптекарским и Запорожским переулками.

С 1705–1706 годов Греческая слобода стала плотно застраиваться на русский лад деревянными одноэтажными домами с дворами и огородами, так как

местность эта была суше, чем в других районах Адмиралтейской стороны.

Дома тогда теснились в беспорядке и производили впечатление «въехавших один в другой». Улицы в слободе не имели названий и были настолько узкими, что карета проехать по ним не могла.

Слободу называли Греческой, хотя жили здесь не только греки, но и итальянцы — галерные капитаны и боцманы, а также строительных дел мастера из разных мест Европы.

По своему вероисповеданию большинство жителей были католиками и лютеранами, поэтому не случайно в слободе появилось две церкви — костел и кирха.

На самом берегу Маленькой (Мье) речки возник Финский рынок.

Недалеко от него поселился и знаменитый католик, первый архитектор Петербурга Доменико Трезини. Он стал первым старостой католического собора, который помогал слобожанам в обеспечении их жильем, одеждой и пропитанием. Эту должность предложил Трезини адмирал Крюйс, ставший командующим Балтийским флотом Петра.

На одном из ранних сохранившихся планов были начертаны участки на ещё до конца не обжитых территориях Греческой слободы.

На нём можно прочесть названия каналов, фамилии владельцев участков, наличие свободных участков вдоль Невы и реки Мойки, на Миллионной улице. Здесь и были отмечены финская и католическая церкви, Финский рынок, аптека.

Пожары 1735–1737 годов стерли с лица земли старинную слободу.

От XVIII века остались лишь элементы архитектурных деталей здания аптеки, Круглого рынка, перестроенных в конце XVIII века.

Тогда на смену деревянным домам стали строиться каменные здания, многие из которых в перестроенном виде сохраняются до настоящего времени.

Они и будут объектом для нашего следующего показа.

Главная аптека Петербурга

Наименование объекта. Дом № 1 по Аптекарскому переулку.

Маршрут следования. Подойти к дому № 1 по Аптекарскому переулку.

Остановка у объекта. Остановиться перед домом у мемориальной доски.

Элементы показа. Мемориальная доска на доме.

Итак, архитектор Доменико Трезини, не успев закончить строительство Почтового дома, получил указание Петра I начать новую работу в этом районе.

Необходимо было возвести каменное здание для размещения в нём аптекарей, аптечных препаратов и лекарств, находившихся до этого в деревянном строение Петропавловской крепости.

Место для аптеки было определено царским указом и строительство его началось сразу же в 1722 году.

Чертёж 1740 года даёт некоторое представление об этом здании.

На нем показан обращённый на Миллионную улицу асимметрично решенный двухэтажный фасад с высоким цокольным этажом.

Это здание стало первым в России специально построенным помещением для учреждения, занимавшегося сбором, изготовлением и отпуском лекарств для петербуржцев.

В здании выделялся центральный ризалит, от которого отходили три окна влево и восемь окон вправо,

по фасаду украшенные рустовкой и лопатками, объединяющих верхние этажи.

В левой части здания было устроено двухмаршевое крыльцо, в правой — арка для въезда во двор.

Государственное значение здания подчеркивал двуглавый орёл над входом.

Постройка имела внутренний двор, в который арка с Аптекарского переулка ведёт и сегодня.

Внутри здания были расположены четыре «палаты»: три самые важные — внизу, а четвёртая — наверху.

Внизу в первой палате разместили саму аптеку, во второй — материал для лекарств, в третьей — лабораторию, а наверху — «Коллегию медицинскую».

Под палатами были устроены «погребы».

В конце XVIII века архитектор Д. Кваренги облёк здание в новую одежду, придав ему классический характер, но все первоначальные габариты его были сохранены.

В придворной аптеке разместили и медицинскую коллегию, президентом которой с 1722 года Пётр назначил И. Л. Блументроста, опытного и грамотного лекаря.

На плане А. Л. Майера недалеко от аптеки на берегу Зимней канавки ближе к Мойке значится его усадьба.

Иван Лаврентьевич Блументрост был третьим сыном лейб-медика царя Алексея Михайловича.

Он родился в Москве и пошёл по стопам своего отца, став медиком, изучая с 1670 года медицину за рубежом.

Несколько слов об истории аптечного дела вообще и в том числе в России.

Известно, что первая аптека появилась в Багдаде в 754 году, в то время столице Арабского халифата.

В Европе аптеки сначала появились в XI веке в Испании.

До возникновения аптек, как разрешённых учреждений для торговли лекарствами, различные целительные снадобья продавались в зелейных и москательных лавках.

Бесконтрольная торговля, которую вели неподготовленные люди, часто приводила к злоупотреблению ядовитыми и сильнодействующими лекарственными средствами.

В России первая аптека появилась только при царе Иване Грозном в 1581 году. Эта была так называемая «царёва аптека», обслуживавшая только царя и членов его семьи.

Тогда же был создан и Аптекарский приказ, наблюдавший за лечением царя и его домочадцев.

В 1672 году при Алексее Михайловиче, отце Петра I, появилась вторая аптека, ориентированная на лечение состоятельных граждан и запрет внеаптечной продажи лекарств.

В Петербурге первая аптека появилась в 1704 году в каменных казармах Петропавловской крепости и служила в основном для нужд военного гарнизона.

Спустя пять лет, получив статус Главной рецептурной, она стала к тому же крупнейшей в России.

После застройки Адмиралтейского острова высшими адмиралтейскими чиновниками её перевели в это здание на Миллионной улице, отчего и переулок получил название Аптекарский.

К сожалению, во время пожара в начале XVIII века сгорели все документы Аптекарской канцелярии,

поэтому сведений о развитии этой и других аптек в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века сохранилось очень мало.

В начале XIX века аптека с Миллионной улицы была переведена в дом № 66 на углу Невского проспекта и набережной реки Фонтанки, где получила ласковое название «Аничковой».

Известно, что число аптек в Петербурге постоянно увеличивалось и к концу XVIII века их насчитывалось уже около сотни.

Появление большого количества аптек вызвало необходимость издания закона об аптечном деле.

Первым таким всесторонне продуманным документом можно считать изданный в 1789 году «Аптекарский устав», вошедший в «Свод законов Российской империи».

Это был официальный документ с расценками, используемый для определения стоимости лекарств.

Как правило, тогда все лекарства изготавливались в самих аптеках.

Владелец аптеки обязательно должен был иметь звание провизора — аптечного работника со специальным фармацевтическим образованием.

Закон определял и необходимую структуру дома для размещения вновь открываемых аптек, а также перечень оборудования и приборов для выполнения фармацевтических работ.

За этим строго следило специально созданное медико-полицейское управление.

Из других аптек в Санкт-Петербурге пользовалась особой известностью также аптека Пеля на Васильевском острове, открытая в доме № 16 на 7 линии в 1820-е годы.

В 1848 году её выкупил Вильгельм Эренфрид Пель, ставший основателем династии последующих аптекарей.

В 1871 году дело отца унаследовал Александр Пель, а в 1899 году в ней трудились его сыновья Рихард и Альфред.

Эта аптека характерна тем, что здесь из поколения в поколение постоянно занимались научно-исследовательской работой.

Работает она и сейчас.

Здание бывшей аптеки на Миллионной улице сегодня украшает мемориальная доска, напоминающая об истории зарождения аптечного дела в Санкт-Петербурге и истории этого дома.

Дворец Кантемиров. Память о Прутском походе Петра I

Наименование объекта. Дворец Кантемиров.

Маршрут следования. Оставаться на чётной стороне Миллионной улицы.

Остановка у объекта. Сделать остановку напротив домов № 7 и 9 по улице Миллионной.

Элементы показа. Показать общий вид домов со стороны Миллионной улицы.

Из «Портфеля экскурсовода» показать портреты Дмитрия Константиновича и Антиоха Дмитриевича Кантемиров, чертёж из коллекции Ф.В.Берхгольца «Служебный корпус дворца Кантемиров», фото дворца со стороны Дворцовой набережной.

Рядом с построенным зданием Почтамта на участке домов № 7 и 9 по современной Миллионной улице был сооружен дворец для молдавского господаря Дмитрия Кантемира. Это была первая в Петербурге постройка архитектора Франческо Растрелли, сына скульптора Бартоломео Карла Растрелли.

Здание, возводимое с 1721 по 1727 годы, напоминает о Прутском неудачном походе Петра I против турок в 1711 году.

После триумфальной Полтавской победы русских войск над шведами в 1708 году отношения России и Турции несколько улучшились.

Однако бежавшие в Турцию шведский король Карл XII и гетман Украины Мазепа подтолкнули турецкого султана к новой войне с Россией.

25 февраля 1711 года царь Пётр сам принял командование русской армией и 12 июня прибыл в лагерь русских войск, стоявших на реке Дунае.

Здесь давно уже действовал фельдмаршал Б. П. Шереметев, на которого была возложена задача обеспечить армию продовольствием. В этом Петру I обещали господаи Валашский Брынковян и молдавский Кантемир.

Пётр рассчитывал и на помощь народов, томившихся под османским игом.

Но Брынковян изменил Петру и остался с османами, а молдавский господарь Кантемир, напротив, в Яссах, столице Молдавии, организовал ему дружественную встречу.

Правда, приведенные Кантемиром отряды были плохо вооружены, и ему не удалось организовать для русской армии в нужном количестве продовольствия.

Прутский поход Петра после Нарвы 1710 года оказался самым неудачным походом во всей Северной войне.

Пётр не учёл, что на стороне турок будет погода.

На юге русская армия страдала от нехватки не только продовольствия и воды, но и от страшной жары, которая выжгла всю траву, лишив корма лошадей.

5 июня 1711 года войска всё же подошли к реке Прут, хотя османы первыми успели переправиться через Дунай и двигались навстречу войскам Петра.

Военному штабу пришлось принять решение: на рассвете дать бой туркам в долине у берегов реки Прут.

Но 9 июля турецкий визир Махмет-паша за три часа до захода солнца решил сам атаковать русский ла-

герь большими силами, численность турецких войск была в три раза большей.

И атака турок состоялась, однако она ни к чему не привела, сильный огонь русских почти в упор охладил пыл янычар.

Для того чтобы склонить турок к переговорам, был послан в их лагерь сподвижник царя Пётр Павлович Шафиров вместе с сыном первого фельдмаршала России Михаилом Борисовичем Шереметевым.

В трудной для Петра I ситуации они смогли убедить турок заключить мир.

По этому договору России пришлось отказаться от завоёванных крепостей на побережье Чёрного и Азовского морей.

По возвращении в Петербург прибыло и все семейство Кантемиров, которое с 1711 года вступили в подданство Петра I.

Интересно, что фамилия Кантемир было местным молдавским произношением имени татарина Темира, поселившегося в Молдавии ещё в 1546 году.

Он принял христианство и сделался родоначальником молдавских князей Кантемиров, правивших с тех пор всей Молдавией. При вступлении Петра I в пределы молдавского княжества в апреле 1711 года Молдавией правил князь Дмитрий Константинович Кантемир.

Пётр не выдал его туркам, хотя они и настаивали на этом при заключении Прутского мира.

Более того, царь дал князю Дмитрию хорошие средства на содержание его семьи, а ему самому пожаловал титул барона, чин тайного советника и сан сенатора.

С 1723 года он становится и русским князем.

Князю Дмитрию Константиновичу было тогда 48 лет, прожил он в северной столице 12 лет.

2003 год по решению Международной организации по науке и культуре при ООН ЮНЕСКО объявлен годом Дмитрия Кантемира.

Весь мир более пристально обратил внимание на наследие этого русского и молдавского деятеля.

Несколько слов о его личности.

Первые годы жизни Дмитрий Кантемир провёл в родительском доме и при господарском дворе в Яссах.

Его мать Кассандра, давшая первые уроки воспитания и образования, происходила из рода византийских императоров и была одной из образованнейших женщин своего века.

Учился он и у греческого учёного-монаха с острова Крит профессора Василианской академии Иеремии Какавелы. В 1687 году, в 14 лет, он отправился в Стамбул, где сменил на три года своего старшего брата Антиоха в качестве заложника.

Такова была традиция, высокородные заложники в столице Османской империи были гарантом верности господаря султану.

Стремясь к знаниям, Дмитрий Кантемир продолжал своё образование в Академии Константинопольской православной патриархии — так называемой «Великой школе».

Он изучает историю, географию, философию, этику, логику, а также иностранные языки: турецкий, арабский, персидский, французский и итальянский.

Д.К.Кантемир

В 1691 году князь возвращается на родину и принимает участие в осаде молдавской крепости Сорока, занятой поляками, где приобретает некоторый военный опыт.

Во время княжения его брата Антиоха являлся представителем молдавского господаря при султанском правительстве.

В этот период он постигал тайны дипломатии, общаясь с иностранными дипломатами.

В 1700 году установил тесные контакты с русским послом Петром Толстым.

Одновременно он занимался научными исследованиями, изучая историю и культуру Турции и всего мусульманского Востока, собирая рукописи и редкие книги по истории османской империи.

Кроме того, изучал народное творчество турецкого народа, интересовался турецкой музыкой, которую изучал много лет.

Подстрекаемые Англией, Францией и шведским королём Карлом XII, нашедшим после поражения под Полтавой убежище под защитой турецких войск в молдавской крепости Бендеры, Турция в конце 1710 года стала готовиться к войне с Россией.

Для этого она решила укрепить свои позиции в Молдавском и Валашском княжествах.

По совету крымского хана султан Ахмед III решил посадить на молдавский престол Дмитрия Кантемира.

На него Турция возлагала большие надежды как на человека, воспитанного в Стамбуле.

Церемония возведения Дмитрия Кантемира на престол состоялась 23 ноября 1710 года в присутствии султана.

С первых дней своего правления Дмитрий заботился о создании широкой опоры внутри страны, а его внешняя политика была связана с самым высоким идеалом его народа — освобождением страны от иностранного ига. Но он ясно осознавал, что в военном отношении Молдова была слишком слаба, чтобы собственными силами добиться независимости, и нуждалась в помощи извне.

Для достижения этого вновь назначенный господарь заключил 13 апреля 1711 года секретный Луцкий договор с Россией, которая при Петре I становилась великой державой.

Однако Прутский поход Петра I оказался неудачным, и русские войска вынуждены были отступить из Молдовы.

Вместе с ним покинули край и более 4 тысяч молдаван во главе с Кантемиром, которому не суждено было больше увидеть свою родину.

12 лет Дмитрий служил верой и правдой Петру. Во время Персидского похода 1721–1722 годов у него обострился диабет.

По приказу Петра он возвратился в своё имение село Дмитровку Орловской области, где и скончался 21 августа 1723 года в расцвете творческих сил, на пятидесятом году жизни.

Дмитрий Константинович Кантемир, которым сегодня гордится весь мир, внёс неоценимый вклад в историческую науку, ему принадлежат фундаментальные труды по истории Молдовы, Валахии, Ближнего Востока и больше всего Турции.

Его труд «История возвышения и упадка Османской империи» считается настольной книгой по Востоку, он был переведён почти на все европейские языки.

Кантемир на основе анализа обширного материала одним из первых выдвинул положение об упадке Османской империи.

Среди разносторонних интересов Кантемира важное место занимали теоретические и практические проблемы турецкой музыки. Будучи в Стамбуле, он написал ряд музыкальных и вокальных пьес, а также «Марш Баязида», исполнявшегося долгое время как турецкий национальный гимн.

Он также на турецком языке написал книгу «Руководство к изучению турецкой музыки», где впервые ввёл ноты, а для облегчения их воспроизведения применил алфавит турецкого языка из 33 букв.

Кантемир внёс свой вклад в развитие исторической науки и России.

Его научные заслуги ещё при жизни были высоко оценены мировой научной общественностью.

В 1714 году он был избран членом Берлинской академии, что явилось подтверждением его престижа как европейского учёного. Широко образованный человек, Дмитрий Кантемир был одним из самых блестящих представителей своего поколения.

В России у него остались дети: четыре сына и две дочери. Три его старших сына — Матвей, Константин и Сергей — стали гвардейскими офицерами, а младший Антиох — выдающимся русским писателем и дипломатом.

Антиох Дмитриевич Кантемир, родившийся в 1708 году и получивший прекрасное домашнее образование, продолжил своё обучение в Академии Наук в Петербурге.

В 1725 году он поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк.

Тогда же началась и его литературная деятельность, которая сделала его особенно популярным в просвещённых дворянских кругах. Он известен, прежде всего, как сочинитель девяти сатир.

Содержание этих книг было направлено против невежества того времени. Будучи убеждённым сторонником петровских преобразований, Антиох Кантемир вместе с Феофаном Прокоповичем и историком Татищевым участвовал в возведении на престол Анны Иоанновны.

В ноябре 1731 года Кантемир был назначен на пост русского дипломатического представителя в Лондоне, а потом и в Париже.

Все эти годы он писал стихи.

Новаторство его как поэта состояло в том, что он стал одним из зачинателей светской литературы гражданского сатирического содержания. По словам Белинского, он «первым свёл поэзию с жизнью» и открыл обличительную линию русской литературы.

Антиох Кантемир умер в Париже 31 марта 1744 года, прожив короткую 36-летнюю жизнь.

Среди дочерей Дмитрия Кантемира наиболее известной была Мария, которая слыла красавицей, и Пётр в 1711 году так ею увлёкся, что, по словам австрийского посла, хотел даже на ней жениться. Тогда Марии был только 21 год.

А теперь о дворце.

На этом участке в первом десятилетии XVIII века находился дом капитана Ипата Муханова, о котором ничего не известно.

А. Д. Кантемир

*Дворец князя Д. К. Кантемира.
Чертёж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.*

В 1715 году его купил Дмитрий Константинович Кантемир, для которого старый дом снесли, а на его месте с выходом к Неве стали строить новый по проекту молодого архитектора Франческо Растрелли.

Молдавский господарь так и не смог поселиться в своём дворце по причине длительного его строительства.

После его смерти дом перешёл к его вдове Наталье Ивановне, а после её смерти им владели их дети.

Помещения сдавались внаём, и известно, что в нём в 1727 году жил тогдашний губернатор Петербурга граф Б. К. фон Миних, а с 1755 года находилось английское посольство, при котором жил его секретарь будущий король Польши Станислав Понятовский.

Семья Кантемиров в 1762 году дворец продала и далее им владели разные хозяева.

Дворец Кантемиров много раз перестраивался, но архитектурные элементы первоначального дворца сохраняются и по сей день.

Старый фасад здания по Миллионной улице оказался скрыт в толще стен, возведённых в 1876 году архитектором К. Лоронж.

*Служебный корпус дворца князя Д. К. Кантемира.
Чертёж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.*

На Миллионную улицу ранее выходил один служебный этаж, а главный фасад дворца, построенный Растрелли, выходил на берег Невы.

Главный корпус дважды достраивался, в начале XIX века это сделал архитектор Л. А. Руска, а затем, в 1875 году, — архитектор К. К. Рахау.

Сейчас можно увидеть первоначальное положение проемов на боковых ризалитах.

По странностям судьбы именно в этом дворце суждено было разместиться во второй половине XIX века турецкому посольству.

Дворец и служебный корпус одухотворены именами многих людей.

28 июня 1762 года в день своего вступления на престол Екатерина II вспомнила об опальном канцлере Александре Петровиче Бестужеве-Рюмине, привезла его в Петербург, поместив в приготовленный для него дворец Кантемира.

Императрица выкупила его у владельцев и пожаловала бывшему канцлеру Бестужеву-Рюмину в «вечное и потомственное владение», который прожил в нём всего четыре года и умер.

Наследники канцлера в 1768 году продали участок Владимиру Григорьевичу Орлову, брату фаворита Екатерины II незадолго перед тем назначенному директором Академии наук.

В 1775 году В. Орлов навсегда покинул Санкт-Петербург, перебравшись в Москву, а дом продал графине М. Н. Скавронской, жене двоюродного брата покойной императрицы Елизаветы Петровны, которая вскоре уехала за границу, предварительно продав дворец. Служебный корпус приобрёл управляющий придворной певческой капеллой Дмитрий Степанович Бортнянский, который одухотворил этот дом своей прекрасной музыкой. Около тридцати лет Дмитрий Степанович прожил в нём, сочиняя на радость всех петербуржцев духовные хоровые сочинения, чем навеки прославил своё имя. До сих пор в православных храмах и концертных залах звучат его произведения, волнуя слушателей, как и два века назад.

Он привёл порученный ему придворный хор в лучшее состояние. Все, знавшие композитора, отзывались о нём самыми тёплыми словами, а певчие просто его обожали.

По преданию, в день своей смерти 28 сентября 1825 года в возрасте 74 лет он призвал к себе хор капеллы и попросил исполнить концерт «Всякую прискорбна еси, душе моя», под звуки которого душа его рассталась с телом.

К сожалению, служебный флигель последующими владельцами архитектурно упростили до безобразности, что мы сейчас и наблюдаем.

Сам дворец побывал в собственности министерства финансов, здесь была и квартира самого министра. Им владел также крупнейший лесоторговец и меце-

нат Илья Федулович Громов, для которого особняк был перестроен по проекту архитектора К. К. Рахау.

Именно тогда здание приобрело существующий облик.

Последним владельцем с 1888 года стал управляющий делами семьи Громовых В. А. Ратьков-Рожнов.

В настоящее время в главном особняке размещается Морской регистр судоходства России, который отвечает за сертификацию соответствия Международному кодексу по управлению безопасной эксплуатацией судов и предотвращение загрязнений.

А теперь по чётной стороне улицы подойдём к дому № 6, на месте которого в XVIII веке находилось имение семьи Балков, известной с петровских времён.

Усадьба Балков. Трагедия семьи

Наименование объекта. Усадьба Балков.

Маршрут следования. Пройти по Миллионной улице.

Остановка у объекта. Перед домом № 6.

Элементы показа. Показать вид дома, на месте которого в начале XVIII века размещалась усадьба.

Из «Портфеля экскурсовода» показать портрет П.Ф.Балка и чертёж дома Балков.

Внешний облик домов на Миллионной улице создавался усилиями многих архитекторов XVIII и XIX веков, причём последующие зодчие перестраивали первоначально возведённые дома по прихоти их владельцев.

В них жили известные люди своего времени, адмиралы и генералы, князья и графы, тайные советники и обер-гофмейстеры, мало ли должностей было в придворном ведомстве.

Среди них находился и дом приближённых к императорскому кругу лиц семейства Балков, построенный на сквозном участке от нынешнего дома № 6 по Миллионной улице до дома № 5 по набережной реки Мойки.

Заглянем в историю семьи Балков.

В 1711 году Екатерина Алексеевна, супруга Петра I, побывала в Эстляндии в крепости Эльбинг, где комендантом состоял в чине бригадира Фёдор Николаевич Балк.

Его жена Матрёна Ивановна Монс была родной сестрой Анны Монс, к которой ещё молодой царь Пётр I в немецкой слободе Москвы питал нежные чувства.

В крепости Эльбинг Екатерина Алексеевна и супруги Балки дружески расположились друг к другу.

В 1714 году в немецкой слободе неожиданно умирает Анна Монс, и Екатерина Алексеевна похлопотала, чтобы все семейство Балков переехало в 1716 году в Петербург.

Ещё ранее в столице появился их 24-летний сын Павел, который тоже, как и его отец, стал военным.

Службу свою он начал русским солдатом в Воронежском полку и вскоре за «добрые поступки» переведен в лейб-гвардии лейтенанты, с 1715 года «по указу употреблен был в дворовой службе при её величестве».

Его мать, Матрёна Бланк, стала статс-дамой Её величества.

Тогда же в качестве камер-юнкера царицы Екатерины Алексеевны был принят и родной брат Матрёны Вилли Монс, который позже достиг исключительно высокого положения при дворе.

Павла Балка в 1723 году женили на дочери одного из самых богатых чиновников ведомства царицы.

Невеста, Мария Полева, была и богата и знатна своим положением в придворном обществе, а Вилли Монс добился от императрицы, чтобы фамилию молодых Павла и Марии писали как «Балк-Полевы».

В конце своей жизни Павел стал камергером и генерал-лейтенантом.

Именно для этой семьи архитектор И. К. Коробов и разработал проект дома «в 34 покоя», который был

П. Ф. Балк

возведён в 30-е годы на Миллионной улице.

С этой семьёй Балк-Монсов связаны последние драматически насыщенные дни Петра I и его жены Екатерины.

В 1724 году первая статс-дама Матрёна Балк и первый камергер царицы Екатерины Вилли Монс, родные брат и сестра, были арестованы.

Арестован был и сын Матрёны Павел Фёдорович. Их бумаги опечатали, а сами они были преданы уголовному суду как виновные в обогащении себя через злоупотребление доверием императрицы, доходами которой они управляли.

Следствие и суд продолжались 8 дней, и решение по делу было следующим: вдова Матрёна Балк приговорена к одиннадцати ударам кнутом и сослана в Сибирь, а камергер Павел Фёдорович был разжалован в солдаты и отослан в армию.

Далее события развивались ещё более драматично.

Вилли Монса Пётр арестовал 8 ноября 1724 года, и уже 14 ноября высший суд приговорил его, как взяточника, к смертной казни, а 16 ноября на Троицкой площади ему отрубили голову.

Официальная версия преступления В. Монса определялась сравнительно мелкими, по тем временам, хищениями казны, однако молва связывала казнь Монса не со злоупотреблениями, а его интимными отношениями с императрицей.

И действительно, между супругами Петром и Екатериной происходили бурные сцены объяснений.

В своих «Записках» один из современников, морской офицер на русской службе Вильбуа, ссылаясь на рассказ некоей фрейлины, писал о состоянии царя в одной из таких сцен:

«Он (Пётр) был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который обычно носил у пояса... Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и всё, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он хлопнул дверью с такой силой, что разбил её».

Отношения между Петром и Екатериной с этого времени стали сложными.

Возможно, это состояние императора усугубило его болезнь.

После смерти Петра Екатерина I возвратила Матрёну Балк и её сыновей из ссылки и восстановила их во всех прежних должностях.

С воцарением на престол Анны Иоанновны положение Балков при дворе упрочилось.

В 1733 году камергер и сенатор Павел Фёдорович получил этот участок, на котором и стал строить свой дом, спроектированный одним из лучших архитекторов того времени, автором адмиралтейской башни И. К. Коробовым.

Несколько позже камергер Балк-Полев выкупил ещё два смежных участка, которые стали его барской усадьбой.

Дом, построенный в 1741 году, был в два этажа с мезонином на высоких погребках.

Долгое время им владели потомки Балков.

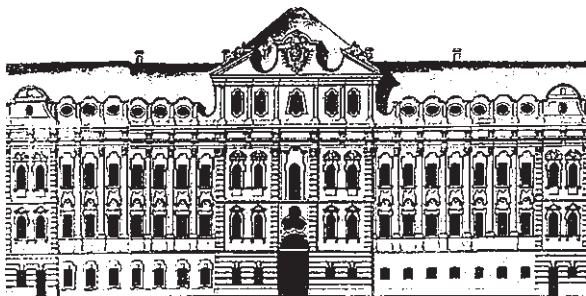

Чертёж дома Балков

В 1750 году дочь Балков Матрёна вышла замуж за камергера Сергея Васильевича Салтыкова, вошедшего в историю фаворитом Екатерины II и, возможно, отцом Павла, будущего императора.

После смерти Сергея Салтыкова Матрёна Салтыкова этот особняк продала мужу своей сестры Семёну Кирилловичу Нарышкину.

В 1775 году после смерти С. Нарышкина по завещанию его жены Марии Павловны всё её состояние и дом на Миллионной передала своему племяннику князю Павлу Петровичу Щербатову, ставшему позже действительным камергером и статским советником, кавалером всех русских орденов до Александра Невского включительно, получившего даже орден Иоанн Иерусалимского и знак бессрочной службы.

При нём со стороны реки Мойки был выстроен двухэтажный каменный флигель с девятью торговыми лавками, сохранённый до настоящего времени. После смерти Щербаковых их дочь продаёт дом и всю усадьбу, которые, сменив нескольких владельцев, перешли в 1857 году в казну и были перестроены под

служебный корпус дворца великого князя Михаила Николаевича усилиями архитектора А. И. Штакеншнейдера.

В настоящее время в нём располагается Северо-Западный государственный заочный технический университет.

А теперь обратим наше внимание на противоположную сторону, дом № 11, известный как дом Фельтенов.

Дом Фельтенов

Наименование объекта. Дом Фельтенов.

Маршрут следования. Пройти по чётной линии вдоль домов.

Остановка у объекта. Остановиться напротив дома № 11.

Элементы показа. Показать фасад дома.

Из «Портфеля экскурсовода» показать портрет архитектора Г.Ф.Фельтена.

Рядом с дворцом Кантемиров находился участок, отведённый при Петре для немцев Фельтенов. Указ царя от 4 ноября 1711 года закрепил его за оберкухмейстером Иоганном Фельтеном, которого Пётр называл «мунд-кохом» и который готовил для царя его любимые блюда: щи, кашу, студень, жареную утку, ветчину, сыр и молодой редис.

Несколько позже в Петербург прибыл троюродный брат Иоганна — Матиас Фельтен, которого назначают экономом при только что созданной Академии Наук.

По всей видимости, он жил у Иоганна.

У Матиаса и его жены Марии было трое детей — старшая дочь Екатерина и два мальчика Александр и Георг.

Последний стал выдающимся петербургским архитектором, по проектам которого возводились набережные и здания на них.

Дела в семье шли хорошо, пока жив был глава семейства Матиас.

Но 18 апреля 1736 года он умер, и заботу о двух мальчиках взяла на себя сестра Екатерина, вышедшая замуж за профессора физики и математики Георга Крафта.

В 1744 году Г. Крафту было сделано лестное предложение стать профессором Тубингенского университета в Германии.

С ним уезжает и всё семейство Фельтенов.

Но неожиданно осенью 1749 года с прошением к императрице Елизавете Петровне о разрешении ему жить и учиться в России в Петербург возвращается Георг Фельтен.

Георга зачислили студентом в Академию Художеств для обучения архитектуре. Одновременно он стал работать в мастерской Франческо Растрелли.

Несколько лет работы на крупнейшем строительстве Зимнего дворца под руководством выдающегося зодчего Растрелли стали великолепной школой для Фельтена. После увольнения Растрелли в 1763 году с должности придворного архитектора Георг Фельтен становится одним из основных архитекторов Петербурга.

Здание с уточняющей надписью «Дом вдовы Фельтена» изображено на развертке фасадов построек 40-х годов XVIII века, находящейся в собрании архитектурных материалов Национального музея в Стокгольме.

Эти документы экспонировались на выставке в Государственном Эрмитаже осенью 1963 года.

Г. Ф. Фельтен

Дом Фельтена в дальнейшем вошёл в объём ныне существующих зданий № 10 по Дворцовой набережной и дома № 11 по Миллионной улице.

Фронт работ архитектора Георга Фридриха Фельтена был обширен. Стоит только выйти на набережную Невы и перед нами возникнет фельтеновский Петербург.

Одетая в гранит Дворцовая набережная, восстановление сгоревшей в 1765 году колокольни Петропавловского собора, рисунок ограды Летнего сада, арка над Зимней канавкой, Зимний дворец, Академия художеств, Медный всадник и многое другое сегодня нам напоминают о его выдающемся таланте архитектора.

Умер архитектор 14 июня 1801 года.

Время Петра на Миллионной. Историческая память о сподвижниках Петра I

Наименование объекта. Дома по Миллионной улице.

Маршрут следования. Пройти до дома № 21 по чётной стороне улицы, а далее перейти на нечётную сторону Миллионной улицы.

Остановка у объекта. Остановиться напротив бывших усадеб Долгорукова (дом № 13); Ушакова (дом № 17), Мошкова (дом № 21), а после перехода на противоположную сторону напротив домов Ф. А. Апраксина (№ 22) и Макарова (№ 24–26).

Элементы показа. Показать элементы архитектуры начала XVIII века: высоту зданий и дворовые проездные арки в домах № 13, 15, 17, 19, 24.

Из «Портфеля экскурсовода» показать план Майера, чертежи домов А. И. Ушакова, С. Ф. Апраксина, Ф. А. Апраксина, А. В. Макарова, а также портреты С. Ф. Апраксина, А. В. Макарова и рисунок М. И. Махаева с видом Миллионной улицы середины XVIII века.

На плане Майера от Почтового двора до Зимнего канала между Миллионной улицей и рекой Невой к 1725 году уже отображены усадьбы современников Петра.

Эти участки были розданы царём прежде всего корабельным мастерам Гавриле Меншикову, Филиппу Пальчикову и Федосею Склеяеву.

План Майера

Кроме них указаны фамилии майора Корчмина, управляющего Мошкова, князя Долгорукова, графа Мусина-Пушкина.

В сторону реки Мойки по Греческой улице начертаны усадьбы Макарова и Блументроста.

Конечно, эти фамилии не случайно оказались рядом с усадьбой самого царя, ведь они были для него ближайшими помощниками в деле становления Санкт-Петербурга и всей России.

Миллионная улица одной из первых, начиная с 20-х годов XVIII века, стала застраиваться каменными домами и всегда была очень востребованной влиятельными людьми своего времени.

Особенно бурная застройка началась здесь после пожара 1737 года под руководством русского архитектора М. Г. Земцова.

Тогда она превратилась в главную каменную магистраль города, в домах которой и ныне сохранилось большое количество первоначальных архитектурных элементов, органично вошедших впоследствии в надстроенные здания.

Характерной особенностью первых домов на Миллионной улице является то, что парадные входы в них были устроены со двора, куда вели проездные арки.

Ряд таких арок по Миллионной улице сохранили дома № 9, 10, 11, 13, 15, 17, 19, 21.

Некоторые здания до сих пор сохраняют первоначальную высоту, положение перекрытий, оси окон первых этажей.

Эти невысокие, в два-три этажа, дома, смотрящие на нас, хранят в себе тайны истории.

Они напоминают нам о непростой жизни петербуржцев всех времён, о великих замыслах, которые рождались здесь, и о делах, претворявшихся в жизнь не только в Петербурге, но и по всей России.

Пройдёмте по Миллионной улице.

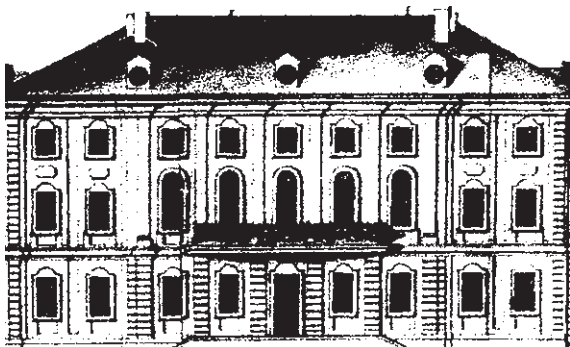
Рядом с домом Фельтенов располагалась усадьба князя Долгорукова на месте дома № 13.

Возможно, что этот участок был закреплен за князем Василием Васильевичем Долгоруким, который с 1713 года возглавлял в Сенате комиссию по расследованию злоупотреблений.

С 1727 года он стал фельдмаршалом и умер в 1746 году в возрасте 79 лет.

И далее каждый дом здесь значимый.

Усадьба, располагавшаяся на месте современного дома № 17, принадлежала князю Андрею Ивановичу Ушакову, генерал-аншефу, руководителю Тайной

Дом А.И.Ушакова

канцелярии, которую Пётр I завел после «дела царевича Алексея».

Сына бедного дворянина царь возвёл в звание тайного фискала и поручил наблюдать за постройкой кораблей. Его заслуга перед императорами и императрицами состояла в защите их интересов. Так, после смерти Петра Великого он принял сторону Екатерины I, будучи начальником роты гвардейцев, а при вступлении на престол Анны Иоанновны, осудив попытку верховного совета ограничить императорскую власть, стал начальником канцелярии тайных розыскных дел и даже графом.

Умер граф А.И.Ушаков в 1747 году в возрасте 75 лет.

На углу нынешнего Мошкова переулка были две усадьбы: майора Корчмина и управляющего Мошкова.

Василий Дмитриевич Корчмин, майор лейб-гвардии Преображенского полка и первый русский инженер, был надежный и знающий человек.

Пётр о нем отзывался так: «...детина, кажется, не глуп и секрет может снести».

Знания свои он приобрёл в 1697–1698 годах за границей, где обучался математическим наукам.

Он был любимцем Петра и без усталости исполнял многочисленные поручения царя по строительно-восстановительным работам русских крепостей в годы Северной войны.

В 1700 году по случаю готовившегося разрыва со Швецией он отправился в Нарву под предлогом покупки пушек изучать местность будущих боевых действий, а потом распоряжался здесь осадными работами.

Известно, что под Нарвой состоялось первое сражение, пусть неудачное для войск Петра, но позволявшее оценить свои силы в трудной многолетней будущей Северной войне со шведами.

В 1702 году в чине поручика он сопровождал царя в Архангельск, а оттуда, прибыв к Нотебургу, участвовал в осаде крепости.

В 1703 году осаждал уже крепость Ниеншанц.

Далее в 1706 году возводил крепостные сооружения между Брянском и Смоленском, чтобы не допустить Карла XII к Москве, а через год усиливал укрепления в самой Москве и далее во многих других местах центральной России.

Он составил наставление о приготовлении ракет, долго служившее руководством для такой работы.

В последние годы царствования Петра I Василий Корчмин имел чин майора лейб-гвардии Преображенского полка и вместе с тем был генерал-майором армии.

Дом его находился недалеко от дворца самого царя, но каким он был мы не знаем.

Рядом с усадьбой В. Корчмина стоял дом гоф-интенданта Петра Мошкова, «домашнего расходчика» при дворе Екатерины I, управлявшего всей хозяйственной частью царского двора. Понятно, что он в полной мере воспользовался своим положением, построив дом на таком месте.

Этот участок от нынешней Миллионной улицы до Дворцовой набережной ему отвели в 1717 году.

Дом получился в два этажа, на высоких подвалах в одиннадцать окон по уличному фасаду. Он тогда ни в чём не уступал другим домам, возведённым здесь, и стоял на месте современного дома № 21 по Миллионной улице.

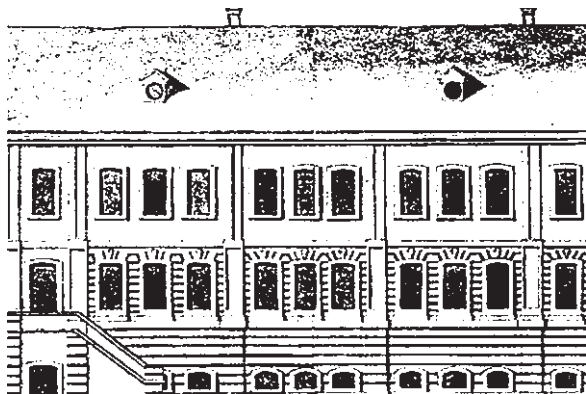
С. Ф. Апраксин

В конце 30-х годов гоф-интендант умирает, и участок с домом приобретает посланником России в Персии генерал-поручиком С. Ф. Апраксиным.

Генерал С. Ф. Апраксин тогда находился в начале своей карьеры, которая стремительно возросла при Елизавете Петровне. В 1746 году он был произведён в генерал-аншефы, а через 10 лет стал фельдмаршалом.

И хотя он домом владел недолго, в коллекции Берхгольца он учтён как дом С. Ф. Апраксина.

В 1748 году Елизавета пожаловала Апраксину быв-

Дом С. Ф. Апраксина

ший дом Лестока на Царицыном лугу, в который он со своим семейством вскоре и переезжает.

Домом на Миллионной вскоре владеют разные приближённые к императорской фамилии лица, в том числе и военный министр граф А. И. Чернышёв. Военный министр купил его для своей старшей дочери Елизаветы, вышедшей замуж за князя Владимира Ивановича Барятинского.

Породниться с Барятинскими, занимавшими по знатности рода и богатству одно первых мест в Петербурге, было честью даже для Чернышёвых.

Эта фамилия владела домом вплоть до 1917 года, когда он, отобранный советской властью, был передан для коммунального расселения петербуржцам.

Сразу за Мошковым переулком ближе к Неве находились участки корабельных мастеров бывших волонтеров Петра Михайлова Филиппа Пальчикова и Гаврилы Меншикова.

Царь Пётр I был к ним особенно расположен, ведь они создавали корабельную мощь русского флота, с раннего утра и до позднего вечера находясь в Адмиралтействе.

Здесь же получил свой участок и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, боярин, родственник царя, ведавший печатным делом в Петербурге, бывший также сенатором и президентом Штатс-контор коллегии.

А теперь расскажем об истории домов № 22–26.

Дом № 22 был возведён в 1735–37 годах неизвестным архитектором на месте сгоревших деревянных хором вице-адмирала М. П. Госслера.

Первым владельцем дома был граф Фёдор Степанович Апраксин, которого императрица Анна Иоанновна сделала камергером за поддержку, оказанную ей при вступлении на престол. В этом дворце он вместе со своей женой, внучкой первого фельдмаршала России, Александрой Михайловной Апраксиной-Шереметьевой прожил всю оставшуюся жизнь и скончался в 1754 году в возрасте 51 года.

Первоначальный облик дома, принадлежавший Ф. С. Апраксину, запечатлён на чертеже из коллекции Берхгольца.

В 1770 году особняк перестраивался предположительно по проекту Антония Ринальди, автора Мраморного дворца. Тогда же вместо высокого крыльца появился четырёхколонный мраморный портик и внутренняя замечательная лестница.

Дальнейшие владельцы дома были всегда приближены к императорскому дому, и их фамилии всегда были на слуху у петербуржцев.

Так, сын покойного графа Александр Фёдорович Апраксин (сколько здесь Апраксиных собралось вме-

Дом Ф. С. Апраксина

сте!) в 1773 году продал унаследованный от отца дом камер-юнкеру двора её императорского величества Василию Семёновичу Васильчикову, брату фаворита Екатерины II.

Через пять лет дом продаётся вновь, на этот раз княжне Евдокии Борисовне Юсуповой, после смерти которой им на правах наследника владел её брат Н. Б. Юсупов.

В экскурсии невозможно рассказать обо всех владельцах этого дома, но поведение некоторых из них заслуживают внимания.

Так, в 1789 году дом приобретает сенатор А. И. Дивов, который, женившись на фрейлине Екатерины II Елизавете Петровне Бутурлиной, делает жизнь своего дома особенно заметной.

Елизавета Петровна широко открывает двери для стекающих в столицу эмигрантов из Франции.

Её гостиная получила прозвище «маленького Кокленца», прусского города, где после Великой французской революции сформировался центр эмиграции.

Каждый из последующих владельцев замечателен и интересен по-своему.

Это Платон Зубов, очередной фаворит Екатерины II, княгиня Мария Григорьевна Голицына, министр внутренних дел Виктор Павлович Кочубей, член Государственного совета князь Александр Борисович Куракин, дававший блистательные балы для высшего общества.

После перестройки в 1818 году дом перешёл во владение действительного статского советника Александра Михайловича Потемкина, участника войны с Наполеоном, а затем его жене статс-даме Татьяне Борисовне.

Хозяйка тогда занималась благотворительной деятельностью и возглавляла «Попечительный о тюрьмах комитет».

В доме собиралось высшее общество столицы, любил бывать в нём и император Николай I с семьёй.

В 1904 году дом приобрёл князь С. С. Абамелик-Лазарев, завершивший список владельцев особняка.

В 1907–1909 годах к нему примкнул со стороны реки Мойки дом № 23, построенный по проекту архитектора Е. С. Воротилова для князя-миллионера.

Эти дома стали сегодня одной из архитектурных достопримечательностей Петербурга.

Но вернёмся к более ранним временам. К концу жизни Петра I Миллионная улица была уже в основном сформирована по красным линиям и состояла как из деревянных, так и каменных строений. После пожаров, случившихся в немецкой слободе в 1737 году, было приказано возводить здесь только каменные дома.

В собрании Русского музея хранится рисунок художника М. И. Махаева «Вид Большой Немецкой ули-

*Рисунок М.И. Махаева с видом Миллионной улицы
середины XVIII века*

цы от Главной аптеки к Зимнему дворцу», запечатлевший улицу середины XVIII века.

Рисунок интересен и с исторической, и с художественной точек зрения.

Перед нами видна плотная застройка невысоких в основном в два этажа на погребках линий домов, украшенных рустами, с изящной отделкой окон.

Улица изображена в зимнюю пору, по снегу которой лихо движутся выхоленные лошади, запряженные в богатые кареты.

На ней одни только каменные дома и совершенно отсутствуют деревья, что говорит о ревнивом исполнении горожанами указа о каменном строительстве и о большом желании богатых петербуржцев во что бы то ни стало иметь свои дома на Миллионной.

Все постройки на рисунке имеют презентабельный вид.

Интересно отметить такой факт. На Невском проспекте от Адмиралтейства до Фонтанки к 1740-м годам

стояло всего двадцать одно строение, а втрое короткая Миллионная улица от Мраморного переулка до Зимней канавки была застроена полностью сорока домами.

Все эти дома отображены на чертежах, входящих в так называемую коллекцию Берхгольца. В дошедшем до нас виде эти чертежи отдельных домов на Миллионной улице соединены в непрерывные развёрстки фасадов каждой стороны и составляют единую и совершенно полную её панораму с разрывами пересекающих улицу Мошкова переулка и Зимней канавки.

В нынешнее время также составлен художественный образ панорамы Миллионной улицы образца 2000 года, где наглядно демонстрируется изменение каждого дома за два с половиной века.

На участках, которые ныне занимают дома № 24 и 26, располагалась усадьба и дом Макарова, построенный до 1725 года. В коллекции архитектурных чертежей Берхгольца сохранилось изображение и этого дома. На участке нынешнего дома № 26 согласно описи 1734 года стояли «каменные палаты в два апартамента и маленькие палатки посреди прочих палат». После пожара они сильно пострадали и заново были отстроены такими, какими изображены на чертеже.

Алексей Васильевич Макаров, будучи руководителем Кабинета Его Императорского Величества, ведал личным имуществом царя и его казначейством, в кассу которого поступали огромные суммы от соляных сборов.

А.В.Макаров

Дом А. В. Макарова

Мимо Макарова не проходил ни один документ или письмо с обращением к царю. Поэтому авторитет Макарова среди чиновников был очень велик.

От того, как доложит он царю, зависела подчас карьера и судьба просителя.

В кабинет стягивались все нити управления государством и столицей, поэтому дом Макарова стоял рядом с Зимним дворцом Петра I и играл важную роль в Петербурге.

После пожара 1737 года уже в послепетровское время Макаров не имел материальной возможности содержать три усадьбы, две на Миллионной улице и одну на Васильевском острове, поэтому продал два эти участка генералу Рудольфу Бисмарку.

При Елизавете Петровне дом приобретает обергофмейстерина княгиня Т. Б. Голицына, вдова фельдмаршала М. М. Голицына.

Михаил Михайлович Голицын был ближайшим соратником Петра I, один из руководителей штурма Шлиссельбурга и Ниеншанца, а потом и президентом Военной коллегии. В царствование Анны Иоанновны

попал в жестокую опалу и умер в 1730 году в возрасте 55 лет. Татьяна Борисовна в приобретённом доме прожила всю свою оставшуюся жизнь.

Домом также владел фаворит Екатерины II Пётр Васильевич Завадовский, который в Петербурге проявил себя на посту управителя Санкт-Петербургским банком, а позже и председателя комиссии по сооружению Исаакиевского собора.

Особые заслуги его перед Россией отмечены в деле развития народного образования. При его участии открыты в двадцати пяти губерниях бесплатные народные училища, что было одним из крупнейших событий екатерининского времени.

В этом здании размещался и знаменитый Пажеский корпус, прививавший дворянским мальчикам аристократические манеры.

Здание много раз изменяло свои очертания.

Ныне это великолепный особняк, хранящий строгий и торжественный дух александровского классицизма. Такой вид ему придал в 1803 году архитектор Луиджи Руска, неузнаваемо перестроив здание, возведённое когда-то для А. В. Макарова.

Здесь на углу Миллионной и Зимнедворцового канала царь пожаловал участок и Андрею Константиновичу Нартову, знаменитому «токарю» Петра.

Пётр I часто заходил в деревянный дом Нартова и беседовал у него с художниками, рассматривая их работы.

Он приказал в его дворе построить баню, в которую часто ходил со своими денщиками. Токарный ученик Лаврентьев управлял там парилкой.

Сохранился забавный анекдот-разговор Леонтьева и Петра I в парилке.

Когда Леонтьев лил на каменку много воды, Пётр смеялся и кричал ему:

— Слушай, Леонтьев, не запарь нас живых, чтоб не сделали нас банными мучениками! Я, право, в числе их быть не хочу!

— Небось, государь, — отвечал парильщик, — нас старцы не любят!

— Ты отгадал, — сказал монарх, — однако не сделай из нас для них копчёной ряпухи!

Пётр Первый не случайно часто заезжал к Нартову, ведь его хоромы находились рядом, выходящие на Неву и Зимнюю канавку, у которой мы и находимся.

Поэтому следующий наш рассказ о зимних дворцах Петра I, возводимых для него и его семьи на невских берегах.

Окинем взглядом огромные дома № 31 и 33, стоящие на углу Миллионной улицы и Зимней канавки сейчас.

Трудно представить себе далёкое время начала XVIII века, когда впервые стали застраиваться невские берега и когда на заболоченной местности на этих местах появились первые «маленькие хоромы» и усадьба царя.

О них наш дальнейший рассказ.

Зимние маленькие хоромы царя

Наименование объекта. Первый Зимний дворец Петра I.

Маршрут следования. Подойти к Зимнему мосту № 1.

Остановка у объекта. На мосту через Зимнюю канавку по Миллионной улице.

Элементы показа. Показать современный вид домов № 31 и 33 по Миллионной улице.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукцию гравюры с видом первого Зимнего дворца.

Первый Зимний дворец, о котором упоминает иностранный путешественник как о «маленьком домике голландской архитектуры», располагался примерно в юго-западном направлении нынешней Миллионной улицы и набережной Зимней канавки.

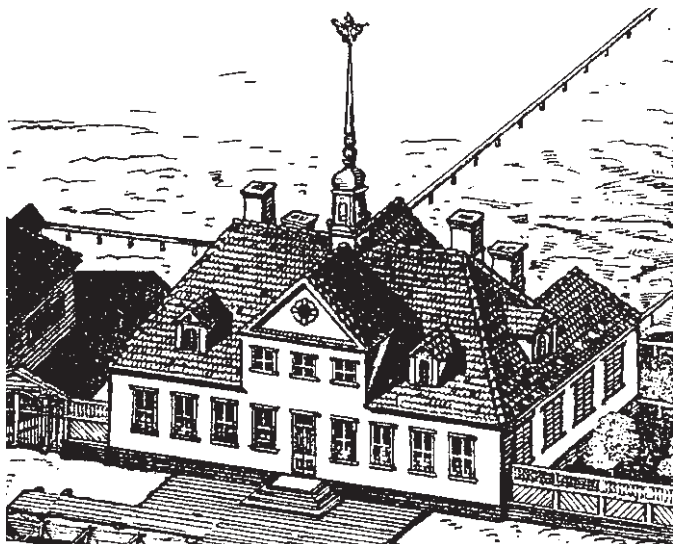
Первый Зимний дом Петра I строил Трезини, о чём свидетельствуют его собственноручные донесения.

По всей видимости, этот маленький одноэтажный деревянный домик с мезонином существовал только с 1708 года, построенный напротив Петропавловской крепости под защиту её пушек.

Берега Невы тогда были низкие, поэтому дворец Петра отодвинули подальше от берега.

Он состоял не более чем из десяти комнат и скорее был жилым частным домом «корабельного мастера Петра Михайлова».

«Маленький домик голландской архитектуры, в котором его величество живет зимою», — так его описал современник.

Гравюра с видом первого Зимнего дворца

На втором этаже в мезонине жили brave денщики, и, когда государь гневался, то запирали их на ночь снаружи.

В этом доме царь принимал как своих сподвижников, так и иностранцев.

22 декабря 1710 года Юст Юль, датский посланник при русском дворе также побывал у Петра в этом Зимнем дворце.

Он «застал царя дома — не одетым, в кожаном, как у ремесленника, фартуке, сидящим за токарным станком. — Далее он записал: — Царь часто развлекается точением и, путешествуя, возит станок за собой. В этом мастерстве он не уступит искуснейшему

токарю, и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры.

При моем посещении он временами вставал из-за станка, прогуливался взад и вперед по комнате... разговаривая то с тем, то с другим между прочим и о самых важных делах... Когда же царь снова садился за станок, то принимался работать с таким усердием и вниманием, что не слышал, что ему говорят, и не отвечал, а с большим упорством продолжал свое дело».

Царская семья прожила здесь до 1711 года. В январе того же года этот дом по указанию Петра перевезли на Петровский остров, где и собрали на берегу у пристани.

Свадебные палаты

Наименование объекта. Второй Зимний дворец Петра I.

Маршрут следования. По набережной Зимней канавки пройти в сторону Невы.

Остановка у объекта. Остановиться посередине набережной.

Элементы показа. Показать боковой фасад дома № 33 со стороны Зимней канавки.

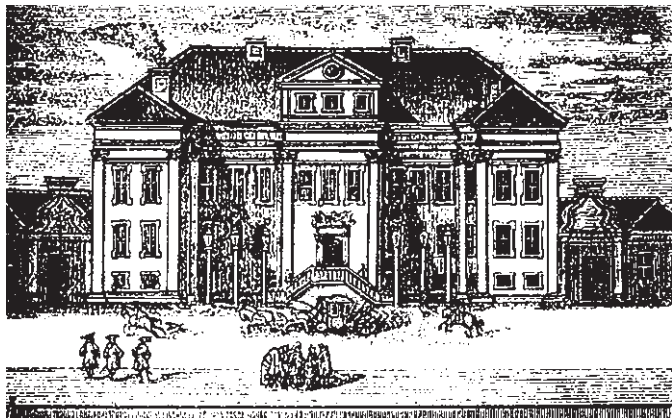
Из «Портфеля экскурсовода» показать вид второго Зимнего дворца по гравюре А.Зубова 1716 года «Зимний дворец Петра I», изображение парного портрета Петра I и Екатерины работы С.Мусикийского за 1715 год, фрагмент гравюры А.Зубова за 1712 год «Свадьба Петра I и Екатерины», портрет Анны и Елизаветы работы художника Л.Каравака за 1717 год.

Второй Зимний дворец, возведённый Домеником Трезини в 1711–1712 годах, был назван Свадебными палатами Петра I.

Ни здание, ни модель, ни чертежи, выполненные Трезини, не сохранились до наших дней.

Но уцелели документы о его постройке и сохранилась гравюра «Зимний дворец Петра Первого», созданная крупнейшим русским гравёром петровского времени Алексеем Фёдоровичем Зубовым.

Гравюра была своеобразным видом искусства, которая тогда служила средством массовой информации. Гравюры А. Зубова более других тогда отвечали веяниям времени, так как наиболее талантливо пере-

Вид второго Зимнего дворца.

Гравюра А.Зубова «Зимний дворец Петра I». 1716

давали смысл петровской эпохи. Показанная гравюра дает нам представление о царских свадебных палатах Петра I.

Он изобразил трехэтажное здание на 13 окон по фасаду, длиной около 40 метров, шириной — 20 и высотой — 19 метров.

Новый дворец Пётр построил после Полтавского сражения, так как старый дом уже не был достоин победителя шведов и правителя могущественного государства. Да и гости, прибывавшие из стран Западной Европы, должны были чувствовать силу и богатство России, глядя на царский дом.

Для таких замыслов деревянный дом, срубленный ещё корабельному мастеру Петру Михайлову, был негоден. Кроме того, семейные дела требовали нового, более вместительного и добротного жилья.

Подрастали две дочери Анна и Елизавета, будущие невесты иноземных европейских государей.

Правда, для этого надо было узаконить детей, родившихся от невенчанной жены, и освятить брак с лютеранкой.

Церковь категорически отказывалась это делать, тем более при живой жене, хотя и постриженной в монахини.

Тогда нашёлся другой выход из положения.

Оказывается, жениться мог не царь, а контр-адмирал русского флота Пётр Михайлов.

И в конце 1710 года царь приказывает губернатору Петербурга А. Д. Меншикову и первому архитектору Доменико Трезини строить для него новый Зимний дворец с главным выходом на Неву.

В начале марта 1711 года в доме Меншикова состоялось скромное торжество по случаю помолвки Петра Алексеевича с Екатериной.

Новый дом для царя должен был быть готов к его возвращению из Прутского похода, куда Пётр отправился с ещё невенчанной супругой.

В феврале 1711 года начали бить сваи на участке Маленьких хором, но ближе к Неве (примерно в середине двора нынешнего Эрмитажного театра).

Дворец возвели в 1712 году.

Одновременно вырыли и Зимнедомный канал, который доходил только до дворцовой усадьбы.

Таким образом, второй Зимний дворец с двух сторон омывался водой, где стояли царские яхты.

Сам вид дворца напоминал образцовые дома «для именитых», которые спроектировал архитектор Трезини. Его построили из добротного красного кирпича — продолговатого, плоского и крепкого.

По желанию царя здание окрасили в белый цвет, позолотив оконные рамы и архитектурные детали.

Царь был доволен, что дворец построили вовремя.

По гравюре А. Зубова можно рассмотреть архитектуру северного фасада Свадебных палат.

В нём бросаются в глаза три выступа-ризалита, с выделенным центром в три окна на третьем этаже, с парадной дверью и двухсторонней широкой лестницей, ведущей внутрь здания.

Подходы к лестнице осветили шестью фонарями, что было тогда новшеством для всего Петербурга.

Два верхних этажа занимала царская семья, где 19 февраля 1712 года в большом зале был устроен торжественный пир по случаю бракосочетания.

Сочетаться браком с безвестной пленницей и пренебречь невестами боярского рода, принцессами западноевропейских дворов было тогда вызовом обычаям, отказом от освященных веками традиций.

Но, объявляя Екатерину супругой, Пётр I думал о будущем внебрачных дочерей Анны и Елизаветы.

Да и сама Екатерина была для него необычайно дорога, которая легко и непринуждённо справлялась с ролью супруги царя.

До нас дошло единственное на 1715 год описание внешности Екатерины, данное одним иностранным дипломатом. Он писал:

«...Она имеет приятную полноту; цвет лица её весьма бел с примесью природного, несколько яркого румянца, глаза у неё чёрные, маленькие, волосы такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное».

Это описание вполне совпадает с её портретным изображением.

*Парный портрет Петра I и Екатерины
работы С. Мусикийского. 1715*

А вот описание портрета царя Петра, оставленное нам в 1717 году его современником французским государственным деятелем герцогом Сен-Симоном.

«Пётр был мужчина очень высокого роста, весьма строен, довольно худощав; лицо имел круглое, большой лоб, красивые брови, нос довольно короткий, но не слишком, и на конце кругловатый; губы толстоватые; цвет лица красноватый и смуглый; прекрасные чёрные глаза, большие, живые, пронизательные и хорошо очерченные; взор величественный и приятный, когда остерегался, в противном случае — строгий и суровый...»

Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I и Екатерины в Зимнем дворце» даёт нам возможность взглянуть со стороны на это праздничное застолье, состоявшееся в Петербурге 19 февраля 1712 года.

Здесь собрались в основном иноземцы и адмиралтейцы, так как свадьбу праздновал не царь, а морской начальник.

Среди приглашённых был архитектор Д. Трезини, а, возможно, и сам А. Зубов, ведь иначе как бы он создал всю эту панораму торжества.

На картине видно, как в просторном зале в три окна на первом этаже слева от парадного входа установлен большим кольцом стол, за которым расселись гости.

Чётко выписаны фигуры Петра и Екатерины. Новобрачного здесь изобразили в верхней части гравюры, спиной к среднему окну, а новобрачную — в нижней части картины, оглядывающуюся на зрителя.

*Свадьба Петра I и Екатерины.
Фрагмент гравюры А. Зубова. 1712*

Художник тщательно передал убранство зала: роспись потолка, рисунок шпалер, два огромных венецианских зеркала, снующих с угощением слуг, чем подчёркивал исключительную торжественность момента.

По всей видимости, между Петром и Екатериной вспыхнула настоящая любовь. Об этом говорят и письма царя к ней, красноречиво отражающие взлёт его привязанности к ней.

В этом дворце рождались и умирали маленькие дети Петра и Екатерины, здесь воспитывались дочери Анна и Елизавета.

Когда Пётр с Екатериной находились в походах, то главный надзор за девочками во дворце осуществляла сестра Петра Наталья Алексеевна.

После её смерти в 1716 году их воспитание было поручено состоявшей при императоре княгине Марии Фёдоровне Вяземской.

Штат прислуги при девочках был обширный. Например, при старшей дочери Анне Петровне состояло семь девушек, а при младшей Елизавете — пять. Кроме того, у каждой цесаревны было по мамке, по две кормилицы. У обеих вместе было ещё четверо дворян, два лакея и шесть калмыков.

Когда же девочки подросли, в их штат вошли ещё докторша Пеликала, учитель немецкого языка господин Глюк, три гайдука, кухмейстер с поварами и четыре конюха. В 1722 году была определена французка Латур-Лануа, обучавшая их французскому языку. Девочки обучались даже испанским танцам.

Пётр I воспитывал цесаревен в полном довольстве, как богатых невест, чтобы на них обратили внимание иностранные принцы-женихи.

*Портрет Анны и Елизаветы
работы Л. Карвака. 1717*

Художнику Людвигу Карваку было поручено написать масляными красками портреты девочек, где они должны были быть изображены в виде гениев, с развевающимися драпировками и эфирными крыльшками мотыльков за плечами.

Цесаревны отличались красотой, и иностранцы не знали, кому из них отдать предпочтение. Анна была брюнеткой и похожа на отца, а Елизавета — блондинкой.

Родители заботились и о нарядах дочерей, которые появлялись на гуляниях то в испанских платьях, то в различных костюмах, сделанных из дорогих материй, отделанных золотыми и серебряными вышивками.

Волосы царевен причесывались лучшими тогдашними парикмахерами и обильно украшались драгоценными камнями — бриллиантами и жемчугом.

Пётр рано задумался о судьбе дочерей, которую он обязательно связывал с судьбой государства.

Анну обучали немецкому языку, так как за неё сватали одного из немецких принцев.

Елизавету учили французскому языку, так как ей в женихи уже с десятилетнего возраста намечался французский королевич Людовик XV.

Заботы о раннем браке побуждали приучать детей к обществу и торжественным выходам.

Пётр требовал, чтобы семья наравне со всеми остальными подчинялась новым порядкам.

Дочери Петра принимали участие и в любимых их отцом катаниях по Неве. На эти морские прогулки они являлись в костюмах жен саардамских плотников, то есть в кофточках и юбках из грубой красной материи и в небольших шляпках.

Их учили непринужденно кланяться, делать реверансы, знать церемониальные и характерные танцы. Им были знакомы немецкий, итальянский, французский и шведский, а также русский и церковнославянский языки.

Каждый день Петра протекал в напряженном труде, направленном на осуществление задуманных преобразований в области административного устройства страны, развитие армии и флота, создание новых городов.

Например, в 1714–1715 годах им было составлено 16 указов, среди которых был указ для Канцелярии от строений с подробнейшим перечнем первоочередных работ по благоустройству столицы.

Именно в этом дворце Пётр Великий обдумывал планы развития Петербурга и всей России.

Н. И. Кашин, собиравший сведения о царе, оставил нам некоторые подробности его частной жизни во дворце. Он писал: «Кушал его величество очень мало и жаловал, чтоб было горячее, и кухня была во дворце об стену его столовой, и в стене было окошко, из которого подавали кушать...»

Он «после обеда отъезжал на яхту, поставленную у дворца на Неве, почивать, и караул стоял около яхты, чтоб никто не ездил».

«У Зимнего дворца всегда стояли коляски и у пристаней верейки и шлюпки, и все дожидаются до самого вечера, а куда изволит ехать — неизвестно, и особливо редкий день который не бывает в Сенате».

Пётр постоянно был в разъездах, однако жизнь в Зимнем дворце всегда была насыщена встречами и праздниками.

Третий Зимний императорский дворец

Наименование объекта. Императорский дворец Петра I.

Маршрут следования. Первый рассказ вести на берегу Зимней канавки. Второй рассказ вести на Дворцовой набережной.

Элементы показа. Показать вначале выделенную часть фасада Эрмитажного театра со стороны Зимней канавки, а затем, выйдя на Дворцовую набережную, показать северный фасад театра, панораму реки Невы и Петропавловской крепости.

Из «Портфеля экскурсовода» показать вид Третьего Зимнего дворца по гравюре Е. Виноградова 1750–1751 гг., картину художника И. Н. Никитина «Пётр Великий на смертном одре».

В 1715 году второй Зимний дворец показался уже тесным. Подросли дочери, большим стал штат придворных дам при Екатерине и при царевнах.

29 октября 1715 года родился долгожданный сын Пётр Петрович, будущий наследник престола. Пётр повелел архитектору Г. И. Матарнови возвести новый дворец, более вместительный, чем прежний.

В начале весны 1716 года стали бить сваи под новое здание и укреплять невский берег, потому что дворец должен был своим главным фасадом выходить, наконец, к берегам Невы.

Третий Зимний императорский дворец

История третьего по счёту зимнего царского дома почти два столетия хранила немало загадок.

Виновницей их рождения оказалась Екатерина II, которая пожелала на месте старых петровских хором возвести собственный придворный театр.

В 1783 году архитектор Д. Кваренги начал его строительство, и считалось, что он разрушил прежний дворец Петра и на его месте воздвиг новое здание.

Но в 1985 году при проведении полной реконструкции и реставрации существующего ныне Эрмитажного театра благодаря большой исследовательской работе архитекторов Г. Михайлова, В. Галочкина и И. Бурковской выявились интересные открытия. Оказалось, что в здании театра служебные постройки, обращённые к Зимней канавке, были ограждены совершенно глухой стеной.

Как будто хозяин усадьбы пытался отгородиться от какой-то возможной суеты и шума.

Благодаря исследованиям стало понятно, как по проекту Матарнови строили третий дворец Петра.

Для этого заложили шурфы — прямоугольные раскопы глубиной до двух метров, провели зондирование

стен, снятие всех слоев штукатурки, а также сделали анализ кладки по размерам кирпича и манере работы.

В коллекциях Эрмитажа хранится рисунок фасада дворца и план всей усадьбы. По ним можно представить себе вид этого дворца.

Поначалу это был дом в два этажа на высоком цоколе, над которыми Пётр приказал надстроить ещё один этаж.

Пётр много и напряжённо трудился, поэтому эту часть он приказал замуровать глухой стенкой, чтобы ему не было слышно строительного шума.

Здесь находился его кабинет, выходящий к Зимне-дворцовому каналу и который ныне выделен цветом на фасаде здания.

Архитектор Матарнови не успел возвести все здание дворца по причине его смерти 2 ноября 1719 года.

Отделку стен и потолков бело-синей голландской плиткой в шести государевых покоях выполняли уже мастера под наблюдением Растрелли, отца и сына.

В 1718 году от Невы до Мойки вырыли канал, теперешнюю Зимнюю канавку.

На сохранившемся плане всей царской усадьбы видно, что за дворцом, вглубь от Невы, был разбит небольшой французский сад, который завершался гаванью, где стояли и хранились прогулочные суда.

Строительство дворца по проекту Матарнови продолжил Доменико Трезини, который завершил его к лету 1724 года. Окрашенное золотистой охрой с белыми архитектурными деталями здание протянулось на 72 метра вдоль Невы.

Его разлёт справа сдерживал Зимний дом, возведённый Матарнови, а слева такой же дом, возведённый Трезини.

Между ними расположили центральный объём дворца, который выделялся нарядным ризалитом шириной в три окна.

Северный его фасад был наряжен пилястрами и колоннами коринфского ордера, причем колонны несли на себе тяжесть пышно украшенного аттика, увенчанного большой короной с носом боевого корабля — рострой. Ростра, вознесённая над дворцом, как бы завершала нарастающее движение архитектурных форм здания.

Применение колонн — это доказательство того, что проект дворца исполнил Матарнови.

Архитектор Трезини колонн не признавал, его увлечением были пилястры — плоские вертикали.

Здесь мы видим уже не скромный дом адмиралтейского чиновника, а настоящую резиденцию правителя могущественного государства.

В этом построенном к лету 1724 года дворце Петру Первому суждено было прожить всего полгода.

Весь 1724 год Пётр чувствовал своё недомогание, но продолжал так же усердно работать.

В марте весь двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий, иностранные дипломаты по последнему санному пути отправились в Москву, чтобы участвовать в коронации Екатерины. Во время коронации Пётр был одет в парадный костюм: голубого цвета кафтан, шитый серебром, красные шелковые чулки и шляпу с белым пером.

Так Пётр никогда не одевался.

Церемония коронации была проведена 7 мая 1724 года в Успенском соборе Московского Кремля, где Пётр сам возложил корону на голову стоявшей на коленях Екатерины.

Празднества расстроили здоровье Петра, и он в начале июня отправился на Угодские заводы, где была обнаружена минеральная вода. Она пошла на пользу императору, и 12 июня по прибытии Петра в Москву Берхгольц записал: «Говорят, что он остался очень доволен тамошним минеральным источником».

Петру надо было бы поберечь свое здоровье и воздерживаться от привычного распорядка дня.

Но не таков был Пётр.

Он высказался доктору Блюменталю в присутствии Нартова следующее замечание: «Болезнь упряма, знает то натура, что творит, но о пользе государства пещись надлежит неусыпно, доколе силы есть».

И всё же болезнь заставляла императора изменить ритм жизни.

Он в 1724 году дважды принимал воды и стал чаще, чем раньше, присутствовать на богослужениях, желая обратиться за помощью к Богу.

12 июня Пётр отъехал из Москвы и 21 июня был уже в Петербурге, в Зимнем дворце, где, как и раньше, отмечал памятные даты государственного значения, например, день Полтавской виктории.

Кроме того, император участвовал в семейных празднествах, навещал Адмиралтейство и Коллегию иностранных дел, ездил в Кронштадт и Петергоф.

С 16 по 20 августа Пётр не выходил из дома и принимал лекарства, но уже 23 августа он присутствовал на свадьбе своего кабинет-секретаря Алексея Васильевича Макарова, а 30 августа участвовал в церемонии встречи доставленных в столицу мощей Александра Невского.

Но болезнь снова подкосила Петра, и он с 3 по 12 сентября не покидал покоев.

Давайте проследим дальше, как наступление болезни и бурные привычки императора довели его до трагической развязки.

12 сентября Берхгольц сделал следующую запись: «Его величество император все ещё не оправился совершенно от болезни, почему лейб-медик продолжает постоянно ночевать при дворе».

Но Пётр не отступает от своих привычек. 13, 18, 20 и 21 сентября он вместе с Екатериной и без неё совершал длительные прогулки по Неве.

9 октября в 6 часов утра император отправился в последнее в своей жизни продолжительное путешествие по маршруту: Шлиссельбург — Ладожский канал — Старая Ладога.

11 октября в Шлиссельбурге Пётр присутствовал на празднике в честь овладения крепостью русскими войсками, а на следующий день осматривал работы на Ладожском канале, побывал он и в Старой Руссе.

27 октября император возвратился в Зимний дворец. И вот здесь произошло событие, резко обострившее течение его болезни.

Мы уже знаем, что 8 ноября был арестован Вилли Монс, камергер Екатерины, и 16 ноября палач отрубил ему голову.

Между Петром и Екатериной происходили бурные сцены объяснений. Пётр и так испытывал недомогание, а его раздражительность после этого случая только усилила это болезненное состояние.

Вместе с тем 28 октября он был на пожаре на Васильевском острове, а 5 ноября на свадьбе в доме немецкого булочника.

21 ноября царь по слабому льду переехал через Неву, чем переполошил весь придворный круг.

В походном журнале записано: «Сей первый день переехал через реку на санях по льду, а до того ещё не ездил никто».

За три недели до смерти он занимался составлением инструкции руководителю Камчатской экспедиции Витусу Берингу.

Нартов, наблюдавший царя за этим занятием, рассказывал о том, что Пётр спешил сочинить наставление такого важного предприятия, будто предвидя скорую свою кончину.

После этого он вызвал адмирала Апраксина и сказал ему: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на днях то, о чём мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию».

Первую половину января 1725 года царь провёл как обычно. Он часто навещал Троицкую церковь, присутствовал на свадьбе у своего денщика Василия Поспелова, участвовал в ассамблеях у П. А. Толстого и у вице-адмирала К. Крюйса.

Самый нелепый поступок Пётр совершил 6 января, когда в качестве полковника Преображенского полка маршировал по набережной Невы и находился там до конца службы в праздник Крещения.

17 января царь не встал с постели.

Здесь, в своей «конторке» в западном ризалите дворца он и умирал.

В последние дни он непрерывно кричал и 29 января скончался в страшных мучениях.

Болезнь Петра была предметом разных суждений историков медицины.

В 1970 году Центральному кожно-венерологическому институту в Москве были направлены на за-

ключение все известные свидетельства современников о болезни и кончине Петра I. Комиссия в составе профессоров А. А. Студницына, Н. С. Смелова, доктора медицины Т. К. Васильева и кандидата медицинских наук О. И. Николаева пришла к выводу, что «Пётр I, по-видимому, страдал или злокачественным заболеванием предстательной железы или мочевого пузыря, или мочекаменной болезнью».

Пока Пётр умирал, в Зимнем дворце развернулась напряженная борьба за власть. Возле умирающего Петра собрались все сторонники и противники режима Петра I.

Ещё не кончилась агония императора, а светлейший князь А. Д. Меншиков уже собрал в апартаментах царицы Екатерины Алексеевны секретное совещание её сторонников.

На нём были сам Меншиков, кабинет-секретарь А. В. Макаров, министр герцога Голштинского Г. Ф. Басевич, старшие офицеры Преображенского и Семёновского полков, в том числе майоры А. И. Ушаков и Г. Д. Юсупов, командир Семёновского полка И. И. Бутурлин, глава Синода Феофан Прокопович и другие.

Исходной и формальной точкой противостояния политических сил стало отсутствие письменного или устного завещания Петра Великого.

То, что Пётр умер без завещания, уже само по себе создало кризисную ситуацию. Ведь кроме вдовы, Екатерины Алексеевны, были ещё и другие претенденты на престол. Среди них дочери Анна, Елизавета и внук Пётр Алексеевич, сын казнённого царевича Алексея.

Сразу же после смерти Петра в одном из залов Зимнего дворца начался последний и решительный акт политической драмы.

Здесь уже собралась вся правящая верхушка: Сенат, Синод, высшие правительственные чиновники, генералитет.

Образовались две партии.

Одна из них поддерживала интересы царицы Екатерины и стремилась провозгласить её императрицей.

Другая настаивала на провозглашении императором великого князя Петра Алексеевича под совместным регентством царицы и Сената.

Как только все собрались, к ним вышла Екатерина, на время покинувшая государя.

Ее речь была решительна, она говорила, что имеет право на престол, так как была коронована в 1724 году императором. Она также сказала, что если к власти придёт ребёнок, страну могут ожидать серьёзные испытания и несчастья.

Главное слово сказала гвардия. Майор гвардии и руководитель Тайной канцелярии А. И. Ушаков заявил, что гвардия видит на престоле Екатерину, а кто будет этим недоволен, может и пострадать.

Не менее сильным аргументом в пользу Екатерины, кроме выкриков и угроз гвардейцев, была и та мысль, что царевичу Алексею подписали смертный приговор 127 высших сановников, то есть все присутствующие.

Отвечать перед сыном за казнённого Алексея никому не хотелось.

Поэтому финальные слова Меншикова: «...я верю вам, отцы мои и братья, и да здравствует наша августейшая государыня императрица Екатерина!» — поддержали все.

А дальше всё пошло свои чередом: депутация к ожидавшей исхода борьбы Екатерине, поспешное со-

ставление Манифеста, который тотчас подписали все присутствующие сановники.

Так царица Екатерина Алексеевна, в прошлом неграмотная Марта Скавронская, стала императрицей Екатериной I.

Рассказ вести на Дворцовой набережной.

На следующий день весть о смерти императора Петра Великого разнеслась по всей России.

Огромное горе охватило жителей столицы, а потом и всей страны. В гвардии не было ни одного человека, который бы не плакал об этой неожиданной и горестной кончине Петра I.

Из «конторки» тело Петра 29 января перенесли в большую залу на втором этаже Зимнего дворца.

«Печальная сала» была богато убрана, украшена золотыми шпалерами по стенам, скульптурами, большими мраморными пирамидами с фигурами и траурными надписями. В полутьме от постоянно завешанных чёрным флером окон и слабого света свечей непрерывным потоком шли тысячи людей без различия звания, чина и возраста.

Гроб был убран гладкой золотой парчой, в котором лежал высокий человек в роскошном платье, вышитом серебром, с серебряной бахромой, в кружевах, с образом Андрея Первозванного.

Люди плакали и целовали руку императора. Они видели своего царя преображённым и незнакомым. Вечно спешащий по улицам Санкт-Петербурга, здесь он выглядел спокойным.

4 марта «в доме Государевом к печали печаль новая прибыла», умерла заболевшая в 20-х числах фев-

раля корью младшая дочь Наталья, и её маленький гробик был выставлен в соседнем с «печальной салой» помещением.

10 марта около полудня пушечным выстрелом с Петропавловской крепости весь Петербург был извещён о начале торжественной, ещё никогда не виданной жителями города церемонии императорских похорон.

Народ теснился вдоль всего посыпанного жёлтым песком и усталого свежими еловыми лапами пути.

Путь тянулся по заснеженному берегу Невы от Зимнего дворца до Почтового дома и затем через Неву по специально построенному мосту к крепости.

Вдоль всего пути сплошными шпалерами стояли войска: солдаты и офицеры с опущенными знаменами через равные промежутки, а также 1250 «мушкетеров» с факелами.

Около трех часов дня Пётр отправился в свой последний путь. Гроб через отворенное окно Зимнего дворца вынесли и спустили вниз на набережную по обитой чёрной материей лестнице.

Процессию открывал сводный отряд из 48 трубачей и 8 литаврщиков, которые своей печальной музыкой задавали тон всему шествию.

Следом за музыкантами шли пажы и весь придворный штат.

Затем несли красное военное знамя, за которым в сопровождении двух полковников шла любимая лошадь Петра.

Далее шли символические фигуры латников: один на лошади в вызолоченных латах, другой пеший в чёрных.

*Пётр Великий на смертном одре.
Художник И.Н.Никитин*

Этим подчёркивалось, что жизнь и смерть всегда находятся рядом.

Далее двигалось красочное шествие знамен с гербами земель империи, в которых иллюстрировался полный титул императора и отражалась вся история России. Выразительно было и белое знамя с эмблемой скульптора, делающего статую, и девизом императора, написанным золотом и серебром, с кистями и бахромой.

Далее шёл крестный ход церковников в траурных белых ризах с хоругвями в сопровождении огромного числа певчих.

Такого пышного шествия Россия ещё никогда не видела.

И вот показались два гроба, укрытых золотыми парчовыми покрывалами.

Впереди гвардейские офицеры несли на руках гробик цесаревны Натальи. За ней восьмёрка покрытых чёрным бархатом лошадей медленно везла резные сани с гробом императора под роскошным балдахином с серебряными штангами.

Множество генералов и офицеров торжественно несли перед гробом на золотых подушках символы царской власти, специально доставленные из Москвы: скипетр, державу и корону Российской империи, четыре государственных меча острием вниз.

Они несли также все награды Петра.

Далее сразу за гробом в сопровождении А. Д. Меншикова и Ф. М. Апраксина, в траурной одежде с «закрытым лицом чёрной материей» шла Екатерина I.

За императрицей следовали лица царской фамилии.

Вначале шли дочери Петра Анна и Елизавета.

За ними — дочери старшего брата Петра царя Ивана Екатерина и Прасковья. Далее шли двоюродные сестры Петра по матери — Мария Львовна и Анна Львовна Нарышкины.

За ними шел жених Анны Петровны Карл Фридрих, герцог Голштинский.

В конце императорской фамилии шел внук покойного императора, будущий император, малолетний Пётр Алексеевич.

Всё шествие было подавлено торжественной и мрачной красотой происходящего.

Отовсюду слышались траурные звуки полковых оркестров, глухой рокот полковых барабанов, тяжкие удары литавр, слаженное пение сотен дьяконов и церковных певчих, дым кадил, бряцанье оружия, звон колоколов со всех церквей.

Очень сильное впечатление производила пушечная стрельба, которая слышалась через равные промежутки времени и была подобна ударам огромного метронома.

И вот процессия достигла места захоронения усопшего императора.

Петропавловский собор был ещё недостроен, поэтому посреди построили маленькую церковь, в которую и поставили гроб с телом Петра.

В церковь была допущена только знать.

Церемония панихиды была недолгой, не более часа, во время которой Феофан Прокопович произнёс краткую речь «Слово на погребение Петра Великого». Его речь, как образец, вошла в хрестоматию русского ораторского искусства.

Он говорил: «До чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погрёбаем!»

Голос Феофана тонул в плаче и стенаниях слушателей.

«Посмотрим, — говорил он, — кем был для нас Пётр Великий. Он был непобедимым, мужественным, мудрым законодателем, реформатором».

Речь достигла своего апогея, когда Феофан проводит ту мысль, что безмерное горе противоречит всему живому и что сам великий преобразователь делал всё, чтобы жизнь и слава России продолжалась.

«Оглянитесь, россияне, смахните слезы, — призывал Феофан, — ведь... творения его жизни это и доблестные полки его победоносной армии, это и чудный молодой город Санкт-Петербург».

Гроб закрыли. Возле него установили круглосточный караул.

Низкое петербургское небо раскалывалось от трижды великого грома пушечных залпов.

Итак, Петра I не стало.

Третий Зимний дворец, построенный им уже не как скромный дом именитого гражданина, а как настоящая резиденция правителя могущественного государства, ему уже больше не пригодился.

В память о Петре Великом ныне в здании Эрмитажного театра, возведённом архитектором Джакомо Кваренги в 1783–1789 годах, теперь есть великолепная постоянная экспозиция «Зимний дворец Петра Первого», открытая в 1992 году. Она знакомит с уникальным архитектурно-мемориальным памятником первой половины XVIII века.

Исследования, выполненными эрмитажными архитекторами в период с 1976 по 1986 годы, выявили под сценой театра обширный фрагмент бывшего парадного двора, окружённого с двух сторон аркадами

обходных галерей и анфиладами дворцовых палат. Под зрительным залом сохранился фрагмент небольшого жилого корпуса, именовавшегося «малыми палатками», созданными архитектором Г. Матарнови в 1716–1720 годах. Они состоят из нескольких комнат, принадлежавших лично царю.

Кроме того, в двух этажах театра по Зимней канавке сохранились двенадцать жилых покоев Екатерины I, созданных архитектором Д. Трезини в 1726–1727 годах.

Теперь можно прикоснуться к петровской святыне, непосредственно побывав в Эрмитаже.

Рядом с бывшим Зимним дворцом находится ещё один исторический памятник, бывший в петровское время Домом корабельного мастера.

Это дом № 30 по Дворцовой набережной. О нём пойдёт речь.

Дом корабельного мастера

Наименование объекта. Дом корабельного мастера Федосея Скляева.

Маршрут следования. Обратит внимание на дом № 30 по Дворцовой набережной.

Остановка у объекта. Остановиться напротив дома № 30.

Элементы показа. Показать фасад дома и панораму реки Невы.

Из «Портфеля экскурсовода» показать фрагмент гравюры Зубова «Пётр и Екатерина, катающиеся на канале» за 1716 г.

Усадьба, находившаяся на месте дома № 30 по Дворцовой набережной, принадлежала кораблестроителю Федосею Скляеву.

Федосей Моисеевич Скляев был одним из создателей русского военного флота, под руководством которого было построено более 10 крупных судов, в том числе 106-пушечные «Пётр I» и «Пётр II». Он построил также свыше 200 галер, скамповей и других малых судов.

То, что он получил место для строительства дома на берегу Невы рядом с Зимним домом Петра I, говорит об особом к нему расположении царя.

В переписи 1717 года записано: «...ево (Скляева) двор построен в 1706 годе», то есть раньше, чем Зимний дом Петра I.

Ему было также поручено «смотрение» за строительством царского дома.

Весной 1708 года он сообщает царю: «Ваш дом, что подле моего двора, так же, чаю, что в марте совершен будет».

Судьба Федосея Склеяева очень схожа с судьбами многих бывших волонтеров, обучавшихся кораблестроению в Голландии и других странах, а позже укреплявших морское величие России.

Будучи сыном царского конюха, служившего в подмосковной царской вотчине селе Преображенском, он попал в число «потешных» солдат, из которых в 1691 году сформировались Преображенский и Семёновский полки. Вместе с Петром участвовал в создании «потешной» флотилии на Переяславском озере.

В 1697 году Федосей был отобран в число 30 волонтеров во время путешествия с Великим посольством по странам Западной Европы.

На верфи Ост-Индской кампании в Амстердаме он трудился вместе с царем и А. Меншиковым, в Англии, а затем в Венеции он изучил всё то, что необходимо было для конструирования судов.

Шесть лет он проработал на верфи в Воронеже, где при его участии был построен 58-пушечный корабль «Предистинация» и несколько других судов.

Признанием его мастерства служит то, что в составленном в 1701 году списке лучших кораблестроителей первым стоит Пётр Михайлов (царь), а вторым — Федосей Склеяев.

С 1705 года Склеяев работает в Петербурге на Адмиралтейской верфи, где конструирует и закладывает вначале быстроходные шнявы «Надежда» и «Лизет», а затем строит 54-пушечную «Полтаву».

В 1712 году, после свадьбы Петра и Екатерины, он закладывает 60-пушечную «Екатерину».

Царь с супругой по-соседски навещают Склеяева, обедают у него на именинах. Известно, что Пётр поздравлял его с рождением дочери Натальи и присутствовал на её крестинах.

Федосей Склеяев пережил царя на три года. Он умер 10 марта 1728 года и был погребён в Александро-Невской лавре.

Изображение Склеяева вторым справа от Петра можно увидеть на гравюре А. Зубова «Свадьба Петра с Екатериной». На голове его парик, а сам он в парадном камзоле, повернутый к английскому послу Чарльзу Витворту.

Несколько слов о его доме.

По всей видимости, поначалу он был деревянным, о чём косвенно упоминает один из иностранцев в 1710 году: «От этого здания (Питейного дома) идут все деревянные дома, выстроенные на русский образец...»

В описании Петербурга первым историком города А. И. Богдановым приведен рисунок набережной с этими первыми постройками, где все домики нарисованы совершенно одинаковыми.

По-видимому, в 1720-х годах Склеяев вместо деревянного построил себе каменный дом, о чём упоминает в 1728 году Д. Трезини, когда в камне выстраивал Зимний дом Петра I.

Каменный дом был «длиною на девяти саженьях, поперек на семи саженьях и 5 футах вышиною, в два апартамента (этажа)».

Если в нижней части современного здания произвести расчистку и обследование, то здесь можно обнаружить старую кирпичную кладку первой трети XVIII века.

Перед домом была оборудована пристань, которая в петровском указе от 23 июня 1719 года приводится как образец для других владельцев домов по Неве.

После смерти Ф. Склаева дом сменил много именитых хозяев.

В 1740-х годах, во время правления Анны Леопольдовны и малолетнего её сына императора Ивана VI, в доме поселилась любимая фрейлина Анны Леопольдовны Юлия Менгден.

Для неё дом был перестроен архитектором Джузеппе Трезини, зятем Доменико Трезини.

Облик дома этого периода запечатлен на рисунке из Стокгольмской коллекции.

Это было двухэтажное здание на высоком цокольном этаже («на погребках»), чтобы обезопасить себя от частых подъёмов воды.

Вскоре это здание стало занимать всю ширину участка и вплотную примкнуло к Зимнему дворцу, перестроенному Д. Трезини.

В этот период дом называли «Дворцовой канцелярией», потому что в нём также разместили офицеров, охранявших Антона Ульриха, мужа Анны Леопольдовны.

К 30-м годам XIX века фасад дома, выходящий на Неву, изменился в соответствии с архитектурными понятиями того времени.

Исчезли детали, характерные для архитектуры петровского времени, надстроен третий этаж.

Это уже был классический особняк жёлтого цвета с балконом в центре второго этажа и с треугольным фронтоном.

С этим домом связана трагическая судьба поэта А. С. Пушкина, где он 23 января 1837 года услышал

в адрес Натальи Николаевны одну из «армейских» острог Дантеса, в результате чего состоялась ссора и трагическая дуэль.

Тогда это уже был дом Воронцовых-Дашковых, в котором также 9 февраля 1841 года другой великий русский поэт М. Ю. Лермонтов повстречался на балу с младшим братом царя Николая I Михаилом Павловичем, который отправил его на Кавказ, где поэт тоже погиб на дуэли.

В 1877–78 годах архитектор Николай Фёдорович Беккер, строитель многих жилых домов Петербурга, вновь перестроил дом. Фасад, выходящий к Неве, потерял облик классической постройки, тем более что к нему был надстроен и четвертый этаж.

Здесь напротив царского дворца и дома Скляева в петровское время на воде была построена пристань, от которой начинались парады «Невского флота».

Речь идет о «Невском флоте», учрежденном Петром I весной 1708 года с целью обучения российской знати плаванию под парусами.

Этот флот тогда состоял из малых судов под управлением И. С. Потемкина, прозванного Петром «Невским адмиралом».

На Неве был такой обычай. Когда адмиральский буер под особым флагом выйдет на воду, то под страхом штрафа должны были выйти все суда сподвижников Петра.

Адмиральский буер всегда должен был идти впереди, а все остальные не опережая следовать за ним.

На буерах обычно находились сенаторы, министры и другие господа, весело развлекаясь под звуки труб и музыки. Пётр подчас лично руководил движением этих судов по Неве.

*Пётр и Екатерина, катающиеся на канале.
Фрагмент гравюры А.Ф.Зубова. 1716*

Один из иностранцев отметил один из таких дней 19 ноября 1710 года в своих воспоминаниях. Он писал: «Тогда дул сильный ветер, и царь, как всегда, воспользовался этим случаем, чтобы покататься на своем буере под парусом, вверх или вниз по Неве... Царь встретил на фарватере и завернул назад около тридцати шлюпок, которые вопреки изданному здесь когда-то положению шли при благоприятном ветре не под парусами, а на веслах. Лодки, нарушающие это правило, платили штраф в размере 5 рублей с весла.

Означенные шлюпки... были задержаны и с них за провинность потребовали штраф. На одной из них,

шестивесельной, шёл вице-канцлер Шафиров, на двух других, десятивесельных, великий канцлер Головкин и его свита».

Пришлось заплатить штраф.

Напротив дома Склеяева проходил и ежегодный христианский праздник выхода царя к «Иордани» (ритуальной проруби) в день Водосвятия.

В Кремле такой выход царя на лед Москвы-реки назывался «походом», а здесь — «водосвятием».

Праздник Водосвятие восходил к первым греческим христианам. Прежде полагали, что проточная вода особенно хорошо смывает грехи, отчего первые христиане стремились креститься в проточных реках.

Этот обычай первых христиан требовал, чтобы дети и взрослые, обращенные из язычества в христианскую веру, погружались в воду трижды. Он сохранился во всю пору существования христианской веры и на Руси.

Этот день называется Крещением и отмечается 6 января в день праздника Богоявления.

Первое описание водосвятного молебна на Неве сделал неизвестный автор в 1711 году.

«...На Неве-реке, покрытой толстым слоем льда, был поставлен, насупротив крепости, полк пехоты в виде большого каре, а посередине занятого им пространства было прорублено во льду ещё накануне большое четверугольное отверстие, окруженное решеткой на возвышенном рундуке. Над этим рундуком, который был обтянут алым сукном, возвышалась дощатая, крестообразной формы сень, а под нею висел на ленте деревянный голубь, изображавший, по всему вероятию, Святого Духа; внизу же у проруби стоял стол, или алтарь, для предстоящей церемонии.

По окончании богослужения в крепостной церкви все духовенство вышло оттуда в полном облачении и в сопровождении царя, министров и нескольких тысяч человек свиты и простонародья направилось к упомянутому рундуку, где по пропетии нескольких молитв первенствующий архимандрит совершил водосвятие, после чего окропил предстоявших, которым также подавалась вода в особых сосудах и для испития; в продолжение церемонии палили из пушек с крепости, и бывшее в строю войско стреляло из ружей».

Если первый автор употреблял слово «рундук» для обозначения возвышения на месте проруби во льду, то последующие авторы это возвышение называют «иорданью», о чём и сегодня нам напоминает название парадной лестницы Зимнего дворца, возведённой по проекту Ф. Б. Растрелли.

Иордань — название реки в Палестине, где более 2000 лет назад святой Иоанн Креститель совершил обряд крещения Христа.

Пройдём вдоль по тротуару Дворцовой набережной к Эрмитажу.

Дворцы высших адмиралтейцев

Наименование объекта. Старый Эрмитаж, Малый Эрмитаж, Зимний дворец.

Маршрут следования. Пройти вдоль по тротуару Дворцовой набережной.

Остановка у объектов. Остановиться напротив зданий Старого Эрмитажа, Малого Эрмитажа, Зимнего дворца.

Элементы показа. Показать общий вид современных зданий Старого и Малого Эрмитажа, Зимнего дворца.

Из «Портфеля экскурсовода» показать портреты К.Крюйса, П.И.Ягужинского и Ф.М.Апраксина, вид Дворцовой набережной по гравюре Х.Марселиуса 1725 года.

Усадьба К.Крюйса

Перед нами здание, предназначенное изначально для размещения живописных коллекций, называемое Большой или Старый Эрмитаж и возведённое в 1770–1787 годах по проекту Г. Ф. Фельтена.

Боковой фасад его обращён к Зимней канавке, набережная которой в XVIII веке именовалась Почтовой, о чём напоминает старинная мемориальная доска на углу здания.

Над Зимней канавкой между Старым Эрмитажем и Эрмитажным театром переброшена арка галереи, ведущей в Эрмитажный театр, возведённая по проекту известного нам архитектора Фельтена в 1783–1789 годах.

Это одно из наиболее совершенных по красоте мест старого Петербурга, где продумана каждая деталь ан-

самбля, в который органично включены широкий пандус спуска к Неве, ограждённый гранитными столбиками с цепями, и круто поднимающийся пролёт Эрмитажного моста, сооружённого в 1763–1766 годах.

С берега Зимней канавки арка воспринимается как своего рода художественная рама, в которую заключён живописный вид на Неву с силуэтом Петропавловской крепости.

Архитектурное решение большого Эрмитажа выглядит очень скромно, контрастно выделяя прекрасную архитектуру всех остальных зданий.

На месте Старого Эрмитажа в петровское время располагался ближе к Зимнему дворцу дом адмирала Корнелия Крюйса.

В 1697 году русский дипломат Ф. А. Головин убедил Петра I, находившегося в то время в Англии, нанять на русскую службу сорокалетнего голландского капитана Корнелия Крюйса, охарактеризовав его так: «...человек истинно добр. Жаль такого пропустить... А без такого, государь, человека трудно нам во флоте управляться будет».

Русский флот тогда очень нуждался в морских профессиях.

Русские дипломаты с помощью Крюйса наняли на службу много морских специалистов, в том числе 26 капитанов, 35 поручиков, 33 штурмана, 51 лекаря, 81 человек младших офицеров и 345 матросов.

Родившись в норвежском городе Ставангере, но будучи голландцем по происхождению, он служил в голландском флоте. В России же он стал адмиралом.

Вот как характеризуется его личность иностранным резидентом. «Вице-адмирал его превосходительство господин Корнелиус Крюйс — высокий, видный

человек... Он чрезвычайно опытный моряк и участвует в управлении морским ведомством, где, пожалуй, основное бремя лежит на нем. Он в высшей степени правдивый и честный человек, великодушный, справедливый и обязательный в делах. При этом он очень вежлив, отзывчив и разумен по отношению ко всякому. Он превосходно владеет своей профессией, за что и находится в особой милости у царя».

Он пользовался уважением и доверием Петра I.

В 1712 году адмирал Крюйс с женой присутствовал на свадьбе Петра и Екатерины.

С 1718 года он стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии.

Помимо того он был главным старшиной евангелических и реформаторских церквей и школ всей России и, по справедливости, стал покровителем всех немцев и голландцев в России.

Рядом со своим домом он построил в 1710 году лютеранскую церковь, простоявшую до 1728 года.

Адмирал пережил Петра I на два года и умер в возрасте 70 лет.

Вид дома К. Крюйса, построенный на набережной, сохранился на гравюре, созданной архитектором Христофором Марселиусом в 1725 году. Исполненные им рисунки с видами Петербурга представляют большую историко-документальную ценность. По ним мы можем представить и виды других дворцов этого периода.

К. Крюйс

Дворец Г.П. Чернышева

Соседнее со Старым Эрмитажем здание носит название Малого Эрмитажа, хотя оно было построено первым, в котором были созданы все условия для того, чтобы собранные в Зимнем дворце произведения искусства могли увидеть петербуржцы.

Оно строилось по проекту архитектора Ж. Б. Валлен-Деламота с 1764 по 1775 годы, то есть на протяжении двенадцати лет и завершилось, когда были возведены Северный и Южный павильоны.

Здание Малого Эрмитажа необычайно интересно. Всё внутреннее пространство между павильонами занял Висячий сад.

В помещениях Северного павильона, выходящего к Неве, первоначально разместили коллекции картин и собрание резных камней античной эпохи.

Парадность и торжественность главному выходящему на Неву фасаду придаёт шестиколонный портик, объединяющий два верхних этажа, увенчанных скульптурной композицией.

Внешние фасады здания оставались всегда неизменными, а внутренние интерьеры Малого Эрмитажа много раз изменялись.

В 1850–1858 годах архитектор А. И. Штакеншнейдер перестраивает шесть залов екатерининского времени, именовавшимися «малыми эрмитажами императрицы».

Один из них Павильонный зал, который постоянно очаровывает посетителей Эрмитажа своим чистым светом и воздухом, люющихся со всех четырёх сторон, где от многочисленных малых и больших хрустальных и богемных люстр создаётся волшебная ска-

зочная феерия. В зале сочетаются элементы искусств мавританского, античного и эпохи Возрождения.

Особую прелесть помещению придаёт своеобразный «восточный уголок», где архитектор встроил в стены фонтаны-раковины, из чаш которых капля за каплей перетекают «слёзки» воды.

В зале размещён один из ценнейших экспонатов часы «Павлин», изготовленные английским мастером Дж. Коксом и приобретённые князем Г. А. Потёмкиным в 1780 году. Один раз в неделю позолоченный павлин «оживает», расправляя крылья, распуская свой золотисто-изумрудный хвост, поворачиваясь и кланяясь публике.

Но давайте вспомним о петровских временах, которые создали последующим поколениям петербуржцев возможность создавать такие удивительные строения.

На месте здания Малого Эрмитажа тогда был построен дом, принадлежавший Григорию Петровичу Чернышеву, государственному и военному деятелю петровского времени, участнику многих событий Северной войны, с 1713 года ставшего генералом, а с 1714 по 1725 год служившего при Адмиралтействе в ранге генерал-поручика.

По велению Петра он был женат на Евдокии Ивановне Ржевской, или, как её тогда называли, на «Авдотье-бой-бабе».

От их брака в 1722 году родился знаменитый в своё время граф Захар Григорьевич Чернышев, который в 1761 году в Семилетней войне при Елизавете Петровне взял Берлин, а потом при Екатерине был назначен президентом Военной коллегии в звании генерал-фельдмаршала. Он позже был также генерал-

губернатором Белоруссии, а потом главнокомандующим войсками в Москве.

Захар воспитывался в этом доме.

Григорий Петрович пережил Петра I на 20 лет. Он умер в возрасте 73 лет и похоронен у западной стены Лазаревского кладбища Александро-Невского монастыря.

Дома П. Ягужинского и С. Рагузинского

А теперь подойдем к пятому по счёту императорскому Зимнему дворцу, на месте которого стояли сразу четыре дворца ближайших сподвижников Петра I: П. И. Ягужинского и С. Л. Рагузинского, Ф. М. Апраксина и А. В. Кикина.

Ближе всех к дворцу Чернышева стоял дом Ягужинского, построенный в 1715 году.

П. И. Ягужинский

Павел Иванович Ягужинский, рожденный в Польше, с 1701 года стал служить в гвардии Петра I.

С 1722 года стал прокурором Сената или, как назвал его император, «оком государевым», и отличался честностью и требовательностью по исполнению принятых в Сенате законов России и указов Петра I.

С 1731 года стал графом, а с 1735 года — кабинет-министром при императрице Анне Иоанновне.

Одновременно с домом Ягужинского строился и дом для Саввы Лукича Рагузинского-Владиславо-

вича, серба по национальности, ставшего российским дипломатом, богатым финансовым агентом и купцом.

С 1711 по 1722 годы он был назначен послом в Черногорию, Венецию и Рим, а затем с 1725 по 1728 годы возглавлял русское посольство в Китае.

Дом его был построен после 1715 года.

Оба дома, занимавшие восточную часть территории современного Зимнего дворца, не сохранились.

Они были снесены при строительстве в 1752–1762 годах нынешнего Зимнего дворца.

Дворец Ф. М. Апраксина

Первые два десятилетия XVIII века весь Адмиралтейский остров находился в ведении Фёдора Матвеевича Апраксина, государственного и военно-морского деятеля России. Он был также родственником царя, родным братом царицы Марфы Матвеевны, жены царя Фёдора Алексеевича, поэтому ему отводилась важнейшая роль в жизни Санкт-Петербурга.

С 1708 года Апраксин стал генерал-адмиралом, командующим военно-морским флотом России, а с 1718 года Пётр назначил его первым президентом Адмиралтейств-коллегии.

В 200 саженьях от верфи, на берегу Невы, в 1705 году для него был построен деревянный дом, который вскоре по проекту и под руководством Д. Трезини заменён каменным.

Ф. М. Апраксин

*Вид Дворцовой набережной. Дворец Ф. М. Апраксина
Гравюра Х. Марселиуса. 1725*

Но и этот двухэтажный каменный особняк перестал его удовлетворять.

В 1716 году был заложен новый дворец по проекту архитектора Ж.-Б. Леблона, изображённый на гравюре Х. Марселиуса. Это было самое богатое и нарядное здание города. Первый генерал-адмирал России мог себе позволить возведение такой постройки, так как был в особых доверительных отношениях с царём.

С его именем связано рождение русского военноморского флота. Именно Ф. М. Апраксин в 1700 году возглавил приказ адмиралтейских дел, ведавший всеми вопросами судостроения и вооружения российских кораблей. Позже он командовал Каспийской флотилией, Балтийским флотом, корпусами в Финляндии и Ингерманландии. При его непосредственном участии был взят Выборг и одержано несколько морских сражений.

При жизни Фёдора Матвеевича некоторое время с 1725 года часть дворца занимал герцог Голштинский после его женитьбы на Анне Петровне.

Ф. М. Апраксин был одинок, поэтому после смерти свой дворец завещал императорской семье.

В 1728 году он умер, и с конца 1731 года дворец стали расширять для императрицы Анны Иоанновны, которая и поселилась в нём по приезде из Москвы в Петербург вместе со всем императорским двором.

Дворец А. В. Кикина

К служебным флигелям дома Ф. М. Апраксина примыкал и двор адмиралтейств-советника А. В. Кикина.

Его каменные палаты были построены здесь в 1707 году и стали первыми каменными строениями Петербурга.

Александр Васильевич Кикин, обучившись судостроению в Голландии, с 1707 года управлял петербургским Адмиралтейством.

Однако, новые реформы царя Петра он не принял, 17 марта 1718 года был арестован по делу царевича Алексея Петровича и казнён.

В Петербурге Кикин имел пять домов, один из которых располагался здесь, в самом престижном месте Петербурга, возле Адмиралтейства.

После его трагической смерти дом был взят в царскую казну для размещения в нём Морской Академии.

Здание дома Кикина простояло до 1732 года, когда архитектор Ф. Б. Растрелли разобрал его в связи с постройкой нового Зимнего дворца для императрицы Анны Иоанновны.

Зимние дворцы императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны

Наименование объекта. Зимние дворцы императриц Анны и Елизаветы.

Маршрут следования. Подойти к Дворцовому мосту.

Остановка у объекта. Остановиться напротив западной части Зимнего дворца.

Элементы показа. Показать современный вид Зимнего дворца.

Из «Портфеля экскурсовода» показать портрет архитектора Ф. Растрелли и вид Зимнего дворца Анны Иоанновны по рисунку М. Махаева.

Дворцы и храмы, возведённые в первой половине XVIII века великим итальянским архитектором Франческо Растрелли, являются жемчужинами в архитектурном убранстве всего Санкт-Петербурга.

Своим общим видом, многочисленными колоннами, скульптурой, изящными и насыщенными движениями и игрой света, архитектурными формами, украшениями здания несут в себе ощущение веселья и радости.

Все его сооружения вызывают у нас неподдельное чувство восхищения, и мы не представляем уже Санкт-Петербург без них.

Франческо Растрелли — великолепный мастер архитектурного стиля «барокко» (в переводе с итальян-

Ф.Растрелли

янского означает «странный, неправильный, причудливый»), он обогатил это архитектурное искусство своим мастерством.

Прежде чем достичь таких высот в своём творчестве архитектор прошёл долгий и трудный путь, приравливаясь ко вкусам русских императоров и императриц.

Ведь он своё творчество совершенствовал долго: начинал при Петре I, продолжил при Анне, расцвёл при Елизавете и закончил при Екатерине II.

К сожалению, не все строения, созданные им, сохранились до настоящего времени.

Одним из значительных его архитектурных шедевров являлся возведённый, но не сохранившийся до настоящего времени дворец для императрицы Анны Иоанновны.

Архитектор о нём писал: «По своем прибытии императрица Анна велела мне построить большой каменный Зимний дворец в четыре этажа, не считая погребов и мезонинов... В этом здании был большой зал, галерея и театр, также и парадная лестница, большая капелла, все богато украшенное скульптурой и живописью... Число комнат, которые были устроены в этом большом дворце, превышало 200, кроме нескольких служебных помещений, лестниц и большого помещения для караула, дворцовой канцелярии и пр.».

Это был построенный на набережной Невы четвёртый Зимний императорский дворец, но первый на этом месте.

Здание вышло нарядным и величественным, оно выделялось среди окружающих его построек.

В новый Зимний дворец вошли дома и Апраксина, и Кикина. Для того чтобы оба здания слились в одно целое, архитектору пришлось между ними воздвигнуть большой новый корпус.

Получилось сложное, запутанное, похожее на целый городок сооружение.

На гравюре М. Махаева, одного из лучших рисовальщиков середины XVIII века, изображена центральная часть дворца среди окружающей природы.

Художник изобразил набережную, укрепленную горизонтальными рядами бревен с вертикальными подпорами, которая тогда создавалась под руководством архитектора П. М. Еропкина.

*Вид Зимнего дворца Анны Иоанновны
по рисунку М. Махаева*

На гравюре изображена нарядно оформленная стенка набережной в виде балюстрад из точёных вычурных деревянных балясин напротив парадного входа во дворец, где видно оживлённое скопление запряжённых лошадьми изящных карет.

На набережной можно увидеть жизнь того времени: движущиеся конные тройки и шестерки, различные виды карет, забавные позы фореиторов, строй солдат с ружьями на плечах.

Над всем этим величественно возвышался сам дворец.

Нижний этаж его украшен продольными горизонтальными полосами — рустами.

Второй этаж выделен высокими окнами, между которыми видны вертикальные объёмные белые пилястры, выделявшие часть стены, за которой находился Тронный зал, где Анна принимала иностранных посланников и проводила торжества.

Он был богато украшен хрустальными люстрами, изящными межоконными подсвечниками, наборным паркетом, картинами, изразцовыми печами, зеркальными окнами, что создавало уют и простор.

Над главным фасадом возвышалась высокая крыша с изломом, под которой изображён дугообразный фронтон, украшенный в центре императорской короной со знаменем и воинскими доспехами по обеим сторонам и деревянными вызолоченными фигурами.

Изящные двадцать восемь медных драконов-водостоков в дождливые дни пропускали с крыши потоки воды.

Окончательно императорский дворец был построен в 1737 году.

Из дворца зимой императрица Анна Иоанновна практически не выезжала, занимая все новые и новые покои.

При Елизавете Петровне началась эпоха нового строительства дворцов, и вот уже пятый Зимний императорский дворец стоит здесь почти 250 лет.

Правда, это уже не просто Зимний, а известнейший в мире музей Государственный Эрмитаж, свято хранящий в себе историю России и всего мира.

Последний Зимний дворец, который во всём своём величии предстаёт перед нами, тоже творение великого архитектора Франческо Растрелли.

Построен он был во второй половине царствования императрицы Елизаветы Петровны в 1761 году, которой не хватило полугода, чтобы увидеть день окончания его строительства.

Она скончалась 25 декабря 1761 года, поэтому первым в него въехал её племянник — наследник престола, а потом император Пётр III.

Сооружению огромного и великолепного дворца придавалось тогда важное значение, ведь строился он «для славы всероссийской».

Со всех концов России были вызваны на работу лучшие мастера, а истраченные на постройку громадные денежные суммы вызвали некоторое напряжение во всей стране.

Дворец строился около восьми лет с 1754 года и после окончания строительства впечатлил своими размерами: длиной в 200 метров, шириной в 160 и высотой в 22 метра.

В Зимнем дворце насчитали 1050 комнат и залов.

Давайте виртуально прогуляемся по некоторым главным залам дворца.

При входе в Эрмитаж поначалу мы попадаем в просторной вестибюль, отделанный мрамором и украшенный двумя рядами белых колонн, а также прекрасными статуями и большими вазами из серо-зелёной яшмы.

Далее вестибюль-галерея подводит нас к парадной и главной лестнице.

Её название менялось по предназначению: Посольской она была тогда, когда по ней поднимались на приём иностранные дипломаты, а Иорданской её стали называть позднее, когда в день Крещения царская семья традиционно спускалась по ней из дворцовой церкви к павильону Иордан, ежегодно устанавливаемый на льду Невы.

По прекрасной декоративно украшенной позолоченными колоннами Иорданской лестнице мы поднимаемся на второй этаж, где двери верхней площадки лестницы ведут в анфилады залов.

Одна из дверей ведёт налево во внутренние парадные помещения дворца, другая ведёт прямо в залы, выходящие окнами на Неву, к Невской анфиладе, куда мы тоже проследуем.

Мы попадаем в аванзал к «Малахитовой ротонде», созданной итальянцами из уральского малахита в 1830-е годы, и к Малахитовой гостиной, главной достопримечательности Невской анфилады.

Далее мы пройдем в огромный в 500 квадратных метров Фельдмаршальский зал, созданный в честь прославленных русских фельдмаршалов А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. А. Румянцева-Задунайского и других.

За Фельдмаршальским залом открывается Петровский или Малый Тронный зал, красотой своего декора удовлетворяющий самые утонченные вкусы.

Предназначенный для парадных приёмов удивляет и Гербовый зал, который вызолоченными колоннами, балюстрадой над колоннами и лепниной придаёт помещению особую монументальность и торжественность.

Все люстры зала украшены щитками с рельефными изображениями гербов российских губерний.

Последним из больших залов является Георгиевский или Большой тронный зал, завораживающий своей торжественной красотой.

По рисунку архитектора Стасова для Георгиевского зала скульптор Франческо дель Неро в 1842 году вырезал из каррарского мрамора большой рельеф с изображением Георгия Победоносца — святого покровителя России.

Зал украшают 48 белых монолитных шестиметровой высоты мраморных колонн с позолоченными ка-

пителям и базами, попарно расставленными по всему периметру площади зала.

Второй ярус зала украшает лёгкая балюстрада из 488 изящных балясин, изготовленных из золочёной бронзы.

В общий ритм архитектурной композиции зала архитектор Стасов включил шесть больших и двадцать две малые люстры, паркетный пол, набранный из шестнадцати пород дерева, красочное убранство потолка, вызолоченный узор которого вторит рисунку пола.

Зимний дворец хорош и снаружи.

Два яруса белых колонн по всему периметру фасадов, обилие лепки и скульптуры придают дворцу особое великолепие.

Государственный Эрмитаж — это подлинная сокровищница мирового искусства. Его фонды насчитывают около трёх миллионов экспонатов. Путешествие по залам Эрмитажа — это путь через века и страны, где важное место занимает и культура петровского периода.

Вопросы к экскурсантам

1. Назовите фамилию автора конного монумента Петру I на площади Коннетабль перед Михайловским замком.
2. Сколько раз и каким изображён Пётр на конном монументе перед Михайловским замком?
3. Назовите фамилии вельмож петровского времени, которым принадлежали дома по линии Красного канала в первой четверти XVIII века.
4. Определите значение для Петербурга возведение Почтового двора на Красном канале.
5. Назовите фамилию автора проекта Главной аптеки на Миллионной.
6. О каком походе Петра I напоминает здание, построенное для Кантемиров в начале XVIII века?
7. Назовите фамилию первого русского поэта-сатирика.
8. Можно ли считать, что Миллионная улица является исторической памятью о сподвижниках Петра I?
9. Почему второй Зимний дворец Петра I назвали «свадебным»?
10. В каком по счёту Зимнем дворце умер Пётр I?
11. Почему Пётр I разрешил корабельным мастерам строить дома рядом с царским дворцом?
12. Почему пятый Зимний дворец возводился «для славы всероссийской»?

Наша экскурсия окончена.

**ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ —
К АДМИРАЛТЕЙСТВУ**

Время Петра I

Темы для рассказов

1. *На пути к Адмиралтейству.*
2. *Веротерпимый Петербург.*
3. *Дома В. Долгорукова и Ж. Леблона.
Дворец Строганова.*
4. *Дом К. Крюйса. Дворец Елизаветы.*
5. *Подворье Александро-Невского монастыря.*
6. *Гласис и Адмиралтейская крепость.*
7. *Адмиралтейство — центр кораблестроения России.*
8. *Адмиралтейство — выдающийся памятник архитектуры.*
9. *Новая Голландия. Канатный и Галерный адмиралтейские дворы.*
10. *Исаакиевский собор — достойный памятник Петру Первому.*
11. *Медный всадник — произведение национального и мирового значения.*

На пути к Адмиралтейству

Наименование объекта. Площадь у Казанского собора.

Маршрут следования к объекту. От станции метро «Канал Грибоедова» перейти Невский проспект и подойти к Казанскому собору.

Остановка на маршруте. Рассказ вести на мосту Екатерининского канала.

Элементы показа. Обратить внимание на общий вид Невского проспекта и здание Казанского собора.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукции гравюр Г. А. Качалова и В. А. Васильева по рисунку М. И. Махаева «...Невская перспектива...» за 1753 год, вид иконы Казанской Богоматери.

Санкт-Петербург — город, который, начиная с XVIII века, отразил в себе все перемены политической и экономической жизни России.

Эта великая история города и страны запечатлена в названиях, первоосновах мест, очертаниях пространств, архитектурных деталях, она одухотворена именами петербуржцев.

Невский проспект с основания Петербурга являлся главной дорогой в буквальном и переносном смысле, создававшей условия к процветанию столицы.

Она вела к Адмиралтейству — центру развития кораблестроения в России.

На Невском проспекте от Фонтанки до Адмиралтейства изначально всё было подчинено развитию морского дела.

Здесь формировались условия для укрепления материальной и духовной жизни петербуржцев и красоты самого Петербурга.

Перед нами Екатерининский канал. Сегодня он представляется нам в виде высоких монолитных гранитных берегов, которые украшают мосты, лестничные спуски и чугунные ограды, соединяющие тумбы сложного профиля.

По берегам канала за 300 лет возведены удивительные по красоте постройки, неповторимое творение ума и человеческих рук.

Здесь на пересечении канала и современного Невского проспекта раскинулась Казанская площадь, одна из самых широких и красивых площадей Санкт-Петербурга.

Примечательна здесь сама форма территории площади. Если взглянуть на неё с высоты птичьего полёта, то перед нами предстанет очертание огромного колокола, упавшего своей самой широкой частью к линии Невского проспекта.

Причиной всему этому явилось построенное здесь в начале XIX века уникальное здание Казанского собора, мощная колоннада которого вобрала в себя окружающее пространство Невского проспекта.

К рассказу о Казанском соборе мы ещё вернёмся, а пока заглянем в далёкое историческое прошлое этого места и попробуем представить себе этапы его развития.

Известно, что в начале XVIII века здесь было обширное и топкое болото, которое простиралось от линии нынешнего Невского проспекта до реки Невы.

Из этого болота вытекали две речки с названиями Кривуша и Глухой проток, которые вблизи нынеш-

ней Казанской площади сливались в одну Глухую речку и несли свои воды в устье Безымянного Ерика, нынешней реки Фонтанки.

Вслушайтесь в эти названия — Кривуша, Глухая, Безымянный. Они говорят нам о том, что места эти были плохо обследованы, хотя на географические карты они кем-то уже были занесены, откуда мы и знаем об их названиях.

Через это болото пролегла дорога от старинного Новгородского тракта, шедшего примерно по линии нынешнего Лиговского проспекта к истокам Невы, а затем к Адмиралтейству, новой невиданной тогда в этих краях великой стройке.

Была прорублена среди лесов и болот и прямая просека, по которой пошли обозы в сторону нового города.

Нынешний Невский проспект ещё в петровское время стали называть Большой «перспективой», от латинского слова «perspicio», означаемого «ясно вижу», подчёркивая тем самым прямизну и широту новоустроенной дороги. Отсюда происходит и слово «проспект».

Вся болотистая земля вокруг Невской перспективы Петром I насильно была роздана своему ближайшему окружению в целях её быстрее освоения.

Так, земли в сторону Невы стали принадлежать супруге царя Екатерине Алексеевне, а одна из крупнейших и наиболее представительных усадеб принадлежала первому генерал-адмиралу России Ф. М. Апраксину.

Она располагалась с южной стороны от Невской перспективы и непосредственно соприкасалась с территорией нынешней Казанской площади.

Большая перспектива в этой своей части проходила между этими усадьбами, и ей отводилась роль главной проезжей дороги.

Она же стала одновременно и главной парадной дорогой, предназначавшейся для въезда иностранцев в Петербург.

Камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, собравший богатейший материал о петровском Петербурге, в 1721 году по приезде в новую столицу России был удивлён обликом «Перспективной дороги».

Он писал в своём «Дневнике» следующее: «...мы въехали в длинную аллею, выложенную камнем и по справедливости названную проспектом, потому что конца её почти не видно. Несмотря на то, что деревья, посаженные по обеим сторонам в три или четыре ряда, ещё не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте, в которой её содержат, и делает чудесный вид...»

Территория нынешней Казанской площади стала заселяться людьми только с 1712 года, причём первыми жителями её были «переведенцы» из других мест России, которые и возводили новый город на Неве. Тогда это была окраина города и пришельцев размещали подалее от царского двора.

Здесь же, чтобы поддержать религиозное настроение и православные традиции, для них построили первую деревянную церковь в виде сруба, украшенного высокой колокольней.

Для «переведенцев» за казённый счёт возводились небольшие деревянные дома, как правило, на две семьи.

Но эти дома были недолговечны, быстро ветшали и часто горели.

Это обстоятельство позже побудило Главную полицмейстерскую канцелярию «пожарного страха ради» распорядиться о переносе отсюда в более отдалённые районы города «ветхих домов на тесных дворах», «кузниц и свечных лавок», стоявших здесь.

На освобождённых местах предписывалось с 1737 года строить между реками Мойкой и Глухой дома на подвалах.

Застройкой таких домов руководил Михаил Земцов, который был архитектором Главной полицмейстерской канцелярии, располагавшейся здесь же у моста на Невской перспективе.

По его образцовым проектам и сооружались жилые дома вблизи церкви.

Они возводились одноэтажными на высоком полу-подвале, фасады которых украшались фигурными наличниками, аттиками или фронтонами.

Ставились они обычно с разрывами по красным линиям улиц, хозяйственные строения которых размещались невидимо во дворах.

Среди таких невысоких домов особенно эффектно выделялась Рождественская церковь с её стройной высокой колокольней.

В 30-е годы XVIII века по указу императрицы Анны Иоанновны и по проекту архитектора М. Земцова на этом месте соорудили каменную церковь Рождества Богородицы.

Церковь строилась почти четыре года и её освящение во имя Богородицы состоялось 13 июля 1737 года.

Основным строительным прототипом церкви послужил Петропавловский собор с колокольней, возведённый по проектам первого архитектора Петербурга Доменико Трезини.

В их архитектуре было много схожего, хотя по размерам она значительно уступала Петропавловскому собору. Одинаковы были прежде всего композиционные схемы построения сооружений. На Казанской площади была возведена многоярусная колокольня высотой 58 метров, высота же колокольни Петропавловского собора составляла 122,5 метра.

Продольные фасады Рождественской церкви членились в спокойном ритме пилястрами, балюстрадами и обрамленными фигурными наличниками с высоко поднятыми сандриками, карнизами от дождя.

Завершал церковь огромный деревянный купол. Все эти черты характерны были для архитектуры петровского барокко.

Высокий шпиль Рождественской церкви на Невском проспекте перекликался с золочёными шпилями Адмиралтейства и колокольней Петропавловского собора.

Увидеть очертания Рождественской церкви нам поможет репродукция гравюры Я. В. Васильева по рисунку художника М. И. Махаева «Вид Невского проспекта от реки Фонтанки в середине XVIII века». На гравюре хорошо просматривается проспект, обсаженный двойными рядами берёзок. Видно, что через небольшие канавки перекинута мостики с деревянными перилами, а проезжая часть выложена булыжником, по которому свободно безо всяких правил движутся экипажи, ходят петербуржцы в старинного покроя одеждах.

Городская застройка представляла собой небольшие одно и двух этажные здания с фигурными наличниками, построенные по своеобразным образцовым проектам «Комиссии о Санкт-Петербургском строе-

*Гравюра Г. А. Качалова и В. А. Васильева
по рисунку М. И. Махаева «Вид Невского проспекта
от реки Фонтанки в середине XVIII века».
Фрагмент. 1753*

нии», учреждённой в июле 1737 года для разработки проектов преобразования и благоустройства города.

По определению «Комиссии» центром города становился Адмиралтейский остров, где намечалось сооружение каменных дворцов петербургской знати.

Вокруг острова отводились места для строительства обывательских домов по образцовым проектам, примерно таких, какие мы видим на гравюре.

Внешний облик изображённых на гравюре зданий полностью совпадает с сохранившимися проектами домов, предполагавшимися для застройки большей части Невского проспекта.

Вскоре Рождественскую церковь стали называть Казанской, она постепенно стала приобретать роль придворного главного соборного храма столицы, потому что в неё была помещена «нерукотворная» икона Казанской Богоматери. Икона придала собору особую значимость.

История этой иконы загадочна от самого начала её появления и до настоящего времени. Поэтому несколько слов о ней.

Религиозная православная литература утверждает, что вскоре после завоевания Казани Иваном Грозным в 1579 году, икона «явилась» дочери одного из стрельцов царя, Матрёне. На месте «явления» иконы вскоре был основан женский монастырь, в который и передали поначалу явленную икону.

В 1612 году с этой иконой предводители народного ополчения К. Минин и Д. Пожарский изгоняли поляков из России, пытавшихся поработить русский народ.

Впоследствии Казанская икона была объявлена семейной реликвией царской династии Романовых.

Икона Казанской Богоматери

В Петербург её привёз Пётр I, а Анна Иоанновна сумела удачно распорядиться и определить икону как знаковую реликвию во вновь построенное самое большое после Петропавловского собора культовое православное сооружение, тем самым символизируя значимость иконы для дома Романовых и всего Петербурга.

Постепенно вокруг собора менялись и границы площади, появились даже новые улицы.

К началу 1730-х годов с запада от собора Невскую перспективу уже пересекала одноимённая с церковью Рождественская улица.

Параллельно ей пролегалла другая Большая Конюшенная улица, по которой выезжали из царских конюшен запряженные в золочёные кареты лошади.

Во второй половине XVIII века Рождественская улица была уже разделена на две части — до и после пересечения Невского проспекта.

Названия их тоже поменялись. Первую часть улицы от царских конюшен до Невского проспекта называли Малой Конюшенной, так как она была усечена построенным новым зданием конюшен.

Вторая часть стала Большой Мещанской, по появившейся к середине XVIII века здесь Мещанской слободе.

Так время меняло очертания петербургского пространства и умножало сословные признаки петербуржцев.

Невская перспектива вместе с вновь появившимися улицами наметила новые линии для строительства будущих новых улиц и домов на них.

Жизнь в Петербурге неумолимо двигалась вперёд и меняла очертание пространств и городских сооружений.

И вот уже не стало Рождественской церкви, разобранной после того, как в 1801–1811 годах был воздвигнут новый грандиозный Казанский собор, тот, который предстаёт перед нами и сейчас.

Это величественное здание, непохожее ни на один из православных соборов в России, возводился по проекту и под непосредственным руководством русского архитектора Андрея Никифоровича Воронихина.

Здесь всё сделано руками и умом русских мастеров, а стройка велась с большим размахом.

Для закладки фундамента был вырыт котлован на глубину восемь с половиной метра, из которого выбрано 32 500 кубометров грунта. Этим грунтом засыпали весь ров, проходивший тогда вдоль южной стены здания Адмиралтейства. Под фундамент было забито свыше 18 000 свай длиной от 6 до 13 метров.

Стены возводили из кирпича, но облицовывались пудостским камнем, ценным строительным материалом, обнаруженным недалеко от Петербурга у деревни Пудость, что в десяти километрах от Гатчины.

Из пудостского камня, которого привезли на Невский проспект тогда около 12 000 кубометров, вырезали все украшения: барельефы, орнаменты, пилястры и колонны.

Для возведения самих колонн и устройства пола под колоннады использовали гранит, привезённый сюда из Выборгских каменоломен.

Его доставляли в Петербург по воде на баржах и выгружали вначале на берегах Невы у Адмиралтейства, а потом с помощью катков везли на Большую Конюшенную улицу, где в построенном большом сарае он подвергался обработке, превращаясь в каменные блоки или колонны.

Для облицовки цоколя и ступеней колоннады использовался сердобольский гранит, а для оформления балюстрад, расположенных наверху наружной колоннады, — рижский известняк.

Помимо этого сюда привозили множество других строительных материалов.

Во внутренних помещениях из красного гранита было установлено 56 монолитных колонн и 12 полуколонн.

Из различных мраморов, серого тивдийского, розового рускольского, чёрного шунгита и шокшинского кварцита, было высечено, отполировано и уложено несколько тысяч пластин геометрической формы.

Отобранные по цвету различные камни в виде мозаик использовались для художественного оформления пола в соборе.

Здесь также изготавливались и устанавливались около 100 сюжетных орнаментальных барельефов из пудостского камня и гипса, а также несколько монументальных бронзовых статуй и десятки икон.

Хочется обратить внимание на наружную колоннаду, которая так украшает сегодня Невский проспект.

Она состоит из 94 колонн высотой 14 метров каждая, выполненных из местного пудостского камня.

Всего же и внутри, и снаружи здание Казанского собора украшают 182 колонны и 12 полуколонн.

Если верить крылатой фразе, что архитектура — это застывшая музыка, то можно сказать, что Воронихин создал грандиозную симфонию, где соединились архитектура и скульптура, где слились мысли и чувства, волновавшие русских людей в условиях патриотического подъёма в канун Отечественной войны 1812 года.

Казанскому собору стала отводиться роль «общенациональной святыни», способствующей благоденствию царственного дома.

Храмом искусства называли собор, потому что это действительно памятник высокой художественной культуры.

Под сводами собора похоронен великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов.

Казанский собор — это величественный архитектурный памятник, в торжественном облике которого нашли своё выражение героический пафос, триумф побед, идеи патриотизма и гуманизма.

Так идеи Петра Первого превращались в художественные образы и легенды.

Веротерпимый Петербург

Наименование объекта. Лютеранская церковь святых Петра и Павла.

Маршрут следования. Перейти через Невский проспект у Дома книги и подойти к церкви святых Петра и Павла.

Остановка на маршруте. За оградой перед лютеранской церковью у дома № 22/24.

Элементы показа. Обратит внимание на современный вид ограды, отделяющей Невский проспект и церковь, на архитектуру церкви, рядом возвышающиеся дома и здание школы «Петершале».

Из «Портфеля экскурсовода» показать вид первой церкви, построенной на этом месте.

С структура столичного центра в Петербурге до XIX века складывалась с нарушением канонов, существовавших до царя Петра в России.

Ранее русские города формировались вокруг единого центра, как правило, кремля.

Северная столица развивалась по-другому, здесь отсутствовал единый центр, откуда исходила сила власти.

Пётр Первый задумал некую иную систему, где каждый уголок старого Петербурга напоминал петербуржцам о присутствии царя и императора.

Он как бы двигал свои реформы, будучи монархом и генералом, адмиралом и христианином.

Во благо развития города весь Санкт-Петербург вбирал в себя силу царского двора, корабельной бое-

вой славы, красоты города, а также силу единения различных по вероисповеданию церквей.

И всё это было под неотвратимым оком самого царя Петра.

Одна из идей Петра о веротерпимости Петербурга, способствовавшей становлению города, особенно ярко проявилась на Невском проспекте.

Важной основой в рождении и развитии Санкт-Петербурга явилось участие иностранных специалистов, приглашаемых Петром в Россию.

Стремление русских властей к сближению России с Западом, желание ввести страну в европейское сообщество неизбежно вело к установлению новых взаимоотношений и в религии.

Новое петровское время обостряло и сближало позиции христианской православной, утвердившейся в России, и христианских католической и лютеранской, утвердившихся на Западе, церквей.

Пётр, бывая в странах Европы, с интересом знакомился с религией западных церквей.

Русский человек начала XVIII века придерживался традиционно православных традиций.

Европейцы в начале XVIII века обычаи и обряды православного культа не понимали и воспринимали их как проявление «невежества» и «варварства».

Поэтому сближение двух церквей происходило на основе тех задач, которые Пётр I ставил перед новой, просвещённой, менявшейся на европейский лад Россией. Для этой цели царь избрал стартовой площадкой не всю Россию сразу, а новый, строящийся Петербург.

При строительстве новой столицы и одновременно центра международной морской торговли России он решил создать в городе благоприятную среду для

отправления всех иноверческих культов иностранными моряками, купцами, военными и специалистами других профессий.

Царь Пётр, объезжая европейские города, видел для себя в качестве образца такой политики столицу Голландии Амстердам, где все религии были свободны и играли объединяющую роль в самосознания нации. Ему понравилось миролюбие города, в котором жили люди разных вероисповеданий.

Этот вопрос русский царь обсуждал с одним из голландских правителей, который разъяснил Петру, что его государство «не интересуется, чему верят иностранные жители, главное, чтобы они не переступали законов земли, в которой они живут».

Миролюбие различных церквей Пётр утверждал и в Петербурге.

В 1702 году был издан Манифест о вызове иностранцев в Россию. В нём гарантировалась веротерпимость для приглашённых на русскую службу иностранных мастеровых людей и вводились правила общения с иностранцами.

Это была возможность православным в России беспрепятственно познакомиться с религиозным культом западных христиан и наоборот.

Надо учесть, что в допетровской России иноверцы не допускались в православные храмы.

Поэтому Пётр хотел разрешить эту проблему своеобразно: разместил храмы рядом друг с другом.

Сначала в центре Петропавловской крепости, наряду с православным храмом, действовала кирха святой Анны. Затем в Немецкой слободе на Адмиралтейском острове появились «несколько протестантских и один католический дом».

И вот уже в петербургском свете возник круг «западников», среди которых наметилась переоценка многих черт православной набожности, постепенно менялось отношение к почитанию икон, святых мощей, соблюдению постов, идеалу монашеской жизни.

Дело дошло до того, что с согласия Петра I в Петербурге по протестантскому образцу прошли реформы церковного управления, была создана Духовная коллегия и высшее духовное учреждение, называемое Синодом. Это нужно было Петру I для усиления новых политических взаимоотношений государства и церкви, царя и церковной иерархии.

Новая «политическая» столица без признаков «невежеств» традиционной религиозности теперь представляла Россию страной, входящей в систему общенациональных европейских государств.

Такая идеология повлекла за собой и строительство новых больших иноверческих храмов.

Первым монументальным сооружением вблизи Казанской площади стала немецкая лютеранская церковь святого Петра, возведённая почти напротив стоявшей здесь деревянной православной церкви.

Ранее, начиная с 1708 года, немцы вместе с другими иноверцами молились в маленькой церкви, стоявшей во дворе дома адмирала К. Крюйса в Греческой слободе. Но в 1724 году они решили возвести свою собственную кирху, так как после заключения Ништадтского мира со шведами число прихожан в связи с переездом купцов и ремесленников из Москвы и Архангельска сильно увеличилось.

Тогда для новой лютеранской церкви отвели необходимый участок земли на «перспективе», напротив Рождественской церкви.

Кирха была заложена в Петров день 29 июня 1728 года губернатором Петербурга фельдмаршалом Х. Минихом, который был и автором проекта.

Увенчанная башней она была оформлена внутри пилястрами с золочёными капителями и украшена в алтаре картиной «Явление Христа ученикам» кисти Г. Гольбейна, подаренной придворным живописцем Г. Х. Гротом.

До Петра русские православные в России хотя и почитали святого Петра как одного из двенадцати апостолов Христа, но его именем соборы и церкви не назывались. А в Петербурге название и города, и собора в Петропавловской крепости были освящены его именем.

Надо сказать, что святой Пётр на Западе традиционно воспринимался как основатель римской католической церкви, ведь и мощи его находятся в Риме.

Для русского православного восприятия он был скорее символом чуждой католической веры, поэтому было органичнее, когда этот образ в Петербурге освящал лютеранский храм.

При участии первого архитектора Петербурга тоже лютеранина Доменико Трезини кирха была построена в 1730 году. Она стала доминировать над другими зданиями на Невском проспекте и казалась очень большой по сравнению с Рождественской православной церковью. Над фасадом, обращенным к «перспективе», возвысилась трёхъярусная башня и колокольня с куполом, фонариком и позднее пристроенным шпилем. Некоторое время шпиль лютеранской церкви торжественно перекликался со шпилем Адмиралтейства, тем самым подчёркивая роль иностранцев и лютеранской веры в Петербурге.

*Старая (несохранившаяся) и новая лютеранские церкви
на Невском проспекте*

Кирха была освящена 14 апреля 1730 года в день Аугсбургского исповедания, то есть в день изложения основ лютеранства, составленного в 1530 году Ф. Меланхтоном, и признание в 1555 году лютеранства официальным вероисповеданием.

Более 100 лет кирха служила лютеранам, однако в 30-х годах XIX века кирха сильно обветшала, и лютеранская община Петербурга поручила нескольким архитекторам проектирование нового здания.

Лучшим оказался проект архитектора А. П. Брюллова, который сохранил пространственную планировку всех зданий, расположив кирху в глубине Невского проспекта. Архитектура кирхи была решена в условном романском стиле с двумя прямоугольными башнями и с лоджией-аркадой.

Новое здание было заложено 31 августа 1833 года и через пять лет освящено в тот же день. Через три года в нём был установлен орган известной фирмы «Валкер» из немецкого города Людвигсбурга.

Две мраморные статуи на портале по модели скульптора Торвальдсена изваял П. Трискорни, четыре горельефа с изображениями евангелистов выполнил художник П. Жако, а «Большое Распятие» над алтарём написал брат архитектора художник Карл Брюллов.

Позже в 1866 году были созданы художником С. Кальнеролли и витражи.

Трёхнефный храм был очень просторным, вмещал в себя до 3000 человек и отличался хорошей акустикой.

Эту постройку на Невском проспекте мы видим и сейчас.

Позади лютеранской кирхи была построена и школа, где учились дети лютеран.

История этой школы уходит к 1710 году, когда она впервые была основана адмиралом К. Крюсом и располагалась в доме при лютеранской церкви на Греческой улице.

В 1760-е годы возвели новое каменное школьное здание в два этажа по проекту архитектора М. Л. Гофмана, часть которого дошла до настоящего времени.

Это нынешняя школа № 222, которую ещё называют «Петершуле» или «Школа Петра».

Старейшая школа Петербурга за свою историю воспитала много выдающихся людей своего времени.

В ней учились великий зодчий Карл Росси, великий композитор Модест Мусоргский, а также многие архитекторы, писатели, общественные деятели.

На северной стороне от Невской перспективы между реками Кривуша и Мойка позже были выделены земли для строительства многих других иноверческих протестантских церквей.

Так, на Малой Конюшенной улице возникла шведская церковь святой Екатерины, на Большой Конюшенной появилась французская реформаторская святого Павла и финская лютеранская святой Марии церкви.

Возле церквей образовывались общины иностранцев, которые поддерживали их многовековые традиции в Санкт-Петербурге.

Дома В. Долгорукова и Ж. Леблona. Дворец Строганова

Наименование объекта. Зелёный мост, дома Леблona, Долгорукова. Дворец Строганова.

Маршрут следования к объекту. Пройти по чётной стороне проспекта до Зелёного моста через реку Мойку.

Остановки на маршруте. Первая остановка на набережной реки Мойки у дома № 42. Вторая остановка у Зелёного моста.

Элементы показа. Показать современный вид Зелёного моста, его одноарочное пролётное строение, современные дома № 42 по набережной реки Мойки и № 17 по Невскому проспекту.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукции гравюры с видом Триумфальной арки у Зелёного моста, с изображением первых построенных домов по углам Зелёного моста: дома Леблona, стоявшего на месте дома № 42 по набережной реки Мойки, и Строгановского дворца № 17 по Невскому проспекту.

Дома В. Долгорукова и Ж. Леблona

Река Мойка до 1709 года являлась крайней городской чертой, где при строительстве Невской перспективы был построен один из первых мостов Петербурга.

Вот что писал о нём первый историк Петербурга А. И. Богданов в середине XVIII века: «Мост на Невской перспективе через реку Мойку близ Триумфальных ворот называется Зелёный для того, что онный выкрашен был спервоначально зелёной краскою».

Это был деревянный подъёмный мост, введённый в действие в 1717 году.

Здесь вдоль главной дороги расположили Морской рынок, занимавший большую площадь, включая часть нынешней Дворцовой площади, а также Большую и Малую Морские улицы.

На этих линиях впоследствии образованных улиц расположили Морские слободы, на территории которых жили рабочие Адмиралтейской верфи.

Здесь же в 1719–1720-х годах архитектор Г. И. Маттарнови строит здание Гостиного двора, где сосредоточилась торговля как продовольственными, так и промышленными товарам.

Почти шестнадцать лет стоял он здесь на пересечении реки Мойки и Невской перспективы и служил центром внутренней торговли всего Адмиралтейского острова.

В самом начале строительства Петербурга река Мойка была престижнее дороги, ставшей позже Невским проспектом. Ведь тогда основным видом транспорта для обычных петербуржцев были лодки, поэтому все дома свои лицевые фасады обращали на реку.

По углам Зелёного моста расположились дома известных людей петровского времени. Хотя место было и отдалено от царских дворцов, однако, казалось выгодным по своему месторасположению.

На месте современных домов № 40 и 42 по реке Мойке в петровское время стояли дома сподвижника Петра I князя Василия Владимировича Долгорукова и француза архитектора Леблона.

Двухэтажный с мансардою дом Долгорукова располагался на месте нынешнего дома № 40.

За участие в заговоре по делу сына царя Петра царевича Алексея Петровича в 1718 году князь В. В. Долгорукий был лишён всех чинов и званий и сослан в отдалённую казанскую деревню. Его дом на Мойке отошёл в казну и в 1720 году был передан генерал-полицмейстерской канцелярии.

В 1730-х годах архитектор М. Земцов его перестроил, а в середине XVIII века над его центральной частью возвели башню. Дом стал называться «Дом главной полиции», а Зелёный мост — «Полицейским», отчего это место содержалось в особом порядке.

Полицмейстерскую канцелярию, созданную ещё в 1718 году Петром I, во главе с генерал-полицмейстером разместили в этом доме и наделили обширными полномочиями.

Она фактически могла вмешиваться во все сферы городской жизни, что соответствовало представлениям царя о роли полиции в жизни жителей Петербурга.

В регламенте Главного магистрата за 1721 год было записано, что «...полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства».

Этот регламент возложил на полицию наблюдение за нравственностью граждан, которая должна была помогать нищим, бедным и больным, защищать «вдовиц, сирых и чужестранных», воспитывать по заповедям Божиим «юных в целомудренной чистоте и честных науках».

Жители столицы стали свидетелями очень важного события, введённого впервые в России под наблюдением полицмейстерской канцелярии: на петербургских улицах появилось ночное освещение.

Указ «При Санкт-Петербурге ночные фонари по улицам учредить» относится к 1721 году.

Идея освещения Петербурга была разработана в 1718 году архитектором Леблоном, им же составлен и проект первого петербургского фонаря, а первое ночное освещение появилось у Зимнего дворца Петра I и у Адмиралтейства.

Если в 1721 году был изготовлен только 141 фонарь, то к концу жизни Петра I их со столбами было уже установлено в Петербурге 595.

Тогда это было дорогим удовольствием.

Казна тратила на освещение более 37 рублей на один фонарь, эти расходы перекладывались на жителей освещённых территорий, с которых брался налог на содержание квадратной освещённой сажени.

На Васильевском и Адмиралтейском островах налог был самой дорогой, по 1 копейке за сажень освещённой территории.

Какие только жизненно важные для города вопросы не регулировались тогда Полицмейстерской канцелярией. Поэтому не случайно мост и дом ещё долгое время назывались «Полицейскими».

Но обратим свой взор на соседний участок, который был закреплён за известным парижским архитектором Жаном Леблоном, прибывшим в Петербург 5 августа 1716 года вместе с женой, сыном и прислугой по приглашению царя Петра. На участке, где ныне стоит дом № 42 по набережной реки Мойки, он построил себе новый П-образный полутораэтажный дом, украшенный пилястрами и лепкой.

Запоздавшие прохожие могли видеть, как допоздна светились два крайних окна, где находилась комната архитектора.

Дом Ж. Леблона

Список работ, одновременно исполняемых Леблонем, в то время был огромным. Он разрабатывал проекты парка и дворца, которые хотел возвести в Петергофе, Стрельнинский дворец на Финском заливе, постройки в Летнем саду, дворец генерал-адмирала Апраксина и многое другое. Архитектор был человеком честным и требовательным к себе и другим и часто опережал время в своих новых проектах.

В 1716 году царь Пётр I поручил ему составить проект застройки новой столицы, который он считал главным делом своей жизни. Талантливый француз завершил эту работу в январе 1717 года и отослал её на утверждение царю.

Создавая свой Петербург, архитектор мечтал о создании идеального города, где красота, удобство и польза должны были бы соединиться воедино.

Пётр в это время находился за границей, в Европе. Шло время, и многие с нетерпением ожидали, что скажет царь, увидев план Леблона.

Ответ из Голландии был неутешительным.

Надо было почувствовать состояние Леблона, для которого непосильная работа на благо Петербурга обернулась крушением его надежд.

Тяжелое душевное состояние, суровый климат, усердная работа подорвали его здоровье и в феврале 1719 года Жан Батист Леблон неожиданно умирает в своём доме на Мойке в возрасте 40 лет.

Похоронен он был скромно на иноверческом кладбище у Самсоньевского собора на Выборгской стороне.

Несколько слов о судьбе этого дома.

В 1733 году он был приобретён лютеранами — выходцами из Голландии, которые приспособили его для своей церкви.

Дом горел, его вновь восстанавливали, и в 1797 году архитектор И. Кребер предложил выстроить здесь и на другом купленном участке с выходом на Невский проспект голландский величественный храм, который и был возведён, но уже по проекту французского архитектора Пауля Жако в 1834 году.

Обратимся к гравюре Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева «Проспект Невской перспективной дороги от Адмиралтейских триумфальных ворот к востоку», где перед Зелёным мостом видны сооружённые в 1730 году Триумфальные ворота по случаю возвращения в Санкт-Петербург императорского двора Анны Иоанновны.

Этому предшествовали следующие события.

В 1727 году под влиянием противников петровских преобразований царский двор покинул северную столицу и обосновался вновь в Москве.

На короткий период эти места опустели, меньше стало переселенцев, адмиралтейских рабочих, иностранных мастеровых и купцов.

*Гравюра Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева
«Проспект Невской перспективной дороги
от Адмиралтейских триумфальных ворот к востоку»*

Ветшали деревянные дома, оставленные владельцами.

Однако уже в 1730 году правительство новой императрицы Анны, желая продемонстрировать приверженность политике Петра I, приняло решение вернуться на берега Невы.

В Петербурге генерал-губернатор Х. Миних стал готовиться к встрече царского двора. Город привели в порядок, похорошела Невская перспектива, на которой по случаю приезда императрицы через Мойку возвели Триумфальные ворота, которые были украшены колоннами, золочёной резьбой, скульптурой. Наверху устроили галереи для почётных гостей и музыкантов.

И вот в январе 1732 года вдоль Большой перспективы выстроились гвардейские полки.

Под звон колоколов, пушечную стрельбу, звуки литавр и труб вслед за почётным эскортом через Триумфальные ворота проследовали кареты с членами императорской фамилии, придворных особ и ино-

странными представителями во главе с императрицей Анной.

На гравюре Г. Качалова также виден за мостом слева одноэтажный почти безо всяких украшений дом архитектора Ж. Леблона, построенный в 1717 году.

Рядом с ним двухэтажное с высокой мансардной крышей здание, принадлежавшее в начале XVIII века В. Долгорукову, а в 1720 году переданное Главной полицмейстерской канцелярии. Выходивший на Мойку фасад дома, перестроенный в середине 1730-х годов М. И. Земцовым, говорит о появлении новых архитектурных форм, более нарядных и богатых.

За зданием полиции виднеется высокая башня лютеранской кирхи Петра и Павла, сооружённой в 1727–1730 годах. Характерна общая панорама города, оживлённая куполами и шпилями многочисленных колоколен и церквей.

В связи с возвращением в Петербург правительства России ускорилось и строительство домов на Невской перспективе.

В 1737 году «Комиссия о Санкт-Петербургском строении» предписала официально именовать дорогу Невской перспективою. С 1780 года в «Петербургских ведомостях» и других официальных документах появилось название «Невский проспект», которое с конца XVIII века закрепилось навсегда.

Строгановский дворец

Перед нами одна из самых красивых и знаменитых построек Санкт-Петербурга — Строгановский дворец.

История места, где ныне стоит здание, восходит к петровским временам.

Тогда на берегу реки Мойки самая богатая усадьба была у генерала-адмирала Фёдора Матвеевича Апраксина.

Адмиральский дом стоял на месте современного дома № 48, принадлежащего ныне Государственному педагогическому университету имени А. И. Герцена.

Он был окружён обширным садом, в котором были расставлены закупленные в Италии мраморные скульптуры.

Позже эти «бусты» перевезли по указанию императрицы Елизаветы для украшения Екатерининского сада в Царском селе.

В 1728 году дом Апраксина после его смерти перешёл к его племяннику, продавший его вельможе императрицы Анны Иоанновны К. Г. Левенвольду, для которого в 1730 году архитектор Б. Ф. Растрелли рядом построил и деревянный дворец.

Здание, которое можно увидеть сейчас на этом месте, было построено позже архитекторами А. Ф. Кокориновым и Ж. Б. Валет-Деламотом для Кирилла Разумовского, бывшего во времена Екатерины II гетманом Украины и президентом Петербургской Академии Наук.

Рядом с дворцом на перспективе в петровское время, по всей видимости, стояли деревянные дома адмиралтейских рабочих, изображение которых не сохранилось.

Известно, что в 30-е годы XVIII столетия в адмиралтейской слободе произошли большие пожары.

Царский указ повелел после этого строить здесь только дома каменные.

*Вид первого дома барона Строганова на Невском проспекте.
Фрагмент рисунка М.И.Махаева. 1748*

20 апреля 1738 года южнее Зелёного моста был заложен дом высотой в два этажа с двадцатью пятью окнами вдоль Невской перспективы и семью по набережной Мойки для портного мастера Иоганна Неймана.

Вид этого дома сохранился и запечатлён на гравюре художника Г. Качалова по рисунку М. И. Махаева за 1748 год.

Но недолго хозяйничал в нём портной Нейман, так как вскоре дом с участком был выкуплен братьями Строгановыми, богатейшими и прославленными купцами России.

Тогда в Петербург по указам царя съезжались все самые богатые люди России. Богатство и слава Строгановых накапливалось веками, и Пётр Первый не знать об этом, конечно, не мог.

Эта династия прославилась ещё при Дмитрие Донском, когда Никита Строганов, будучи правителем Пскова, и его братья, вместе с московскими князьями выступили против новгородцев, за что были награждены наделами земли.

С тех пор связи Строгановых с московскими князьями только усиливались.

Так, правнук Никиты Лука Спиридонович, будучи богатым гражданином Великого Новгорода, помог в 1445 году великому Московскому князю Василию Тёмному за богатый выкуп освободиться из татарского плена.

Московские князья, по всей видимости, не забыли услуги Строганова и допустили его ко владению обширными землями в районе Урала.

С тех пор пошли богатеть и потомки Луки, которые за Уральским хребтом развили бурную деятельность. Благо, что их потомство было большое.

Сын Фёдор и его пятеро сыновей разработали в 1515 году на реке Вычегде соляные варницы, доставившие им хорошие капиталы.

Особенно преуспел Аника Фёдорович и его сыновья Яков, Григорий и Семён, которые завели посёлки ещё дальше, по рекам Чусовой и Сылве.

Семён Фёдорович в 1578 году был инициатором снаряжения казацкой дружины Ермака Тимофеевича против хана Кучума в целях присоединения Сибири к России.

Это сделало фамилию Строгановых бессмертной в истории государства Российского и новые обширные сибирские земли стали принадлежать им.

Сыну Семёна Петру выпала тоже выдающаяся роль в истории России.

В начале XVII века он за свой счёт снарядил дружину для похода на Москву с целью изгнания польских Лжедмитриев с российского престола.

За эту заслугу царь Михаил Фёдорович, дед Петра I, в своей грамоте пожаловал Строгановых титулом «Именитых людей» России, который давал им право судиться только царём.

В своих же вотчинах они были сами себе судьями.

Ко времени правления Петра Строгановы уже были необыкновенно богаты и «имениты».

Тогда были известны праправнуки Семёна Аникеевича Александр, Николай и Сергей Григорьевичи, которые помогали снабжать русскую армию оружием и продовольствием. Они даже построили для русского флота несколько судов с полным вооружением.

Пётр не мог не вызвать Строгановых в северную столицу и отвёл для них хорошее место на Стрелке Васильевского острова, где они построили для себя каменный дом.

Правда, Александр остался в Москве, а двое других братьев прибыли в Петербург.

Им по высочайшему имущественному положению предписывалось иметь несколько домов, поэтому 6 января 1741 года они получили высочайший указ строить второй дом «на Васильевском острове в третьей... линии, подле двора князей Трубецких».

После смерти Петра стало понятно, что Васильевский остров не стал центром Петербурга, императорская резиденция обосновалась на Адмиралтейском острове, куда потянулись царедворцы и фавориты.

Столь отдалённое место на Васильевском Строгановых тоже никак не могло устроить и они приискали

для себя «на погорелых местах по Невской першпективе на углу у реки Мьи» недостроенный каменный дом портного мастера Иоганна Неймана.

Предприимчивый портной имел на Невском два дома. Недостроенный дом, стоявший на месте нынешнего Строгановского дворца, он согласился продать.

15 сентября 1742 года документы на дом были оформлены на имя Сергея Строганова. В документе Сената приведены точные размеры дома, купленного у портного: «по Невской першпективе — 34 сажени, да в заворот по речке Мье — 10 сажен».

Дом Неймана, по всей видимости, был вариантом типового проекта домов, предназначенного для строительства по Невской першпективе.

Известно, что строился дом четыре года и к моменту его покупки он имел некоторые недоделки.

Сергей Строганов велел достроить его по «архитектуре» и содержать, как «указами велено».

Он стал единоличным его хозяином, хотя в сделках купли-продажи были обязаны участвовать все братья как единое юридическое лицо.

Чертежи и гравюры середины XVIII века донесли до нас облик первого Строгановского дома.

Он был высотой в два этажа, увенчанный высокой черепичной крышей. Фасады его были оштукатурены, а первый этаж был выделен рустовкой и украшен рельефными пилястрами и скромными наличниками окон.

От проезжей части Невского проспекта дом был изолирован забором с калиткой.

В марте 1753 года в доме с согласия С. Строганова поселился зодчий Франческо Растрелли, чтобы прямо здесь заняться проектированием нового дворца.

Это было необходимо, так как старый дом не соответствовал уже зарождавшейся новой моде в архитектуре. Тем более что совсем рядом через реку Мойку императрица Елизавета повелела возвести для себя деревянный Зимний временный дворец по проекту этого же модного тогда архитектора.

И ещё одно обстоятельство позволило ускорить процесс строительства: 1 ноября 1753 года в доме произошёл пожар.

Итак, здесь на Невском началась большая стройка.

Строительство дворца было подкреплено огромными доходами с уральских и сольвычегодских вотчин, а благодаря своему близкому расположению к императорскому двору были использованы также большие запасы строительных и отделочных материалов, рабочая сила, стянутая на строительство Зимнего императорского дворца. Здесь же использовались сотни собственных Строгановских крепостных, казённых строителей и мастеров-отделочников.

Днём и ночью в несколько смен при свете костров и тысяч сальных свечей трудились они под надзором опытейших десятников Канцелярии от строений.

Работы велись с таким расчётом, чтобы использовать все фундаменты и стены старого здания.

Такой скорости строительства зданий в России ещё не было, ведь возвели дворец всего за полтора месяца с 1 ноября по 15 декабря 1753 года, создав 50 жилых и парадных помещений.

На втором этаже были сосредоточены самые роскошные и богато убранные залы, которыми гордились владельцы дворца, там же были покои и самих Строгановых, располагавшиеся окнами на Невский проспект ближе к Казанскому собору.

Во дворце позже вершились государственные дела, устраивались балы для всего Петербурга. В нём проходили торжества и свадьбы, в частности состоялась свадьба баронессы М. Н. Строгановой и родственника императрицы графа М. К. Скавронского.

Часто там бывала и сама императрица Елизавета Петровна.

30 сентября 1756 года во дворце умирает граф Сергей Григорьевич Строганов, уступив место владельца дворца своему сыну графу Александру, в будущем одному из самых знаменитых его владельцев, который приехал из-за границы только в 1757 году, через год после смерти своего отца.

Но это уже другая история.

Дом К. Крюйса. Дворец Елизаветы

Наименование объектов. Дом Крюйса и дворец императрицы Елизаветы.

Маршрут следования к объекту. Пройти по чётной стороне проспекта через мост на противоположную сторону реки Мойки.

Остановки на маршруте. Рассказ о доме адмирала К. Крюйса вести на набережной реки Мойки, показывая современный фасад со стороны реки Мойки дома № 18 по Невскому проспекту. Рассказ об императорском дворце Елизаветы Петровны вести у Зелёного моста.

Элементы показа. Показать современные дома № 18 и 15, расположенные на Невском проспекте.

Дом К. Крюйса

Здесь с северо-западной стороны углового здания у Зелёного моста сохраняется память о самом знаменитом голландце Петербурга и России петровском адмирале Корнелии Крюйсе.

О нём до сих пор помнят первоосновы мест, где он жил и работал на благо России.

Мы стоим перед домом № 18 по набережной реки Мойки. Сегодня он ничем не напоминает те дома, которые изображены на гравюре Я. В. Васильева середины XVIII века. Один из них, возможно, тот самый старейший усадебный дом Корнелия Крюйса.

Здесь на заболоченном берегу реки Мойки возводилось много вельможных домов. Видимо, основной адмиральский дом возле Зимнего дворца Петра I тяготил его, отчего он потянулся к уединению на природе.

Известно, что дом был возведён в 1705 году, парадный фасад которого был обращён на реку Мойку.

Сохранились сведения о том, что архитектура дома была скромной, по углам он был двухэтажным с одноэтажной серединой.

О самом адмирале уже было рассказано в экскурсии «Вдоль палат и дворцов высших адмиралтейцев». Это был опытный моряк, сумевший отстоять вместе с другими флотоводцами воды Балтики от шведов в первые годы Северной войны.

В этой части вдоль по реке Мойки жили и другие голландцы, которых навещал Крюйс и заботился о них. Для них он был старшиной всех католических и реформаторских церквей.

Благодаря симпатии Петра к Голландии в Петербург тогда приехало много голландцев, в основном трудившихся корабельных дел мастерами, морскими офицерами и строителями и игравших видную роль в ранней истории Петербурга.

В середине XVIII века, после смерти адмирала, в доме Крюйса разместили Пажеский корпус, в котором обучали пажей-мальчиков, прислуживавших в царском доме.

После перевода пажей в Воронцовский дворец, дом перешёл во владения всё того же портного Неймана, сдававшего помещения внаём заезжим фокусникам, дрессировщикам экзотических зверей.

В 1812 году знаменитый архитектор В. П. Стасов капитально перестроил здание по вкусам того времени. Оно стало четырёхэтажным, где парадный фасад был уже повёрнут на Невский проспект, ставшим к тому времени главным украшением Санкт-Петербурга. Здание приобрело строгий классический вид с

восемью полуколоннами по центру и двумя четырёхколонными лоджиями по краям.

В этом доме в 1824 году поселился известный в XIX веке издатель Фаддей Булгарин, который держал на первом этаже книжную лавку. По традиции книжный магазин с названием «Старая книга» работает и сейчас.

Ближе к Мойке находилось кафе «С. Вольф и Т. Беранже», куда часто заходили писатели и поэты.

В этом в кафе 27 января 1837 года великий русский поэт А. С. Пушкин встретился со своим секундантом К. Данзасом для того, чтобы отправиться на Чёрную речку к месту дуэли с Дантесом.

Отсюда начался последний самостоятельный путь поэта к месту своей гибели.

Ныне о пушкинской трагедии напоминают интерьеры современного «Литературного кафе», мраморная стела, выполненная известным ленинградским скульптором М. К. Аникушиным.

На участке дома № 55 по набережной реки Мойки, рядом с домом Крюйса, жил в петровское время выдающийся живописец, один из первых создателей русского реалистического портрета Иван Никитин, выполнивший среди других картину «Пётр Великий на смертном одре».

Известно, что дом его был деревянным, возможно в нём он написал свои прекрасные портреты «Пётр I» и «Напольный гетман», хранящиеся ныне в Русском музее. Несмотря на свой талант, судьба его при императрице Анне Иоановне оказалась трагической.

Оба брата Никитины, Иван и Роман, в 1732 году были арестованы как покушавшиеся на трон и в 1737 году сосланы в Тобольск.

Современное здание (второй фасад его выходит на Большую Морскую, дом 10) построено в 1870-е годы архитектором Ф. Л. Миллером совместно с архитектором В. И. Шаубом.

Дворец императрицы Елизаветы

Обратим внимание и на дом № 15 по Невскому проспекту, расположенный на противоположной стороне проспекта. Этот дом возводился для генерал-полцимейстера Петербурга Н. И. Чечерина в 1768–1771 годах в стиле раннего классицизма.

Ещё ранее в 1755 году архитектор Ф. Растрелли здесь выстроил деревянный Зимний императорский дворец. Деревянный Зимний дворец был построен со сказочной быстротой, всего за 8 месяцев на «погорелом месте» и строился как зимняя царская резиденция лишь на то время, пока Франческо Растрелли возводил каменный Зимний дворец на берегу Невы.

Дворец не столько возвышался, сколько простирался в ширину.

Его главный фасад тянулся вдоль Невской перспективы, где центральная его часть была двухэтажной, с колоннами, украшенными в стиле барокко и напоминающая фасад со стороны реки Мойки Строгановского дворца. Вдоль Невской перспективы проходила длинная анфилада комнат.

Здесь были «роскошная тронная зала», служебные комнаты, дворцовая церковь.

Покои императрицы Елизаветы тянулись вдоль реки Мойки. Они завершались переходом в большой колонный театр в два яруса лож, богато украшенный позолоченным орнаментом. Все парадные апартамен-

Дворец императрицы Елизаветы

ты тоже сияли блеском и красотой. Императрица со всею высочайшей фамилией въехала во дворец 15 ноября 1755 года.

Образу жизни дочери Петра подчинялись не только придворные, но и обыкновенные горожане.

Засыпая, Елизавета любила слушать рассказы старушек. Под их рассказы и сказки кто-нибудь чесал ей пятки. Когда она спала, по Зеленому мосту запрещалось ездить экипажем, чтобы стук езды не будил её.

В начале 1760 года здоровье императрицы Елизаветы пошатнулось.

В конце жизни она редко ложилась спать до рассвета, зная, какие неожиданности готовила иногда властителям проведённая во сне ночь.

Порождённая переворотом, Елизавета видела себя окружённой заговорщиками.

Страх и ужас наводили на Елизавету и пожары. Она боялась, что пламя застигнет её врасплох, поэтому мечтала о своем каменном дворце, в который ей не суждено было переехать.

17 ноября у императрицы был первый острый приступ болезни. Оправившись от него и чувствуя себя немного лучше, она пожелала заняться делами: принимала министров, выслушивала их доклады, не вставая с постели.

12 декабря Елизавете стало опять плохо.

Пять дней спустя она издала свой последний Указ с повелением освободить большое число заключённых и изыскать средства, которые могли бы заменить налог на соль, очень разорительный для народа.

24 декабря 1761 года императрица Елизавета скончалась на 53 году жизни. С её смертью закончился ещё один период в судьбе Петербурга.

Здесь на Невском проспекте перед дворцом император Пётр III принимал присягу на верность гвардейцев, а во дворце, будучи великой княгиней, жила Екатерина Алексеевна, ставшая позже императрицей Екатериной II.

Дворец разрушили в 1771 году после того, как был построен на берегу реки Невы пятый по счёту Зимний императорский дворец.

Подворье Александро-Невского монастыря

Наименование объекта. Подворье Александро-Невского монастыря.

Маршрут следования к объекту. Пройти по чётной стороне проспекта до пересечения с Малой Морской улицей.

Остановки на маршруте. У дома № 1 по Малой Морской улице.

Элементы показа. Показать современные дома по нечётной стороне Малой Морской улице.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукции с видом Александро-Невского монастыря.

Самым крайним от Адмиралтейства сооружением на Невской перспективе было подворье Александро-Невского монастыря, выходявшее одновременно и на Адмиралтейский луг.

Появление здесь подворья относится к 1710 году, когда архимандрит Александро-Невского монастыря Феодосий обратился к Петру с письмом, в котором, в частности, говорилось: «...повелено мне приезжать в Санкт-Петербург для управления духовных дел, а под дворовые строения, где мне и при мне служащим жить, место не отведено». Действительно, добраться в то время от Александро-Невского монастыря по непроходимым болотам и лесам до Адмиралтейских верфей было нелегко.

Сегодня же мы можем быстро преодолеть расстояние в 4,5 километра от начала до конца Невского проспекта.

Александрo-Невский монастырь

Царь приказал отвести монастырю участок земли недалеко от Адмиралтейства.

Место для построек должностным лицам в то время отводили бесплатно, но в количестве, соответствующем по чину. Так, капитану полагалось земли «поперечнику» по 12, а «длиннику» по 20 сажен.

Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, заведовавший морскими постройками в Петербурге, 29 мая 1710 года распорядился отвести архимандриту капитанский участок в «новой линии от новой аустерии идучи из Морской слободы переулком по левую сторону к адмиралтейской крепости», то есть по нынешней Малой Морской улице.

В то время Феодосий был в зените внимания царя, который даже поручил ему венчание своей племянницы царевны Анны Ивановны с курляндским герцогом Фридрихом Вильгельмом, тем самым ещё более укрепив его положение среди вельмож.

По описи 10 июня 1725 года это подворье показано в виде мазанок и деревянного строения с внутрен-

ним двором, вымощенным камнем. Во дворе повсюду были устроены цветники, ограждённые решётками и окрашенные в зелёный цвет. Опись составлена при Екатерине I и в связи со ссылкой Феодосия и назначением нового архимандрита.

После 1725 года подворье содержалось «для приездов настоятельских к Синоду и постоя флотовых и прибывающих из разных епархий нуждopotребных монахов и монастырских служителей».

В июне же 1725 года поселили прибывшего в Петербург грузинского «принца» или «царя» Вахтанга Леоновича «со своей фамилией и свитой, в числе 50 человек солдат». При нём для услуг состояло 17 человек монастырской прислуги.

После его отъезда здесь разместили солдатский постой Полицмейстерской канцелярии в количестве 50 человек.

С 1731 года подворье предназначалось для присутствовавшего в святейшем Синоде архимандрита Горецкого Иллариона.

В это время там были «комнаты на шесть покоев на первом этаже с двумя сеньми и двумя поварнями, комнаты на семь покоев на втором этаже с тремя сеньми, на дворе было ещё две избы с сеньми, погреб, конюшня, баня, поварня».

В 1736 году в морских слободах случился пожар, от которого и Александро-Невское подворье сгорело «всё без остатку».

После пожара эти «капитанские» места были полностью перепланированы.

Новый план требовал делать улицы шире, а дворы больше. Причём, все места смешали в общее пространство. Желаящим стали раздавать места заново,

первоочерёдность их закреплялась за прежними владельцами домов.

Было приказано, чтобы на луг, перспективу и на Мойку деревянных домов больше не строить, строить только каменные палаты.

Далее мы пройдём под арку здания бывшего Главного штаба русских войск, построенного в начале XIX века, выйдем на Дворцовую площадь, где будет наша следующая остановка.

Гласис и Адмиралтейская крепость

Наименование объекта. Дворцовая площадь. Дома на месте бывшего гласиса.

Маршрут следования к объекту. Пройти через арку Главного штаба на Дворцовую площадь.

Остановки на маршруте. Рассказ о гласисе и крепости вести на площади.

Элементы показа. Показать линии площади и зданий Главного штаба.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукции по гравюрам XVIII века с видом Адмиралтейской крепости и незастроенного пространства вокруг.

Петербург с момента своего основания неразрывно связан с морем и флотом. Естественно, что одной из первых построек, возведённых в городе, была основанная в 1704 году Адмиралтейская верфь.

Учитывая реальную силу шведского вторжения, Пётр I решил сделать «адмиралтейский дом» не только верфью, но и военным укреплением, которое вместе с Петропавловской крепостью надёжно закрыла бы вход в Неву вражеским кораблям.

Поэтому 24 июня 1705 года первый губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Меншиков приказывает производителю работ при Адмиралтействе И. Я. Яковлеву: «...а ныне для прихода неприятеля велено сделать около Адмиралтейского двора палисад (ограду), вал земляной по чертежу...»

17 сентября 1705 года Яковлев уже докладывает Меншикову, что «крепость строением совсем совершилась и ворота подъёмные и шпиц и по бастионам по всем пушки поставлены и рогатками обнесены».

Адмиралтейство окружили высоким земляным валом с бастионами (выступами), а перед ним вырыли ров, заполнившийся водой.

Чтобы территория крепости хорошо просматривалась, её расчистили от леса на юг и восток, примерно до современной Малой Морской улицы, и на запад.

Военные строители называют такое открытое пространство перед крепостным рвом гласисом, необходимым для лучшей видимости противника.

Всего при Адмиралтействе было возведено пять бастионов: три с юга и два по бокам, на которые возлагалась оборона левого берега и фарватера реки Невы.

На гравюре «Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений» видно, как на большом участке перед валами раскинулась широкая открытая хорошо просматриваемая площадь. Здесь показаны здания Адмиралтейской верфи после 1727 года, когда по проекту выдающегося русского архитектора первой половины XVIII века И. К. Коробова все корпуса были перестроены в камне.

В 1715–1717 годах на месте неглубоких рвов, огибающих валы Адмиралтейства, был прорыт канал, просуществовавший до XIX века.

Интересно очень редкое изображение южного фасада четвёртого Зимнего дворца, выходившего на территорию, где ныне располагается Дворцовая площадь.

Левая часть дворца с церковью граничила тогда с Адмиралтейским каналом, а в здание Адмиралтей-

Гласис вокруг Адмиралтейства

ства через канал вели подъёмные мостки, с двух сторон охранявшиеся пушками.

Перед дворцом изображён огороженный луг, вход в который по приказу императрицы Анны был петербуржцам воспрещён.

Одна часть его использовалась для военных учений, а другая часть служила пастбищем для коров дворцового ведомства, что и отобразил на картине художник М. И. Махаев.

Перед нами видны строгие безо всякой отделки двухэтажные здания Адмиралтейства, центр которых подчёркивался стройной башней.

Силуэт башни господствовал над городом и был виден издалека, прежде всего со стороны Невской перспективной дороги.

На гравюре на первом плане изображен Адмиралтейский луг, обсаженный в два ряда деревьями по линии Невской першпективы.

Берёзки, разделяющие луг на две части, приказал посадить в 1721 году Пётр I.

Бывший гласис с 1874 года превратился в Александровский, а в наше время Адмиралтейский сад, состоящий из трёх частей.

Первая часть, представляющая собой зелёный газон с живописными группами деревьев, расположена вдоль главного фасада парадного здания Адмиралтейства. Эта часть прорезана четырьмя параллельными аллеями вдоль фасада, где композиционным центром является фонтан.

Вторая часть расположена перед северным фасадом Исаакиевского собора, центром которого является площадка с двумя полукруглыми бассейнами и розарием.

Третья часть находится между западным фасадом Адмиралтейства и зданиями Сената и Синода. Композиционным центром этой части сада является памятник Петру I — Медный всадник. Партерный характер этой части сада, обилие цветников и открывающаяся панорама Невы делают это место одним из самых красивых мест Санкт-Петербурга.

В каждой из этих частей сада мы и побываем.

А сейчас пройдем на территорию сквера Эрмитажа, расположенного между зданиями бывшего Зимнего дворца и Адмиралтейства.

Тема следующего рассказа: «Адмиралтейство — главный центр кораблестроения в России».

Адмиралтейство — центр кораблестроения России

Наименование объекта. Восточный фасад здания Адмиралтейства.

Маршрут следования к объекту. Пройти через Дворцовую площадь в сквер Зимнего дворца.

Остановка на маршруте. Сквер перед западным фасадом Зимнего дворца.

Элементы показа. Современный вид адмиралтейских зданий, изображение корабельной арматуры на барельефе фронтона восточного фасада здания.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукции с видами крепостного Адмиралтейства, построенные в разные периоды корабли.

Великая заслуга Петра I заключается в создании могущественного военно-морского флота России. Это желание Петра было особенно дерзким. Ведь Россия никогда до того не имела кораблей и не располагала ни денежными ресурсами, ни мастерами в кораблестроении, не имела ни навигаторов, ни моряков.

И тем не менее военно-морской флот был создан.

Море и корабли стали судьбой Петра с младенческих лет и до конца жизни. Было какое-то неуловимое созвучие внутреннего мира русского царя с образом плывущего корабля под парусами со шкипером на мостике.

Корабль — вечная любовь царя — был для него своеобразной моделью идеального общества, опирающейся на знание законов природы в извечной борьбе с сопротивляющейся слепой стихией.

Он даже видел об этом сны, в одном из которых отметил недостатки конструкции судна, на котором он находился.

Вот как он об этом написал: «1714 года, ноября 9-го на 10-е: сон видел: (корабль) в зелёных флагах, в Петербурге... я был на галиоте, на котором мачтовые парусы были не по пропорции».

Когда поехали обратно, то волна наклонила судно и «на боки вода захлебнулась», с него попадали матросы и «поплыли к другому боту», а «у себя приказал воду выливать».

Этот несколько сбивчивый рассказ передаёт его морское взволнованное чувство.

Строительство Балтийского флота было начато ещё в 1702–1703 годах на приладожских верфях: сначала Сясьской, а затем Олонецкой (Свирской и Лодейнопольской) и Новолодожской.

К 1710 году там был уже построен ряд крупных судов для того времени, в частности несколько фрегатов и четыре 50-пушечных линейных кораблей с названиями «Рига», «Выборг», «Пернов» и корабль без названия, погибший при переходе из Ладоги в Петербург.

Когда выяснилось, что корабли иногда не доходили до Петербурга по причине штормов на Ладоге и порогов на Неве, решено было перенести строительство Балтийского флота в Петербург.

Место строительства получило название Адмиралтейского двора.

30 августа 1704 года царь Пётр вручил А. Д. Меншикову собственноручный план-чертёж верфи в виде буквы «П», раскрытый к Неве, с пояснением по организации строительных работ.

В журнале-дневнике Пётра I была занесена запись о том, что 5 ноября 1704 года «заложили Адмиралтейский дом и были в овстении и веселились, длина 200 сажень, ширина 10 сажень».

Сажень тогда равнялась 2 метрам 13 сантиметров. Нетрудно подсчитать, что длина дома составила 495, а ширина около 22 метров.

Место для строительства верфи было выбрано осмысленно, ведь от него зависела судьба Петербурга.

Были учтены следующие три обстоятельства.

Первое — близость к Петропавловской крепости, равнявшейся пушечному выстрелу.

Военная опасность, постоянно грозившая со стороны шведов новому городу, заставила выбрать место для новой верфи под защитой Петропавловской крепости. Орудия её бастионов держали под прицелом все подступы к новой верфи.

Второе — близость моря, где Большая Нева без преград выходила к открытой воде.

Третье — наличие двойных естественных защитных водных рубежей на подступах к верфи с юга в виде рек Мойки и Фонтанки.

И вот пустынный до того берег ожил: застучали топоры, потянулись подводы, гружённые строительными материалами, зазвучали голоса.

Энергичный и крутой царь торопил строителей, потому что шла война со Швецией, и без мощного флота невозможно было победить сильного врага и отвоевать приневские земли.

Адмиралтейская крепость

Пётр пригласил на Адмиралтейские верфи иностранных кораблестроителей и требовал от них использования лучших европейских кораблестроительных традиций.

Учитывал он и традиции русских моряков, которые с незапамятных времён бороздили великие реки России на своих лёгких и быстрых лодках, кочах, чайках, тихвинках, чёлнах и росшибах.

Прошёл всего год, и верфь была уже готова для постройки первых судов.

В корпусах Адмиралтейства разместились мастерские, склады, амбары, а во дворе, обращённом к Неве, возвели эллинги.

По словам современников Петра, «не проходило ни одного дня, чтобы он (Пётр) не провёл в Адмиралтействе и при постройке кораблей нескольких часов».

Кроме того, он написал руководство кораблестроителям «Рассуждения о пропорции кораблям», составлял чертежи кораблей и поправлял чужие, он был инициатором создания «модель-камеры», где хранились чертежи и модели кораблей.

На корабельной верфи он выступал организатором всего производства кораблей и сам иногда брался за топор и принимался за их строительство.

В первые годы своего существования Адмиралтейская верфь крупных кораблей не строила, так как на их строительство требовалось до 3-х лет работы и очень много средств. Поэтому вначале выходили мелкие суда.

Начали со строительства галер, скампавей и бригантин русского» типа. Учитывая особенности военных действий, такие суда были необходимы, они способны были вести разведку боем, оборонять Невские берега, действовать в шхерах.

Все они были относительно небольшими. Самыми маленькими среди них были скампавеи, их длина достигала 30 метров с экипажем до 150 матросов, количество вёсел по одному ряду достигала до 15.

Более мощными по оснащению были галеры, они были в два-три раза больше, на их бортах находились и пушки.

Бригантины использовались для перевозки войск и грузов.

Этот флот был подвижен, быстроходен и универсален по своему применению.

Для молодых русских матросов и солдат эти суда быстро сделались привычными.

Царь успешно научил их использовать новейшие приспособления и приёмы, например, мостки, кото-

Адмиралтейская верфь

рые перебрасывались на борт неприятельского корабля для последующей рукопашной схватки, то есть для взятия корабля на абордаж.

На верфи в первые годы работы мастерами-кораблестроителями были почти все иностранцы, приглашённые царём в Россию во время его путешествий по Европе. Это были голландцы, англичане и итальянцы. Главные должности на верфи царь оставлял за собой и доверенных ему вельмож.

В частности, за собой он оставил должность главного мастера, «баса», за работу которого даже получал зарплату.

Первыми русскими кораблестроителями на адмиралтейской верфи стали возвратившиеся из-за гра-

ницы русские ученики, посланные Петром для обучения корабельному делу.

Но на верфи не хватало рабочих, особенно плотников.

Тогда их по Указу Петра стали присылать из разных мест России: Вологды, Шуи, Ростова и других. Причём выбирали «плотников самых добрых... со всякими их плотничьими снастями» и высылали «в Санкт-Петербург на Адмиралтейский двор бессрочно».

Об этом гласило распоряжение А. Д. Меншикова от 12 января 1705 года.

Первый относительно крупный корабль был спущен на воду 29 апреля 1706 года. Это был построенный из дуба 18-пушечный «Прам».

Прамами назывались мелкосидящие корабли, предназначенные для бомбардировок прибрежных территорий.

С каждым годом верфь развивалась всё быстрее и быстрее, увеличивалось количество рабочих, частных к строительству кораблей. Так известно, что в 1711 году вместе с сезонными рабочими число занятых на кораблестроении достигло 4700 человек.

На Адмиралтейской верфи к этому году умели делать всё, от кия до верхушки мачт, от якорей до парусов. Было отрадно видеть на стапелях новые и новые заложенные корабли.

Первый крупный корабль с названием «Полтава» был заложен 5 декабря 1709 года. Название символично, ведь после сухопутной полтавской победы борьба переносилась на морские рубежи.

Швеция по-прежнему оставалась тогда сильной морской державой.

Корабль «Полтава»

Спущена «Полтава» на воду была 15 июня 1712 года.

С этого времени верфь перешла к строительству Большого морского флота России, ежегодно закладывая новые и новые большие боевые суда.

Спуск корабля на воду отличался тогда большой торжественностью.

Мастер в этот день одевался весь в чёрную одежду и получал из рук царя или генерал-адмирала на серебряном блюде по три серебряных рубля за каждую пушку на борту корабля.

Со стапелей стали сходить и более крупные корабли. Так, в 1717 году самим Петром был спущен на воду 90-пушечный корабль под именем «Старый

дуб», а через год спроектированный царём тоже 90-пушечный корабль «Лесная».

В 1719 году английский мастер Козенец построил уже двухпалубный линейный корабль «Гангут», на котором было установлено 182 пушки, а через год спустили построенный мастером Р. Рамзом трёхпалубный корабль «Северный орёл» с 246 пушками на бортах.

Так адмиралтейская верфь превратилась в крупнейшее кораблестроительное предприятие Петербурга и России. Известно, что уже в 1715 году на нём работало до 10 тысяч человек.

Наглядное представление об Адмиралтействе даёт рассказ очевидца из польского посольства, посетившего Санкт-Петербург в 1720 году.

Вот выдержки из этого описания верфи:

«Дня 14 июня мы были приглашены а Адмиралтейство, где царская милость (Пётр I) ждал нас. Перейдя по мосту, ведущему через каналы и пройдя воротами, мы через сени вышли на большое место, где стоят корабли. Мы осматривали новопостроенный корабль, красивый и большой, который в будущее воскресенье должны спускать (на воду)».

«Затем перешли в кузницу, построенную на углу из кирпича. В этой кузнице было 15 горнов, и у каждого работало 15 кузнецов с мастером. Пятеро делали болты для кораблей.

Помимо обычных кузнечных мехов имелись и такие, в которые дуют жестяными и медными трубами».

Потом «...перешли через другой канал к большому трёхэтажному зданию, построенному треугольником на прусский манер. Его царская милость ходил с нами по складам, находящихся в этом здании.

Мы осматривали здесь всякие корабельные припасы; там были вощёные, смоляные, покрытые различными жирами канаты, некоторые толщиной в полчеловека. И всего этого более чем в десяти помещениях было столько, что не увезти и на 500 возах».

«Гвозди для приколачивания досок лежали в углах большими кучами...»

Здесь также лежали «якоря, багры с длинными черенками для удержания корабля и перетягивания одного к другому», «топоры для работы, заступы, молоты, свёрла, различные большие и малые долота...»

Автор описания увидел здесь «несколько тысяч фонарей, и... свыше десяти таких, что в них свободно может сидеть человек...», «кожи для гашения заброшенных бомб, юфти, белёное и небелёное полотно, полотно, выделанное специально для парусов».

Здесь в больших кадках, бочках и чанах находились жиры.

«Все другие помещения были забиты ружьями, карабинами, пищалями, пистолетами, штыками, охотничьими ножами, шпагами, перевязями, зимними и летними рукавицами».

«Были большие кучи башмаков, сапог, туфель, бессчётное количество шерстяных и полотняных штанов для матросов».

«В нескольких помещениях находилось привезённое из Вест-Индии дерево — тяжёлое, как свинец. Это дерево на кораблях используют только на колёса, наматывающих канаты... Если же такие колёса изготовлять из железа, то только закалённого, потому что иначе оно разлетится вдребезги...»

«Кроме того, там лежало несколько сот оловянных корабельных подсвечников, бидонов, рогож, решет,

сит для муки, деревянных кривулей, мисок, каждой из которых хватает на семь солдат; щипцов, сальных и восковых свечей».

«Несколько помещений было заполнено уложенными в сундуки и висевшими в связках на стенах корзинами, железом, железными кольцами, разными ядрами в больших кадках. Эти кадки имеют форму длинных ящичков из листовой латуни, разделённых по отсекам. Желоба по бокам короткие, но с уклоном. Ядро, запущенное в желоб, катится само собой, пока, оказавшись на своём месте, через щель не попадёт сразу на судно. Все ядра взвешены и вес обозначен на них точнейшим образом, в чём убедили проведённые проверки».

«Два других помещения были заполнены медью, отнятой у шведов», поэтому Пётр I в шуточной форме сказал о них, что «шведы к нему пожаловали».

Были также «большие лари, заполненные картечью, гранатами, чугунными ядрами. В иных же местах много разного цвета тканей на знамёна, вымпелы, корабельные флаги...»

В многочисленных бочках хранилась краска разных цветов — голубая, красная и другие.

Но самое важное, что она добывалась «здесь, в Ингрии из земли».

«На третьем этаже было на восемьдесят тысяч рублей готовых парусов».

«Не всякий в это поверит, однако мы видели это собственными глазами», — заключает поляк.

Но было много интересного и далее.

Членов польского посольства адмирал Ф. М. Апраксин попотчевал «корабельными блюдами»: «копчёным мясом, зельцами, ветчинами, языками, мор-

ской рыбой, маслом, сыром, сельдями, повидлом, солёными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, сухарями, осетрами».

После небольшого отдыха их знакомство с Адмиралтейством продолжилось.

«Мы пошли в коллегии, где было полно молодёжи. Столы были обтянуты зелёным сукном, а на стенах висели зеркала, чертежи и различные гравюры. Магистр преподавал военное искусства — как стрелять на кораблях, как управлять парусом, когда вода качает корабль, и другие искусства этого рода».

Далее было отмечено «несколько судов с насосами, закачивающими воду в кожаную кишку длиной больше 10 сажен и снабжённую на конце латунным шприцом, из которого вода брызжет в ту сторону, куда её направляют. Эти суда служат для гашения огня, если он где-либо... возник».

Они увидели комнату, где «находится библиотека, книги которой относятся только к искусству мореплавания под парусом. Там были большие стопы белой, серой, чёрной бумаги для черчения».

«Несколько комнат были заняты постелями, предназначенными для кораблей; готового платья разного цвета было на 24 000 человек, а также другой одежды на 4000 матросов».

«Потом мы пошли через канал в другое здание, такое же длинное, как первое, но одноэтажное. Там живут только мастеровые, изготавливающие необходимое для кораблей; котельщики, например, делают котлы, котелки, чугуны, противни, медную утварь. Я видел там такие большие медные посудины, посредине разделённые жёстью, в которых можно приготовить лапшу и кашу сразу для 200 человек...»

Здесь «были также резчики, столяры, токари, жестянщики, стекольщики, делающие бочки, бадьи, то есть вёдра, и прочую посуду по потребности.

Цирюльники же готовят мази и пластыри для ран. Швецов было с восемьсот только тех, что работают с парусами».

«В этом зале делают модели кораблей, без постройки которых не начинают строить ни одного корабля».

«Внизу, между сваями, корабельные шлюпки строят, смолят и красят», поэтому тут много мастеровых людей. Это строение стоит прямо над водой, поэтому после окончания строительства шлюпки «сразу опускают на воду».

Экскурсия по Адмиралтейству закончилась только под вечер.

В конце осмотра корабельный мастер камер-советник Иван Михайлович Головин, по должности числившийся и главным кораблестроителем Адмиралтейства, опять потчевал гостей.

В знак своей профессии во время церемонии он ходил «с золотым циркулем, усыпанным драгоценными камнями».

Эта длинная экскурсия была проведена для того, чтобы отметить многообразие фронта работ адмиралтейцев. Такие экскурсии проводились многим прибывавшим в Санкт-Петербург иностранным влиятельным персонам. Они часто были приурочены ко дню спуска корабля на воду, ведь такие дни были настоящим торжественным праздником для царя и всех петербуржцев.

На один из таких праздников 27 июля 1721 года Пётр I пригласил жениха своей дочери Анны — голштинского герцога Карла Фридриха со свитой. Один

из участников свиты герцога камер-юнкер Фридрих Берхгольц так поведал об этом в своём «Дневнике».

В этот день «пушечным выстрелом возвестили о спуске корабля».

Царь уже с самого утра находился там и прилежно трудился над приготовлением (корабля) к спуску. В Адмиралтейство прибыли голштинский герцог со своей свитой, Меншиков, Апраксин и многие другие вельможи. Здесь же находилась супруга царя Екатерина Алексеевна со свитой.

Пётр вместе с герцогом осмотрели подмостки корабля у киля, а потом взошёл на корабль и приказал начать его освящение. Обряд освящения проводил новгородский епископ Феодосий Яновский.

Этот корабль получил название «Пантелеймон-Виктория».

По окончании освящения царь сошёл с корабля и перешёл на рядом стоящий требовавший ремонта большой старый французский корабль, чтобы увидеть спуск «Пантелеймона», который был прикреплён большими балками к полозьям, намазанным жиром. И вот поперечные балки, державшие с обеих сторон корабль, отнялись, и он сперва медленно стал спускаться со штапеля, а потом, как стрела, слетел в воду.

«Раздались звуки литавр и труб, смешавшиеся с шумным восклицанием народа, стоявшего на старом корабле и на берегу.

В то же время раздалась пушечная стрельба с Петропавловской крепости и с Адмиралтейства. Выплыв на середину реки, корабль повернулся и шёл несколько времени по течению воды, а потом остановился на якоре».

Лишь только корабль остановился, царь отправился к нему на своей шлюпке и там стал принимать гостей, которые вслед за ним спешили туда один за другим, где потом на палубе и в каютах происходило веселье по случаю рождения корабля. После каждого тоста стреляли из пушек стоявшего на Неве фрегата.

Пётр приказал выдать 1000 рублей на праздник и мастерам Адмиралтейства.

Вечером этот фрегат был иллюминирован маленькими фонарями, развешанными по верхушкам большой и малой мачт и вокруг по борту, отчего в темноте всё сверкало разноцветными огнями.

17 сентября 1721 года в Адмиралтействе уже закладывали новый военный корабль.

Интересна сама процедура закладки кораблей в петровское время.

В этот день главный кораблестроитель должен был первым совершить традиционное действие: вбить первый гвоздь, помазать киль дёгтем. После него эту процедуру обязаны были проделать все прочие корабельщики, включая царя. По этому случаю палили из пушек.

К концу Северной войны большие боевые корабли, построенные на Адмиралтейской верфи, составили основу русского Балтийского флота, ставшим одним из самых мощных в Европе.

О них с восторгом отзывались иностранцы, так как по мореходным качествам, скорости хода, маневренности, устойчивости они не знали себе равных.

Пётр был прав, когда некоторые купленные им за границей суда называл «приёмышами». Он писал Апраксину: «Смотрел покупные корабли, которые нашёл подлинно достойными звания приёмышей. Ибо

подлинно столь отстоят от наших кораблей, как приёмш от родного сына; ибо гораздо малы перед нашими, хотя пушек столь же числом, да не таких и не таким простором; а иначе всего, что французские и английские зело тупы на парусах...»

Высокое качество русских судов определялось первоклассным мастерством их строителей.

Здесь проявили свой талант многие русские кораблестроители.

Так, Федосей Склеяев оказался умелым организатором работ, Гаврила Меншиков, Иван Кочет, Фаддей Попов, Анисим Моляр, Тихон Лукин стали умелыми кораблестроителями.

Плотник Ефим Никонов построил «потаённое судно», прообраз подводной лодки, а Алексей Бурцев создал «колёсное судно», ходившее против ветра «без замедления и безо всякой остановки».

Проявил себя и Фёдор Пальчиков, сумевший построить в 1727 году через Неву первый наплавной мост.

Пётр заботился о подготовке кадров для развития кораблестроения в России, поэтому при верфи вскоре была открыта русская школа кораблестроения, где корабельному делу обучали детей мастеровых.

Специалистов более высоких категорий готовила Морская Академия, в которой наставления «чему учить» писал сам царь.

Итак, в петровское время главной базой Балтийского флота был Петербург. К 1725 году на флоте в боевом строю состояло 48 крупных кораблей и фрегатов, 787 галер, скампавей и других судов. Управление флотом возлагалось на Адмиралтейскую коллегия, которая размещалась в здании Адмиралтейства.

28 сентября 1714 года, во время торжественного спуска корабля «Шлиссельбург», Пётр Великий, обращаясь к сенаторам, морским начальникам и иностранным гостям, приглашённым на праздник, говорил следующие слова.

«Есть ли кто из вас такой, кому бы за двадцать лет пред сим пришло в мысль, что он будет со мною на Балтийском море побеждать неприятеля на кораблях, состроенных нашими руками, и что мы переселимся жить в сии места, приобретённые нашими трудами и храбростью?»

Думали ль вы в такое время увидеть таких победоносных солдат и матросов, рождённых от российской крови, и град сей, населённый россиянами и многим числом чужестранных мастеровых, торговых и учёных людей, приехавших для сожития с нами? Чаяли ль вы, что мы увидим себя в толиком от всех владетелей почитании?»

И мы с вами можем гордиться такой великой морской историей.

Адмиралтейство — не только выдающийся памятник истории, но и памятник архитектуры, стоящий в одном ряду с лучшими творениями мирового зодчества.

Подойдём поближе и более внимательно рассмотрим его.

Адмиралтейство — выдающийся памятник архитектуры

Наименование объекта. Парадный южный фасад здания Адмиралтейства, центральная башня, скульптура на зданиях.

Маршрут следования к объекту. Перейти Адмиралтейский проезд и по аллее Адмиралтейского сада подойти к фонтану, расположенному напротив главной башни Адмиралтейства.

Остановка на маршруте. Рассказ вести на площади в саду перед башней Адмиралтейства.

Элементы показа. Обратит внимание на общий вид башни, шпиля и скульптур, установленных на башне.

Из «Портфеля экскурсовода» показать портрет архитектора А. Захарова, репродукции гравюр, изображающих башню в разные периоды развития города, увеличенные фрагменты архитектурных деталей и скульптур, запечатлённых на зданиях Адмиралтейства.

Первоначальное петровское Адмиралтейство, определившее в значительной мере план и внешний облик зданий, пришедших ему на смену, было деревянным мазанковым и П-образным в плане.

Его главный фасад с башней, завершённый железным шпилем, был обращён в сторону гласиса, а торцы боковых фасадов выходили к Неве.

После учреждения в 1718 году Адмиралтейств-коллегии как высшего морского учреждения в России Адмиралтейство стало и правительственным зданием.

Весной 1719 года Пётр I осмотрел обветшавшие здания и предложил провести их расширение.

Тогда заново стали возводить каменные склады, мастерские, строить новые эллинги, укрепили и стенки канала. В этом же году достроили адмиралтейский шпиль в центре главного фасада здания, который обили жостью, а саму башню украсили деревянными колоннами.

Тогда же в 1721 году на башне установили часы и кораблик с русской короной.

В 1727 году мазанковое здание заменили каменным, а через семь лет русский архитектор Иван Кузьмич Коробов заново построил трёхъярусную башню с высоким золочёным шпилем, украшенным короной и трёхмачтовым корабликом.

В царствование Елизаветы Петровны в 1747 году архитектор С. И. Чевакинский в башне над входными воротами соорудил церковь Воскресения Христова с богатым иконостасом, отделанным под изумруд.

Здание Адмиралтейства до начала XIX века в основном сохраняло черты петровского Адмиралтейства.

Однако на фоне пышного Зимнего дворца оно уже воспринималось, по словам одного из современников, как «безобразная длинная фабрика, окружённая подъёмными мостами, рвами, глубокими, но не чистыми, заваленными досками и брёвнами».

Поэтому в 1805 году главному адмиралтейскому архитектору Адриану Захарову поручили разработать проект перестройки обветшавшего здания.

Потребовалось более десяти лет кропотливой работы, чтобы здание превратилось в выдающееся произведение архитектуры, в один из символов Санкт-Петербурга.

А. Захаров

Тогда со стороны Невы корпуса корабельных сараев объединили с главным зданием двумя перекинутыми через внутренний канал арочными переходами, оформленными в виде павильонов.

В таком виде административное здание Адмиралтейства и производственные корпуса со стороны Невы стали восприниматься как единое целое.

А. Захаров оставил в неприкосновенности образ старой многоярусной коробовской башни, увеличив при этом её объёмы.

Она стала одновременно самостоятельным архитектурно-художественным произведением, композиция которого им была продумана до мелочей.

Такой мы видим её и сегодня.

Внимательно присмотримся к составляющим башню архитектурным элементам.

Вся основа сооружения держится на нижнем кубе, над которым возведён ещё один верхний куб меньших размеров, окружённый 24 колоннами. Благодаря колоннам второй ярус кажется ажурным и почти невесомым.

Над колоннами возвышается золочёный купол, увенчанный шпилем, на острие которого вращается трёхмачтовый корабль-флюгер.

Получилась лёгкая устремлённая в высь выразительная вертикаль.

Ответственную роль зодчий придал установленным скульптурам, тематика которых соответствует назначению здания.

По обеим сторонам Триумфальной арки на высоком постаменте установлены каменные группы работы скульптора Ф. Щедрина, изображающих морских нимф, поддерживающих небесную и земную сферы.

Над аркой парят фигуры гениев Славы.

В аттике первого яруса выделяется большой гипсовый горельеф скульптора И. Терещенко с примечательным названием «Заведение флота в России».

На углах нижнего яруса башни установили скульптурные работы Ф. Щедрина, изображающих античных героев: Александра Македонского, Пирра, Ахилла и Аякса.

Эти фигуры, по замыслу Захарова, должны были подготавливать постепенный переход от массивного нижнего яруса к значительно более лёгкому второму ярусу, окружённому стройной колоннадой ионического ордера.

Над каждой из 28 колонн в соответствии с их числом предполагалось установить 28 статуй, аллегорически изображавших жизнь Вселенной. Были выделены: четыре стихии (огонь, воду, землю, воздух), четыре времени года, четыре главных ветра (южный, северный, западный, восточный), древнеегипетскую богиню плодородия Изиду, которой приписывают изобретение судостроения, музу астрономии Уранию. Каждую фигуру предполагалось повторить дважды.

Художественный образ всего здания Адмиралтейства архитектор построил на контрастном противопоставлении объёмных колоннад, дающих богатую игру светотеней на фасадах, и гладких плоскостей, прорезанных арочными проёмами.

Обширные плоскости фасадов к тому же давали А. Захарову возможность украсить их монументаль-

Адмиралтейство

ной декоративной скульптурой на морские темы, связав её с глубоким идейным содержанием архитектурного образа.

Систему скульптурного убранства всех зданий Адмиралтейства Захаров разработал в соответствии с архитектурными акцентами в виде башни, выступов-ризалитов и ограничивающих здания со стороны Невы павильонов.

Над ризалитами были установлены высеченные из пудостского камня статуи работы В. Демут-Малиновского и С. Пименова, изображавшие двенадцать месяцев.

У подножия ризалитов на гранитных пьедесталах стояли шесть фигур, олицетворяющих крупнейшие русские реки, а у Невских павильонов на пьедесталах стояли четыре статуи, символизировавших части света.

По всему фронту Адмиралтейства на уровне третьего этажа проходил прекрасный лепной фриз высотой 1,5 метра с изображением знамён, оружия и воинских доспехов.

К сожалению, не все эти произведения дошли до нас.

Надо сказать, что здание Адмиралтейства стало и своеобразным топографическим центром столицы, от которого веером стали расходиться лучи улиц, проспектов.

Башня стала с этого времени и самой высокой смотровой площадкой в городе. С её высоты открывалась вся картина города вплоть до дальних его окраин, где активно выделялся теперь известный градостроителям всего мира «трезубец» — Гороховая улица, Воскресенский и Невский проспекты.

Веером раскинувшиеся от Адмиралтейской башни пять линий стали основой для целой градостроительной системы, включавшей в себя реки, каналы и вновь запроектированные улицы юго-восточной территории города.

Адмиралтейство — своеобразный памятник Петру I, основателю морской столицы России.

Здесь в Адмиралтейском саду очень многое напоминает о нём, в том числе и Адмиралтейские верфи, которые в XVIII веке включали в себя огромные раскинувшиеся вплоть до взморья территории с западной стороны.

Там располагалась так называемая Новая Голландия.

К границе западной части сада мы и пройдем.

Новая Голландия. Канатный и Галерный адмиралтейские дворы

Наименование объекта. Линии зданий, расположенных по бульвару Профсоюзов.

Маршрут следования к объекту. По аллее Адмиралтейского сада пройти к западной окраине сада.

Остановка на маршруте. Площадка сада напротив современного бульвара Профсоюзов.

Элементы показа. Обратит внимание на линию аллеи сада, продолжающуюся бульваром Профсоюзов.

А теперь обратим наше внимание на линии зданий, лежащие по обе стороны нынешнего бульвара Профсоюзов.

Ведь в петровское время всё пространство с севера на юг от Мойки до Невы и с востока на запад от Адмиралтейского луга вниз по Неве до взморья занимал обширный морской городок, называемый Новой Голландией. Там находились предприятия, которые обеспечивали необходимыми материалами и изделиями строившиеся на Адмиралтействе корабли.

Для удобства «корабельных дел» на этой территории начали интенсивно строить каналы.

Известно, что с 1711 по 1719 годы было прорыто в этой части шесть каналов, соединявших реку Мойку и Неву.

Только два из них, да и то не полностью, сохранились до настоящего времени.

По линии нынешнего Бульвара Профсоюзов к Адмиралтейству был вырыт Адмиралтейский канал.

Канал удобно связывал главную верфь со вспомогательными адмиралтейскими дворами и мы находимся на линии одного из таких бывших каналов.

В 1718 году Пётр I издал указ о строительстве «Генерального Прядильного двора» на северном берегу Адмиралтейского канала, который занял большую площадь с востока на запад от нынешнего Адмиралтейского сада до прорытого в 1719 году Крюкова канала.

В наше время на части засыпанного канала располагается площадь Труда, в подземном переходе которой об этом извещает мемориальная доска.

Да и сам подземный переход устроен сегодня по древнему руслу этого канала, часть которого сохранилась.

На Прядильном и Канатном дворе производилась оснастка парусных судов канатами, являвшаяся заключительным этапом в строительстве кораблей. Для оснастки требовалось огромное количество пеньковых канатов и верёвок различной длины и диаметра.

Надо сказать, что до 1721 года петербургские верфи не имели своего производства по изготовлению снастей и их привозили из других мест России.

Это было очень неудобно, поэтому на северном берегу и развернулось большая стройка, к организации которой привлекли и первого архитектора Доменико Трезини. Ему было поручено «генеральное смотрение» над всеми строениями.

Адмиралтейские дворы ограничивались линией Галерной улицы, появившейся тогда с северной стороны вдоль Невы.

За короткий срок здесь построена группа следовавших друг за другом зданий из трёх прядильных цехов длиной более 300 метров, а также пеньковые амбары и дома Прядильной слободы, в которой жили работники.

Выдавать продукцию Прядильный и Канатный дворы стали с марта 1721 года, где тогда работало около 800 портных, которые огромными иглами шили паруса.

Там также пряли и смолили канаты, а в одном из помещений готовили модели строящихся кораблей.

В 1783 году на Канатном дворе случился грандиозный пожар. Восстанавливать дворы здесь не стали, а перенесли производство канатов и парусов ближе к заливу.

Но мы туда в этот раз не отправимся, а наша экскурсия продолжится возле ещё одного грандиозного памятника Петру Великому — Исаакиевского собора.

Исаакиевский собор — выдающийся памятник Петру Великому

Наименование объекта. Здание Исаакиевского собора.
Маршрут следования к объекту. По аллее Адмиралтейского сада подойти к южной границе сада.

Остановка на маршруте. На площадке сада, расположенной напротив Исаакиевского собора.

Элементы показа. Обратит внимание на общий вид собора, скульптурные изображения на нём.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукцию гравюры, изображающую первый Исаакиевский собор.

Тридцатого мая каждый год в Санкт-Петербурге отмечается день рождения Петра Великого. В этот день на месте захоронения русского императора проходит поминальная служба, а к памятникам Петру петербуржцы приносят цветы.

День рождения царя Петра совпал с днем поминовения греческого святого Исаакия Далматского.

Пётр Первый, считая его своим покровителем, приказал в 1707 году на берегу Невы близ Адмиралтейства построить православную мазанковую церковь его имени.

Её поставили на Адмиралтейском лугу против северо-западного фасада Адмиралтейства. Церковь была одноэтажной, с небольшой колоколенкой, перестроенной из чертёжной избы.

Первая Исаакиевская церковь

Именно в этой церкви 19 февраля 1712 года царь обвенчался с литовской пленницей Мартой Скавронской, ставшей позже русской императрицей Екатериной I.

Первая Исаакиевская церковь простояла всего 10 лет, её, обветшавшую, разобрали, а на этом месте Пётр собственноручно заложил новую, напоминавшую собор и колокольню с часами в Петропавловской крепости.

Но и она оказалась недолговечной, так как стояла слишком близко к воде, постоянно подвергаясь наводнениям, отчего вода потихоньку подтачивала фундамент здания.

На её беду в мае 1735 года молния ударила в шпиль колокольни, отчего возник пожар и колокольня упала на берег.

Церковь долго восстанавливали, но когда восстановили, то увидели, что здание совершенно утратило свой первоначальный вид.

Тогда приняли решение полностью снести здание церкви, что и было сделано в 1763 году, уже во время правления Екатерины II. Новая императрица, обьявившая себя последовательницей идей Петра, приказала возвести новый храм по грандиозному проекту архитектора А. Ринальди.

С 1768 по 1802 годы теперь уже подальше от Невы стали возводить новый четвёртый по счёту Исаакиевский собор.

Антонио Ринальди, являясь мастером вышедшего из моды архитектурного стиля барокко, стал возводить здание без учёта новых архитектурных идей.

Сохранённая старая модель и чертежи дают полное представление об этом проекте собора, архитектура которого казалась во второй половине XVIII века слишком вычурной с фигурными завершениями боковых куполов и колокольни.

Собор по проекту должен был быть весь облицован мрамором.

Такая архитектура не прельщала императрицу, поэтому здание возводилось очень медленно.

Архитектор так и не достроил собор по причине его отъезда из России.

Когда Павел I вступил на престол, стены собора были выведены только под карниз и император, увлечённый строительством Михайловского замка, велел перевезти весь мрамор от собора к замку.

Архитектор В. Ф. Бренна, назначенный главным строителем Исаакиевского собора, к 1801 году кое-как наскоро успел его закончить в кирпиче, уменьшив размеры и ограничившись одним куполом.

Собор не понравился никому и простоял в таком виде до 1818 года, когда началось строительство нового собора по проекту французского архитектора Огюста Монферрана.

Строили его 40 лет, и наконец, в 1858 году он был открыт.

Пятый Исаакиевский собор стал достойным памятником русскому царю и императору Петру I, одним из самых грандиозных сооружений своего времени.

Он впечатляет своими масштабами.

Его длина 111,5 метров, ширина — 97,6 метра. Весит здание 300 тысяч тонн.

562 ступени ведут к вершине собора, где его золочёный крест поднят на высоту 111,5 метра, что на 30 метров выше Адмиралтейского шпиля, но на 20 метров ниже шпиля Петропавловского собора.

Собор, как и большинство православных храмов, пятиглавый, символизирующих Христа и четырёх его евангелистов. Он с четырёх сторон окружён 8 и 16 колонными портиками с фронтонами, украшенными статуями и горельефами.

Для его сооружения и убранства использованы 43 породы минералов.

Цоколь здания облицован гранитом, стены, местами пятиметровой толщины, покрыты серым мрамором.

мором, внутренние стены и пол выложены плитами русских, итальянских и французских мраморов, а колонны иконостаса оформлены малахитом и бадахшанским лазуритом.

Здание украшают около 400 произведений скульптуры, живописи и мозаики.

В работах по убранству собора приняли участие выдающиеся скульпторы С. С. Пименов, П. К. Клодт, И. П. Витали и многие другие.

Многие скульптуры выполнены при помощи гальванопластики — метода, изобретённого русским учёным Б. С. Якоби. Этим методом выполнены горельефы огромных бронзовых дверей с орнаментом, каждая створка которых весит 10 тонн.

В художественном убранстве внутренних помещений использовано более 200 картин кисти известных художников XIX века К. П. Брюллова, Ф. А. Бруни, П. В. Васина и других, а также картины, выполненные из кусочков смальты, русских мастеров-мозаичистов Н. М. Алексева, И. Ф. Лебедева, М. А. Хмелевского и других.

Собор снаружи украшают 112 полированных гранитных колонн, из которых 48 нижних имеют высоту по 17 метров с весом по 114 тонн каждая.

30 мая 1858 года, в день рождения Петра I, собор был торжественно открыт.

Французский писатель Теофил Готье, приехавший в Петербург поздней осенью того же года, написал книгу «Путешествие в Россию».

В ней он писал: «Исаакиевский собор — самая прекрасная церковь, построенная в наше время. Её архитектура превосходно соответствует Санкт-Петербургу.

Саму столицу Готье назвал «золотым городом на серебряном горизонте».

На маршруте нашей экскурсии находится ещё один памятник Петру Великому, о котором знают все петербуржцы.

Это знаменитый Медный всадник.

К нему мы и подойдём.

Медный всадник — произведение национального и мирового значения

Наименование объекта. Конный монумент Петру I на Сенатской площади.

Маршрут следования к объекту. По аллее Адмиралтейского сада подойти к монументу.

Остановка на маршруте. На площадке перед монументом.

Элементы показа. Обратит внимание на общий вид монумента, детали скульптурных изображений на нём.

Из «Портфеля экскурсовода» показать репродукции гравюр, изображающих монумент в день его открытия и портрет головы Петра, выполненной для памятника скульптором Мари Калло.

Екатерина II, желая утвердиться в России как продолжательница деяний Петра Великого, почти на месте старой Исаакиевской церкви, где прошло венчание Петра Первого с Екатериной Алексеевной, решила увековечить память императора созданием конного монумента.

Русская императрица повелела своему полномочному послу во Франции Дмитрию Голицыну «...приискать искусного художника для работы над монументом, достойным царя Петра и северной столицы...».

Им оказался пятидесятилетний мастер Этьен Фальконе.

Первым рекомендателем ваятеля выступил великий французский философ Дени Дидро. Он писал: «Вот гениальный человек, полный всяких качеств,

свойственных и несвойственных гению. В нём есть бездна тонкого вкуса, ума, деликатности, грации: он мягок и колок, серьёзен и шутлив, он философ, он ничему не верит и не знает почему... Он лепит глину, обрабатывает мрамор и в тоже время читает и размышляет. Этот человек думает и чувствует с величием». Перед такой рекомендацией Екатерина II устоять не могла.

Ко времени подписания контракта Фальконе занимал ведущее место среди французских скульпторов и был уже европейской знаменитостью.

Скульптор, давший согласие приехать в Россию, за разрешением покинуть Францию обратился к директору королевских строений маркизу Мариньи.

Ответ маркиза пришёл незамедлительно:

«Предложение русской императрицы создать памятник Петру Великому заслуживает одобрение всех наций, а выбор её для работы Фальконе делает столь много чести французским художникам...»

Контракт был подписан 26 августа 1766 года сроком на восемь лет.

15 октября 1766 года Этьенн Фальконе вместе со скульптором-резчиком Фонтеном и своей молодой ученицей Мари Калло прибыл в Санкт-Петербург.

Работа началась с определения идеи памятника, которая заключалась в том, чтобы в русском царе и императоре люди увидели «личность созидателя, законодателя, благодетеля своей страны».

Фальконе писал: «Мой царь не держит никакого жезла: он простирает свою благодетельную десницу (правую руку) над объезжаемую им страной». «Он поднимается наверх скалы, служащей ему пьедесталом, — это эмблема побеждённых им трудностей».

Теперь, когда идея была определена, встал вопрос о выборе места для памятника.

Одно понимал тогда Фальконе, памятник должен был быть в согласии с природой.

Было очень много предложений, но окончательный выбор пал на место, где когда-то стояла вторая Исаакиевская церковь, заложенная Петром, между Сенатом и Адмиралтейством, учреждениями, созданными самим царём.

Памятник выносился на просторы города и природы, на набережную Невы.

Для осуществления замысла надо было отыскать, добыть и доставить в Петербург гранитный монолит таких размеров, какие до этого не встречались в строительной практике. Многие сомневались, что это возможно, но Фальконе настоял на своём.

Камень обнаружился под Петербургом в Лахте.

Местные жители называли его «Гром-камнем», так как в нём имелась трещина, будто бы образовавшаяся от удара молнии.

Камень был действительно грандиозен, и его доставка в Петербург заняла целых полтора года огромного труда.

Сложным заданием явилось и создание образа коня и всадника. В своих сочинениях Фальконе подробно рассказывает о работе над фигурой коня и всадника на нём.

Изучая натуру, скульптор поручал делать наклонные горки и заставлял всадников многократно в разное время и на разных лошадях в быстром движении вскакивать на самую вершину. Так он изучал детали, зарисовывая и лепя истинную форму мышц и связок в различном их состоянии.

Конь являлся важнейшей частью монумента, он должен был не только держать всадника, но и сливаться с ним в едином порыве.

И Фальконе достиг цели, проявив себя смелым новатором. Пластический образ, созданный им, отличается такой лаконичностью формы и ёмкостью содержания, какие неизвестны были в монументальной пластике той поры.

Через многочисленные аллегории (иносказания) он передавал ёмкий смысл памятника. Сама фигура героя, его жест, одежда, движение коня, меч, медвежья шкура, служащая седлом, скала пьедестала — всё по мысли Фальконе должно быть пронизано глубоким смыслом.

Размеры скульптуры были огромны, конфигурация сложная. Он понимал, что толщина стенок в передней части фигуры должна быть значительно меньше толщины стенок её задней части. Без этого огромная статуя, имевшая всего две точки опоры, не приобрела бы необходимой устойчивости.

В июле 1768 года скульптор, решая проблему устойчивости памятника, ввёл образ змеи, поместив её под копытами коня.

Фигура змеи одновременно была и аллегорией зла: людская зависть, злоба и противодействующие силы мешали прогрессу России.

Сильная сторона образа змеи состоит в том, что она составляет единое целое с образом лошади и всадника на ней. Судорожность её движений соответствует стремительному порыву всадника, здесь в своей динамике они едины. Змея не только не отвлекает внимание зрителя от главного восприятия, но усиливает ёмкость этого восприятия.

*Скульптурный портрет Петра I
работы Мари Калло*

Вылепил этот движущийся змеевидный образ молодой русский скульптор Фёдор Гордеев.

Немаловажным было и создание внешней схожести личности Петра, образа головы всадника.

За эту работу взялась ученица скульптора Мари Калло, которая для этого использовала маску лица, снятую в 1719 году с живого царя итальянцем Карло Растрелли.

Около трёх лет ушло на подготовку и отливку статуи в металле, которая началась в 1774 году с огромными трудностями.

Для большей крепости надо было отливать статую не по частям, а за один приём, без лишних швов. Опыта по отливке статуи ни у кого не было, поэтому первая отливка прошла неудачно, а вторая заняла ещё три года.

Медный всадник в день открытия памятника

Но Фальконе достиг своей цели. В память о завершении отделки памятника он выгравировал на одной из складок плаща Петра надпись на латинском языке: «Лепил и отливал Этьенн Фальконе парижанин 1778 года».

Высота памятника составила 13,6 метра, вес всадника — 205 тонн.

Постаментом ему послужил гранитный монолит высотой 8 метров и весов 100 тысяч пудов.

На обеих сторонах пьедестала накладными бронзовыми буквами выложены надписи: «Петру Первому — Екатерина Вторая. Лета 1782» на русском и латинском языках.

Этьенн Фальконе выполнил свою задачу, создав первоклассный монумент, но порадоваться вместе с другими авторами открытию его он не смог.

Он навсегда покинул Петербург в начале августа 1778 года по причине враждебного к себе отношения вельможи екатерининского времени И. И. Бецкого.

Открытие монумента состоялось 7 августа 1782 года. В этот день исполнялось сто лет со дня восшествия Петра I на престол.

Тысячи петербуржцев собрались на Сенатской площади и по берегам Невы. Что же увидели петербуржцы после снятия занавеса, покрывавшего памятник?

Перед их взором предстал всадник, взлетевший на крутизну скалы и остановивший коня на полном скаку над Невой. Конь поднялся на дыбы, он ещё весь в движении: посадка всадника, его глаза, жест, поворот головы исполненный величественности, уверенности и силы.

Конь и всадник на мгновение как бы застыли в этом движении, в сочетании мгновения с вечностью движения, свободы, воли, и всё это на краю пропасти! Вот философия жизни этого исторического времени.

По краю пропасти шёл в своих деяниях Пётр I и вышел победителем.

Это не просто памятник царю, это символ времени, воплотивший в себе исторические судьбы народа и страны.

Это символ Петербурга.

Конный монумент Петру вызвал многочисленные отклики, первое место среди которых принадлежит поэме великого русского поэта А. С. Пушкина «Медный всадник». От названия поэмы пошло название памятника.

А вот как домыслил детали монумента русский писатель А. Н. Радищев в своей статье «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске».

Медный всадник

Он писал: «...крутизна горы суть препятствие, кои Пётр имел, произведя свои намерения; змея в пути лежащая — коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов. Древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвещённые, кои Пётр нашёл в народе, которые он преобразовать вознамерился...»

Памятник Петру I Медный всадник — произведение большого национального и мирового значения.

Местоположение, глубокая идея и смысловая связь его с расположенными вокруг архитектурными сооружениями усиливают эмоциональное звучание.

И хочется воскликнуть вместе с великим поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным:

*Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

Вопросы экскурсантам

1. Почему первых жителей новой столицы России называли «переведенцами»?
2. Почему Адмиралтейство строилась не только как верфь, но и как крепость?
3. Перечислите характеристики и название судов, строящихся на Адмиралтействе в петровское время.
4. Почему Адмиралтейство считается морским символом Петербурга и всей России?
5. Можно ли Исаакиевский собор считать достойным памятником Петру Первому?
6. Как вы понимаете слова А. С. Пушкина:
 «О, мощный властелин судьбы!
 Не так ли ты над самой бездной,
 На высоте, уздой железной
 Россию поднял на дыбы?»
7. Найдите отличительные характеристики двух конных монументов Петру Великому, установленных в Санкт-Петербурге на Сенатской площади и на площади Коннетабль.

Наша экскурсия окончена.

САМ СЕБЕ ЭКСКУРСОВОД

Практические рекомендации по проведению экскурсий для желающих стать экскурсоводами

1. Понятие об экскурсиях

Экскурсия — это своеобразная форма ознакомления человека с памятниками, памятными местами, историей и культурой общества.

Чтобы стать экскурсоводом по историческим и памятным местам города Санкт-Петербурга, необходимы следующие три условия:

- любить свой город;
- постоянно изучать его историю;
- научиться правильно показывать исторические и культурные городские объекты и эмоционально рассказывать о них.

Каждый человек, взрослый и ребенок, может стать экскурсоводом. Все зависит от желания и качества его подготовленности перед проведением экскурсии.

Осваивать правила ведения экскурсии можно индивидуально, в семейной, школьной или студенческой среде, предварительно составив план такой подготовки, который может состоять из следующих пунктов:

- а) Изучения объектов показа и текстов рассказа о них.

б) Изучение приемов показа и рассказа.

в) Владение искусством эмоционального воздействия на экскурсантов.

Далее по порядку пунктов этого плана поясним, что это означает.

2. Показ объекта на экскурсии

Каждая экскурсия предполагает, что экскурсионные объекты, то есть памятники и памятные места, вначале показываются, а уж потом о них рассказывают согласно темы и текста.

Показ в экскурсии — это последовательный процесс представления экскурсоводом тех объектов, на которых раскрывается содержание данной темы.

Показ объектов должен всемерно способствовать достижению определенной цели, иначе экскурсия может превратиться в прогулку. Объектов вокруг, как правило, много и распылять внимание экскурсантов не следует.

Он всегда должен быть выборочным, поэтому в экскурсии должны быть указаны конкретные объекты для показа.

Необходимо учитывать последовательность показа объектов, соответствующей логике изложения материала.

Последовательность при показе означает умелое выделение основных объектов, постепенное расширение и углубление знаний о них.

Начинать показ следует с предварительного обзора всего комплекса объектов.

Каждый последующий объект показывается в неразрывной связи с предыдущим.

Показу также свойственна относительно точно установленная протяженность во времени. Затягивать показ объекта не следует, так же как и спешка здесь не нужна.

ЗА ПОКАЗОМ СРАЗУ СЛЕДУЕТ РАССКАЗ ОБ ОБЪЕКТЕ.

3. Построение рассказа на экскурсии

Рассказ должен излагаться литературным стилем языка без использования вредных словечек, взятых из других жаргонных и областных говоров.

Содержание экскурсии надо запомнить и пересказывать в последовательном и логическом порядке по тексту экскурсии.

Рассказ должен состоять из трёх частей:

- вступления,
- основной части,
- заключения.

Вступление должно быть лаконичным по форме, где экскурсовод называет себя, тему экскурсии, краткие сведения о маршруте, приблизительное время начала и окончания экскурсии.

Следует помнить, что начало экскурсии — это ответственный момент, когда у людей складывается первое впечатление об экскурсоводе.

Экскурсовод должен стремиться к тому, чтобы сразу привлечь к себе внимание.

Основная часть — это сама экскурсия, которая строится на основе текста в соответствии с общей темой и подтемами. В ней следует продумать логические переходы от одной темы к другой, чтобы добиться строгой логики в построении экскурсии.

Заключительная часть предполагает подведение итогов экскурсии, где можно задать подготовленные вопросы и получить на них от экскурсантов ответы.

Закончить экскурсию надо эмоционально и лаконично, возможно используя стихи по теме.

В конце экскурсии надо пожелать всем хорошего настроения и пригласить на следующие экскурсии.

Опытные экскурсоводы выработали методические приемы показа объектов и рассказа о них, о некоторых из которых мы и расскажем.

4. Приемы показа объектов

Прием предварительного осмотра.

Это приглашение экскурсантов к первому знакомству с самим экскурсоводом и с внешним видом объекта.

Экскурсовод перед показом объекта должен сам изучить его на месте, чтобы точно знать месторасположение, пути подхода к нему и лучшие места для осмотра. Он должен организовать поведение группы во время проведения экскурсии.

Весь показ надо вести только на остановках, при этом надо учитывать следующее:

а) Место показа. Оно должно быть достаточно удалено от проезжей части дорог и защищено от движения транспорта и потока пешеходов, от опасных строительных зон, дорог.

б) Предупреждающие надписи и знаки. Надо внимательно следить за дорожно-указательными знаками, предупреждающими надписями и следовать их требованиям.

в) Благоприятные условия для рассказа. Надо найти естественную или искусственную защиту от яркого солнца, дождя, ветра, изолировать группу от шума, чтобы ничто не отвлекало внимание экскурсантов от экскурсии.

г) Хороший обзор объекта. Важно проследить за тем, чтобы всем экскурсантам хорошо был виден и объект, и экскурсовод. Наиболее удобным является расположение полукольцом, где экскурсовод занимает место с краю и стоит вполоборота к группе. Организуя расстановку группы, следует обращать внимание на то, чтобы всем экскурсантам было не только хорошо видно, но и хорошо слышен рассказ экскурсовода.

Необходимо помнить и то, что экскурсанты присматриваются к экскурсоводу, они замечают, как он одет, как стоит, каково выражение его лица, какова его походка, жесты.

Первое впечатление оказывает большое влияние на восприятие экскурсии.

5. Приёмы рассказа об объекте

а) Прием экскурсионного анализа.

Это один из самых действенных приемов, позволяющий мысленно расчленить целое на составные части, чтобы показать отдельные элементы объекта для более глубокого проникновения в главный смысл всего памятника или памятного места.

б) Прием описания объекта.

Это последовательное хронологическое или логическое перечисление основных этапов развития объекта, его основных качеств и свойств, внешнего вида и внутренней жизни объекта.

в) Прием зрительной реконструкции.

Смысл этого приема состоит в мысленном восстановлении объекта в первоначальном виде и в словесном воссоздании картин прошлого или будущего.

При использовании этого приема от экскурсовода требуется абсолютно точные знания об объекте на конкретный период времени и умение зрительно представить облик этого объекта, для чего надо хорошо изучить материал и своими словами образно рассказать о нём.

г) Прием зрительного сравнения.

Он используется при сопоставлении различных объектов и помогает конкретно оценить значение показываемого объекта.

д) Прием использования жестов при показе объектов.

Жесты должны помогать доносить до экскурсантов смысл показа и рассказа и нести положительный настрой в осмысление экскурсионных объектов. Чаще всего каждый человек, показывая что-то кому-то, пользуется жестом, производимым рукой. Движение руки всегда связано с движением других частей тела. К сожалению, некоторые неопытные экскурсоводы не всегда владеют соответствием в движении различными частями своего тела.

При явном несоответствии создается впечатление неискренности при показе объектов.

Перечислим некоторые примеры отрицательного жестикулирования, от которых надо отказаться при ведении экскурсии:

а) Жесты-паразиты. Жесты-паразиты отвлекают внимание и пагубно влияют на восприятие речи. К ним

можно отнести такие вредные привычки как поминутное поправление волос на голове, очков на глазах, почесывание затылка, постукивание пальцами, теребление пуговиц, одевание и снятие перчаток и так далее.

б) Жесты остро предупреждающего и даже угрожающего характера. Это явно грубые, несдержаннее жесты, слишком явно выдающие неудовольствие по тому или иному поводу. Нельзя одергивать невнимательно слушающих, делать нелестные замечания по поводу рассеянности, применять жесты лёгкой угрозы (например, пальцем), повелительно заставлять экскурсантов что-то делать.

Такие жесты не содействуют мобилизации внимания. Они — наглядное свидетельство беспомощности экскурсовода, его неумение завладеть вниманием экскурсантов, настроить на восприятие объектов.

в) Мельтешение в жестах. Обильная, неосмысленная жестикуляция сопровождает сумбурную, непонятную и быструю речь. Когда экскурсовод каждую, даже незначительную фразу, сопровождает жестом, то это грозит уничтожить значение жеста как элемент показа.

Каждый жест в экскурсии должен быть заранее продуман, их должно быть немного и каждый из них должен быть целенаправленным.

6. Приёмы использования «Портфеля экскурсовода»

Для каждой экскурсии составляется так называемый «Портфель экскурсовода».

В «Портфеле» собираются наглядные материалы в виде фотографий, репродукций картин, гравюр, карт,

схем и так далее, которые помогают наглядно восполнить представление о той или иной личности, планах, событиях, о деятельности людей, о видах города, его частей: площадей, улиц, линий, набережных, зданий, архитектурных элементов сооружений и так далее.

Без «Портфеля экскурсовода» невозможно конкретно представить себе облик не существующих ныне объектов.

Применение «Портфеля экскурсовода» усиливает выразительность восприятия экскурсии в целом.

7. Приёмы эмоционального воздействия

а) Умение пользоваться интонационными средствами выразительности.

Тон речи экскурсовода должен быть негромким и спокойным, но с использованием возможностей своего тембра голоса (серебристого или бархатистого), усиливающих или ослабевающих эффектов, раздражательных, торжественных, мужественных и других интонаций.

б) Приемы художественной выразительности.

Экскурсовод должен уметь пользоваться в речи логическими и другими паузами, которые помогают сосредоточить внимание и эмоционально затронуть чувства экскурсантов.

Надо уметь использовать в речи образные средства художественной выразительности речи, такие как метафоры, сравнения, эпитеты, олицетворения и т. д.

в) Приём доброжелательного реагирования.

Экскурсовод должен быть чутким, уметь наблюдать и доброжелательно реагировать за происходящим на экскурсии.

Постоянное наблюдение за реакциями экскурсантов и умение отзываться на них жестами и интонациями — важное условие хорошего проведения экскурсии.

г) Выразительное чтение.

8. Приёмы активизации внимания

а) Прием вопросов и ответов.

Экскурсовод, ставя вопросы, подводит к правильному осмыслению объекта и обобщению материала. Вопросы следует продумать заранее, определить время, когда они будут поставлены перед группой.

б) Прием использования юмора.

Юмор должен быть тактичным, ненавязчивым, близко связанный с темой. Он должен помогать привлечь внимание, настроить на оптимизм и лучшее осознание основных мыслей, заложенных в экскурсии.

в) Прием цитирования отрывков из разных источников нужен для доказательства какой-либо мысли или воссоздания колорита эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Величие истории Санкт-Петербурга познаётся тогда, когда чувства людей соотносимы с красотой духовной культуры, заложенной в истории города.

Знаменитые памятники, животворящая нить памятных страниц города, а также тонкие и подчас незаметные художественные элементы её красоты определяют понятие нравственного пространства петербургского времени и городской души.

Одной из самых эффективных форм восприятия и осмысления истории и культуры Санкт-Петербурга являются экскурсии.

Проведение экскурсии — это труд, который дарит людям радость открытия, волнение от встречи с прекрасным и приобщает людей через видимый город осмыслить невидимый мир былого и будущего.

Пешеходные экскурсии позволяют создать варианты многочисленных экскурсионных маршрутов для самостоятельного освоения исторического материала, где экскурсоводом может быть любой петербуржец.

Но для этого надо любить свой город, изучать его историю и культуру, много и увлечённо пешком, не боясь усталости, ходить по его улицам, проспектам, линиям и бульварам.

И ещё одно условие.

Надо правильно научиться показывать объекты и рассказывать о них.

Экскурсионное увлечение раскроет мир необыкновенной красоты и нравственного совершенства.

Хорошо, если бы проведение экскурсий стало семейным увлечением, когда сын или дочь по заданию мамы или папы подготовили для семейного отдыха такую самостоятельную экскурсию.

Хорошо, если бы учителя в школе предложили такое задание своим лучшим ученикам, и проведение ими в один из чудесных дней экскурсии с группой школьников станет настоящим праздником души.

Хорошо, если бы студенты в один прекрасный день совершили подготовленные для своих друзей эти удивительные путешествия во времени.

Знаю по своему опыту, что такие дни не забываются, они оставляют самые неизгладимые впечатления у всех участников этого экскурсионного действия, которое поможет воспитывать честных, красивых, умных людей, истинных патриотов своего прекрасного города, Северной столицы России.

Петербуржец, который хотя бы один раз провёл экскурсию по Санкт-Петербургу, вновь и вновь захочет показать его своим родным, друзьям, знакомым и гостям, а это значит вовлечет их в величайшую историю и облагораживающую культуру прекрасного города.

Каждое время в Северной столице представлено образно и ярко. Петровский Петербург нам особенно дорог. Этому времени посвящены наши экскурсии.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
-----------------	---

ВДОЛЬ ПАЛАТ И ДВОРЦОВ ВЫСШИХ АДМИРАЛТЕЙЦЕВ

Символ имперской славы царя Петра Первого	9
«Золотые хоромы» на реке Мойке	20
Царские конюшни — знак скоростного движения в XVIII веке	25
От Большого луга до Марсова поля	29
Почтовый двор — новый тип сооружений в России ..	40
Греческая слобода на Мойке	50
Главная аптека Петербурга	53
Дворец Кантемиров. Память о Прутском походе Петра I.	58
Усадьба Балков. Трагедия семьи	70
Дом Фельтенов	76
Время Петра на Миллионной. Историческая память о сподвижниках Петра I	79
Зимние маленькие хоромы царя	94
Свадебные палаты	97
Третий Зимний императорский дворец	107
Дом корабельного мастера	123
Дворцы высших адмиралтейцев	131
Зимние дворцы императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны	140
<i>Вопросы к экскурсантам</i>	148

ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ —
К АДМИРАЛТЕЙСТВУ

На пути к Адмиралтейству	151
Веротерпимый Петербург	164
Дома В. Долгорукова и Ж. Леблона. Дворец Строганова	172
Дом К. Крюйса. Дворец Елизаветы	187
Подворье Александро-Невского монастыря	193
Гласис и Адмиралтейская крепость	197
Адмиралтейство — центр кораблестроения России. .	201
Адмиралтейство — выдающийся памятник архитектуры	218
Новая Голландия. Канатный и Галерный адмиралтейские двory	224
Исаакиевский собор — выдающийся памятник Петру Великому	227
Медный всадник — произведение национального и мирового значения	233
<i>Вопросы к экскурсантам</i>	<i>242</i>
САМ СЕБЕ ЭКСКУРСОВОД	
Практические рекомендации по проведению экскурсий для желающих стать экскурсоводами.	243
Закключение	252

Координаты для связи:
wiwkov@yandex.ru

Сергей Иванович Шишков
ПЕТЕРБУРГ ЭКСКУРСИОННЫЙ
Экскурсии.
Рекомендации по их проведению

Дизайн обложки *И.Н.Граве*
Оригинал-макет *А.Б.Левкина*

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»
ISBN 978-5-98947-096-9

Подписано в печать 12.03.2008. Формат 70×100¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4. Тираж 1000 экз.
Заказ № 096-9.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru